

МИРЫ АРТЁМА КАМЕНИСТОГО

S - T - I - K - S.

Испытание Ульем

Женя Дени

6 книга из цикла о Вере

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

S-T-I-K-S

Женя Дени

S-T-I-K-S. Испытание Ульем

«Автор»

2026

Дени Ж.

S-T-I-K-S. Испытание Ульем / Ж. Дени — «Автор», 2026 — (S-T-I-K-S)

Перед вами шестая книга цикла о Вере - девушке, чья судьба связана с самым жестоким и безжалостным местом из всех возможных: Ульем. Улей не прощает слабости, но ещё сильнее он ненавидит привязанности. И за каждую этот проклятый мир рано или поздно выставит такой счёт, платить по которому придётся собственной кровью и рассудком. Для Легавой право быть рядом с Эльбрусом никогда не было подарком судьбы, за него нужно было сражаться. Но Улей только распаляет аппетиты. Впереди у кваза и блондинки - череда кругов ада, где одно испытание сменяется другим, ещё более изощрённым. В этой безумной гонке на выживание Легавой предстоит узнать, какова финальная цена её чувств и позволит ли Стикс сохранить хотя бы каплю человечности тем, кто посмел любить вопреки его законам. Это самостоятельный роман во вселенной S.T.I.K.S. Артёма Каменистого.

© Дени Ж., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Дисклеймер	5
Глава 1: Воссоединение.	6
Глава 2: Стук в четыре утра.	17
Глава 3: Холод.	26
Глава 4: Госпиталь.	36
Глава 5: Лёша.	51
Глава 6: Рад то, рад сё.	71
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Женя Дени

S-T-I-K-S. Испытание Ульем

Дисклеймер

Все действия данной книги происходят в параллельной вселенной.

Все персонажи, события и организации, упомянутые в данной книге, являются вымышленными. Любое сходство с реально существующими людьми, живыми или умершими, а также с реальными событиями, местами или организациями — случайность и не имеет преднамеренного характера.

Автор не ставит целью пропаганду каких-либо взглядов, убеждений или моделей поведения. Настоящее произведение создано исключительно в художественных целях и не призывает к каким-либо действиям. Мнение персонажей не обязательно отражает позицию автора.

Автор не несёт ответственности за любые действия читателя, предпринятые на основании событий или поведения персонажей книги. Любые попытки повторить описанные действия происходят исключительно по личному выбору читателя.

Автор не является экспертом в области медицины, армии или иных специализированных дисциплин. Все упомянутые в тексте практические описания, советы или действия носят исключительно художественно-развлекательный характер.

В произведении могут присутствовать сцены употребления алкоголя, табакокурения, а также упоминания или сцены употребления наркотических средств. Автор напоминает, что курение, употребление алкоголя и наркотиков наносят непоправимый вред вашему здоровью. Книга предназначена исключительно для художественного ознакомления и не содержит пропаганды вредных привычек или запрещенных веществ.

В тексте присутствуют сцены насилия, сцены сексуального характера, жестокость и ненормативная лексика. Книга предназначена исключительно для лиц старше 18 лет. Не рекомендуется к прочтению впечатлительным людям, а также тем, кого могут потревожить описания физического и психологического насилия. Чтение осуществляется на ваш страх и риск.

Глава 1: Воссоединение.

Оказалось, что Эльбрус вместе с остатками своих людей и делегацией прибыл на Базу ещё два дня назад. Они решили переждать, пока зимний кластер с атомной станцией завершит перезагрузку, а ещё требовалось время, чтобы передохнуть и понять, шарахнет ли на этот раз или, скрестив пальцы, пронесёт. Кроме того, у Эльбруса теплилась смутная надежда, что потеряшки тоже пройдут через Базу. И когда ему доложили, что Легавая и Моника здесь, он выдохнул с облегчением. Честно говоря, он переживал за обеих. Здешние места отличались своеобразной опасностью даже без учёта заражённых, а Моника уж точно не была готова к полевой жизни, пусть Легавая и оказывала ей поддержку.

Отыскать их сразу не представлялось возможным, так как чернота стремительно захватывала область, а маячок Легавой и вовсе не поддавался пеленгу. Одну машину отправили караулить девушек у восточной части леса, но когда выяснилось, что тех там нет и пути их не пересекутся, дозор отозвали обратно.

"Почётного гостя с его свитой" разместили в новострое. Это был скромный одноэтажный дом на несколько комнат, похожий на казарму. Эльбрус немедленно забрал туда "подружек" из мотеля, где девушки устроились изначально. Жаль, уплаченные спораны им никто не вернул.

— И с чего бы мне это делать, Моника? — скептически поднял бровь кваз, словно её слова были слишком жалкими, чтобы заслужить его внимание.

— Она провалила задачу! — затараторила та, и слова посыпались бегучей, истеричной дробью, срывающейся в визг. — Она не думала о моей безопасности, несколько раз оставляла меня одну, мне пришлось жить у новозарянцев, я угодила в капкан и сломала ногу, потом меня чуть не сожрали, а потом взяли в заложники!

— Я вижу, что ты жива и почти цела. А это значит, Легавая выполнила свою задачу, — Эльбрус сдерживал последние крупинки терпения. — Наш знахарь тебя подлатает, он как раз тебя ждёт. Разговор окончен. Иди отдыхай.

Поняв, что её привычные женские манипуляции и слёзные жалобы не возымели на сурового командира должного эффекта, Моника пулей вылетела из помещения. Напоследок она наградила блондинку испепеляющим взглядом и, натужно прихрамывая из-за ноющей кости, поспешила укрыться в своей персональной комнате.

— Легавая! — голос Эльбруса разнёсся по тамбуру с такой силой, что дрожь прошлась по доскам обшивки. — Зайди ко мне.

Девушка устало вздохнула, нехотя поднялась со скрипучей деревянной лавки и неторопливо проследовала во временный кабинет гиганта. Тот расположился за скромным, даже хлипким по его масштабам столом из ДСП, восседая на массивной дубовой табуретке, которая под его колоссальным весом казалась хрупким детским стульчиком. Крупные ладони он предусмотрительно держал сцепленными в замок прямо в воздухе над столешницей, а блондинка невольно поймала себя на мысли, что если эта каланча расслабится и опустит руки на ламинированную поверхность, то мебель мгновенно сложится пополам. Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы сдержать улыбку, ведь зрелище это было довольно смешным.

— Как дела? — поинтересовался он, внимательно изучая её уставшее лицо.

— Приемлемо, — пожала плечами она, и прямо в этот неловкий момент тишину бесцеремонно нарушило приглушённое урчание в её животе.

— Голодная?

— Нет, не обращай внимания, — смутилась она.

— Пахнешь кровью, ранена? — настороженно заметил Эльбрус, уловив чуткими ноздрями едва заметный металлический шлейф.

Легавая машинально потёрла пальцами переносицу, пытаясь скрыть вполне естественное, но оттого не менее конфузное "монструозное состояние". Она резко вскинула голову и, стремясь поскорее увести беседу подальше от этой щекотливой темы, поспешно спросила:

— А ты как? Как прошёл грибковый отходняк?

Эльбрус на мгновение замолчал, опустил тяжёлый взгляд, а затем выдавил:

— Я... сильно просчитался с этим кластером. Потерял нескольких отличных ребят, а одному даже лично оторвал голову. Так что физический отходняк - это полная херня по сравнению с... с этим.

На последней фразе его обычно стальной, рокочущий голос дрогнул. Блондинка впервые видела этого здоровяка настолько морально раздавленным, да и подобную грубую брань из его пасти ей доводилось слышать нечасто. При виде его страданий у неё самой внутри защемило сердце, из-за чего она поддалась внутреннему порыву. Девушка подошла к нему сбоку и крепко обняла огромную, каменную тушу. Разумеется, необъятный торс кваза оказался намного шире, чем позволял размах её рук, однако она всё равно нежно прижалась щекой к его плечу, ощущая, как гулко и часто колотится мощное сердце под толстыми пластинами защитной брони. Эльбрус от такого проявления искренней нежности моментально растерялся и скованно повёл плечами.

— Гхм, гхм... — Громила откашлялся, стараясь взять себя в руки. Потом добавил уже спокойнее: — Моника сказала, что вы столкнулись с сектантами. Расскажешь об этом?

Он аккуратно и бережно отстранил блондинку, наглядно демонстрируя, что минутная слабость миновала, а любые разговоры о личных чувствах на сегодня закрыты. Легавая послушно присела на свободное место напротив и, деловито поёрзав на табуретке, спросила:

— Что именно интересует?

— Где их стаб? Сколько человек? Есть ли серьёзное оружие?

— Стаб в пятнадцати километрах от грибного леса. Их около двухсот, лидера звать Шафран. Серьёзной техники нет, разве что старая военная противотанковая пушка. В основном современные арбалеты и помповые дробовики. Я обнаружила всего два выхода, но там может быть и больше, могли ведь и замаскировать... А перед восточным КПП натканы ловушки вроде капканов, волчьих ям и, возможно, других приколов. Не знаю... Моника не во все успела залезть.

В ответ на её отчёт Эльбрус лишь издал короткий саркастичный рык.

— Только не говори, что собираешься их разбомбить...

— Ммм, а почему бы и нет? — задумался он.

— Там много детей, — решила отрезвить его она, напоминая о моральной стороне вопроса.

— Детей, которых с малолетства учат убивать квазов, — одарил он её красноречивым взглядом. — Не переживай, я не детоубийца. Ладно. Иди отдыхай, завтра обсудим планы.

Уходя, она обратила внимание на то, что в просторном помещении командира полностью отсутствовала привычная кровать. Вместо неё прямо на дощатом полу располагался матрас - такой прям кингсайз, который был аккуратно застелен чистой белоснежной простыней, дополненной подушкой и шерстяным покрывалом.

Легавая на несколько секунд задержала взгляд на этом ложе.

— Здесь нет кровати для моей туши. Приходится выкручиваться, — он заметил её недоумённый взгляд и прокомментировал царские хоромы.

— Слышала, что сон тебе особо и не нужен, — не отрывая взгляда от матраса, сказала она. — В любом случае, твоя лежанка выглядит уютно. — При этом она не удержалась от лёгкого подкола, хотя её интонация прозвучала на редкость мягко, без привычной язвительности.

— Хм, мне хватает подремать час в день, иногда шикую и отдыхаю аж целых два.

— Спокойной ночи, — сказала девушка. Но когда она уже поравнялась с косяком, то замерла и развернулась обратно.

Эльбрус посмотрел на неё с явным вопросом. Блондинка вдруг вспомнила слова Моники, и ей приспичило узнать ответ прямо здесь и сейчас, закрывая за собой дверь, чтобы никто не услышал.

— А зачем ты меня взял в сопровождение?

— Мы всегда берём в сопровождение маршалов. Разве Полкан не пояснил?

— Значит, ты не будешь заставлять меня читать чужие мысли? — она косо глянула на него, улыбаясь.

— А должен? — Его взгляд остался серьёзным. — У тебя уникальный и мощный дар, спору нет. Но позволь напомнить, что за тайное и наглое использование его можно схлопотать по полной. Мы хотим выстроить продолжительные и дружественные отношения между нашими стабами, а для этого нужно доверие. Даже если хрупкое, натянутое, но доверие. А какое может быть доверие при таком топорном шпионаже? Они не дураки. Многие иммунные чувствуют влияние ментатов, знахарей и прочих умников у себя под коркой. Это неприятно. Я сразу понял, когда ты начала меня читать. И они тоже это почувствуют. Да и на переговорах по договорённости будет только по одному ментату с каждой стороны - этого достаточно.

— Поняла, — сухо ответила она, и на душе у неё мгновенно стало чуточку легче, так как участвовать в подобных подковёрных игрищах, пускай даже ради него, ей не хотелось.

— Ещё что-то? — Он встал и начал снимать бронежилет.

Это была вовсе не типовая армейская экипировка, а сложная защитная система, скрупулёзно подогнанная под его нестандартные физические габариты. Основу конструкции составляли четыре стандартных штурмовых жилета, которые мастера распоролы по бокам и прочно сшили в единый каркас, благодаря чему область груди, спины и даже рёбер получила надёжную защиту из толстых керамических плит. В районе плечевых лямок и поясничного обхвата умельцы добавили широкие текстильные вставки из плотной кордуры с усиленной крестообразной прошивкой, а боковые панели дополнительно нарастили регулируемыми клапанами на липучках, чтобы хоть как-то прикрыть широкую спину мутанта. Поверх этого бронежилета плотно сидела разгрузка, до отказа набитая магазинами, осколочными гранатами и прочей необходимой мелочью. Её ремни тоже подверглись серьёзной переделке: их значительно удлиннили, а подsumки сместили чуть ниже, дабы обеспечить беспрепятственный доступ к центральному замку.

Эльбрус отстегнул переднюю секцию разгрузочной системы, державшуюся на его излюбленной текстильной застёжке. Вслед за этим он размашистым жестом сбросил широкий камербанд вместе со всем снаряжением, и увесистые подsumки повалились на расхлябанный столик. Однако дальше процесс демонтажа застопорился, поскольку основная крепёжная система самого бронежилета фиксировалась на тугих пластиковых фастексах и боковых стропях с металлическими пряжками. Справиться с подобными фиксаторами его огромным пальцам, увенчанным толстыми когтевыми пластинами, оказалось практически невыполнимой задачей. Пальцы попросту не пролезали в узкие пазы фиксаторов, липучки цеплялись за грубую кожу, и стоило великану с трудом поддеть одну лямку, как противоположная сторона тут же натягивалась, перекашивая всю защитную сбрую. Квaz раздражённо сопел, тщетно дёргал ремни, а мощные мышцы на его плечах наливались камнем, бронежилет не желал поддаваться, отчего на массивной морде проступило явное бешенство.

Легавая в очередной раз поняла, что это беспомощный гига-квази-пупс не справится без её руки. Мутант к этому моменту уже вовсю пыхтел, словно закипающий паровоз, а его мускулатура напряглась до предела. Лишь теперь к ней пришло понимание, по какой причине этот здоровяк круглосуточно ходит в полной выкладке даже внутри безопасного периметра:

он банально не способен разоблачиться без посторонней помощи. Столь могучий и неостановимый исполин в бытовом плане оставался беззащитным и неуклюжим, точно малый ребёнок.

— Ну-ка, не рыпайся.

Эльбрус послушно замер на месте, покорно позволяя ей заняться оставшимися креплениями. Её чуткие женские пальцы, обладавшие куда большей ловкостью, за несколько секунд управились с упрямыми защёлками и пряжками, наконец громоздкий, многокилограммовый панцирь соскользнул с его могучих плеч.

— А Монику зачем взял?

— Гм-м-м... — он задумался, подбирая слова. — Моника там нужна, чтобы задать правильный тон, настроение то есть... Она бывшая орхидея, а орхидей сейчас по Улью раз-два и обчёлся. Не уверен, что вообще такие заведения где-то остались... — Он положил бронежилет на стол, и тот, скрипнув ножками, чуть сдвинулся. — Наверняка слышала об этих "благородных заведениях" для девочек, так что долго рассказывать не буду. В общем, Моника - это ценность. Понимаешь? В моём мире и, уверен, в твоём тоже, мужикам нравится владеть самым премиальным, уникальным и дорогим. Будь то машины, яхты или девушки топ-модели. В этом мире масштаб другой, но красивые женщины - это всё равно валюта, пусть это звучит не очень.

Договорив, он внезапно умолк и принялся неуклюже ковыряться с пуговицами на своей камуфляжной рубашке. Фаланги, которые без малейших усилий гнули арматуру, сейчас беспомощно скользили по мелкому пластику, упорно не желая поддевать петли.

Легавая с улыбкой вздохнула, отстранила его огромные лапищи и сама принялась проворно расстёгивать ткань.

— Тебе бы одежду на липучках заказать, — с усмешкой заметила она.

— У меня есть. Просто чистые закончились...

— То есть ты планируешь продать им Монику? — бровь её подскочила.

— Не так грубо, — посмотрел он на неё укоризненно. — Там, в главном совете, сидят хорошие ребята. Может, она себе нового мужа выберет...

Она довела дело до конца, распахнув полы рубашки, и против воли тепло улыбнулась. Под плотной тканью обнаружилась простая трикотажная майка, а стервозная память тут же

подсунула будоражащую цепочку мысленных образов: вот она помогает ему снять бронезащиту, вот расстёгивает пуговицу за пуговицей, а следом стягивает и этот трикотаж... От этих фантазий внизу живота у неё вновь заурчало, а спазм скрутил внутренности с такой неистовой силой, будто там внезапно начался артобстрел.

— Ладно, понятно, — пожала она плечами, быстро ретируясь. — До завтра.

Девушка фамильярно хлопнула его по крепкому торсу и поспешно покинула кабинет. Едва оказавшись в прохладном коридоре, она тут же ощутила, как её с головой накрывает горячая волна желания. Ей до покалывания в подушечках пальцев хотелось прямо сейчас завалить этого верзилу на огромный матрас, впиться губами в его шею и буквально раствориться в его мощном теле, чтобы он сжимал её в своих объятиях с безумной силой. Внутренности выкручивало и плавило от этой жажды, и не только из-за того, что она, если признаться самой себе до конца, по-прежнему была влюблена в этого сухаря по самые уши, невзирая на весь его эмоциональный кретинизм и вечную замкнутость. Причина крылась ещё и в банальной физиологии: организму требовалась мощная разрядка, способная высечь искры из глаз.

Но, увы, суровая реальность женского цикла и обыкновенная гордость диктовали свои правила, а потому ни о какой романтике категории "клубничка в сливках - восемнадцать плюс" сейчас не могло быть и речи. Тем не менее, одну важную вещь она уяснила для себя абсолютно чётко - как бы прекрасная Моника ни извивалась и ни крутилась перед генералом, тот на неё даже не косился. Эта девица была ему совершенно неинтересна и не была "его человеком", что несказанно радовало сердце Легавой. Выходит, зятьёк во время их прошлого разговора вовсе не шутил, а излагал чистую правду: кваз действительно спит и видит, как бы повыгоднее сбавить обузу кому-нибудь другому.

Легавую определили на постой в просторное спальное помещение, где уже разместились остальной личный состав их отряда. Из двадцати бойцов сопровождения, изначально выдвинувшихся в этот опасный рейд, до обитаемой зоны живыми добрались лишь пятнадцать человек, хотя вся гражданская делегация, вопреки мрачным прогнозам, уцелела в полном составе. Обстановка внутри оказалась предельно аскетичной, если не сказать спартанской. Вдоль стен, практически вплотную друг к другу, выстроились железные койки. Каждое спальное место было застелено тонким матрасом с простынёй, поверх которой покоилось стандартное шерстяное одеяло зелёного цвета. Подушки высились аккуратными белоснежными кубами, будучи туго набитыми наполнителем и лишёнными малейших складок на наволочках. В данный момент из всей группы в комнате находились только Док и Мориган, в то время как остальные солдаты, выражаясь метким языком самой Мори, вовсю отрывались в баре и потаскушечной.

К слову, Эльбрус сам официально разрешил подчинённым немного расслабиться и устроить разгрузку для тела и души, так как позади остался изнурительный марш-бросок, а впереди маячил ещё более тяжёлый путь. Не мудрено, что парням требовалось хотя бы ненадолго stráвить накопившееся напряжение.

— Привет всем, — Легавая кивнула и бросила пакет со шмотками рядом с койкой, которая теперь считалась её.

— Привет, — Док смерил вернувшуюся соратницу взглядом, крутя в пальцах пластиковый стакан с подозрительной янтарной жидкостью. Та тягуче стекала по стенкам. — Ты как? Хорошо, что нашлась.

— Спасибо, нормально, — пожала плечами она. — А вы как? Держитесь?

Мужчина выдержал паузу, меланхолично покивал и многозначительно поджал губы. Как уже заметила блондинка, этот человек страстно обожал нагнетать драматизм в любой возможной ситуации.

— Ну... скажем так, бывали времена и поуютнее.

— Это точно, — отозвалась Мориган, разглядывая пузырчатую, потрескавшуюся побелку на потолке.

— Жаль, что ваши ребята не выжили... — тихо добавила Легавая, опускаясь на край койки.

— Нам тоже, — Мориган вскинула брови и качнула головой. — Пришлось оставить их там. И машины тоже. Сраный гриб...

— Там же ещё чернота пошла, — как бы невзначай напонила Легавая.

— Ага, — хмыкнула та. — Улей, видно, обосрался, когда понял, что заразный кластер загрузил. Решил под шумок замести следы.

— Не замести, а не дать отраве расползтись дальше, — поправил Док, играя в зануду.

— Да неважно, одна фигня-малина, — отмахнулась Мориган, чиркнула зажигалкой и закурила, глубоко, с наслаждением затянувшись.

Док молча протянул к ней раскрытую ладонь, без лишних слов требуя поделиться куревом, и напарница точным движением швырнула ему через весь стол табачную пачку вместе с кремниевой зажигалкой, которую тот ловко перехватил на лету.

— Будешь? — спросил Док у Легавой, выуживая папироску.

— Не курю, — коротко бросила та, скидывая ботинки и укладываясь на неудобную койку. Надо было срочно вытянуть гудящие копыта. Столько на них отбегала - ужас!

Немного помолчав, девушка перевернулась на правый бок, стараясь поудобнее устроиться на каменном ложе, подпёрла ладонью щеку и уставилась прямо на знахаря.

— Док, можешь как знахарь просветить?

— М? — он флегматично выпустил клуб густого дыма, который повис между ними сероватой занавеской.

— Могут ли спидеры, лотерейщики и топтуны быть... ну, хитрыми?

— Ну и вопросы у тебя, — фыркнула Мориган, закатив глаза. — Они ж тупые, как пробка.

— Не совсем, — одновременно возразили ей Док и Легавая.

— Ты столкнулась с умным заражённым? — Док затянулся глубже, с интересом глядя на неё.

— Да, — девушка глупо улыбнулась, вспомнив этот странный эпизод. — Он пытался заманить меня в магазин. Печеньки предлагал...

— Чо-о-о? Ты издеваешься? — протянула собеседница.

— Не издевается. Она ж их понимает, — Док кивнул, и огонёк на конце сигареты вспыхнул ядовито-алым, мгновенно съедая табак. — Телепатия, короче.

— Телепат?! — Мориган аж подалась вперёд. — Серьёзно?

Блондинка никак не показала внешне, что откровение знахаря её задело, однако всё же наградила его недоумённым взглядом, после чего тот сразу сообразил, что сболтнул лишнего в присутствии посторонних.

— Ну, я не так выразился, Мора, — осторожно начал он. — Она может считывать заражённых, говорить с ними, видеть их мысли, воспоминания...

— Какие ещё, к чертям, воспоминания?! — Мориган ошарашенно переводила взгляд с него на Легавую. — Вы что, с дуба рухнули? Они ж детей своих жрут, какие у них могут быть воспоминания?! Да не помнят они ни хера!

К счастью, шокированная наёмница безоговорочно поверила услышанному, уцепившись лишь за верхушку этой полуправды.

— Они помнят, — голос Легавой стал чуть ниже. — Помнят родные лица... матери, друга, ребёнка. Могут узнать дом, где жили. Даже запахи способны вызвать у них реакцию. Но воспоминания - это ведь ещё не осознание. Они не могут осознавать то, что помнят. Не могут чувствовать ничего, кроме голода. Так что толку от их памяти нет.

— Жу-у-уть... — Мориган поёжилась, вздрогнув так, что пепел с сигареты рассыпался по колену. — Я, конечно, всего пять месяцев в этом дерьме и думала, что уже всё видела... Но вы меня сейчас реально пробили. Бррр...

— Тот заражённый... — Док задумчиво почесал бровь. — Он тебя заманивал, потому что чувствовал, что ты сильнее его.

— Заманивал, потому что я сильнее? Серьёзно?

— Вполне. А ещё сдаётся мне... что некоторые из них могут воспринимать тебя как равную по силе. Или даже как альфу. Такое бывает у заражённых, которые прежде состояли в стае, в паре с кем-то более мощным и сообразительным. Возможно, его альфа погиб, а он остался и всё ещё искал, кому подчиниться.

— С ним был бегун, — добавила блондинка.

— Бегун к нему прибил, и они начали формировать мини-стаю. Альфа и бета, — Док кивнул.

— Они называли друг друга Первый и Второй.

— Иерархия. Всё верно. Первый - я так понимаю, лотерейщик. Второй - бегун...

Легавая удивлённо поджала губы, она ведь не говорила, кто был Первым. А потом она вспомнила, что знахари "знахают" многое. И удивление прошло само собой.

—...Но ты всё равно поподробнее расскажи, как всё было. Мне интересно. Я хоть и знахарь, но меня ж там не было, — переспросил Док, глядя на Легавую поверх стаканчика с янтарной мутью. Дым неспешно струился из его приоткрытого рта, окутывая лицо полупрозрачной вуалью.

— Я хотела зайти в продуктовый, — начала она, поднимаясь на локте, — а внутри оказались они. Прятались от урагана и заодно устроили засаду. Я их сразу засекала и слышала, как они обсуждают, каким способом меня грохнуть. Реально договаривались, кто нападёт первым.

— Прямо так и договаривались? — Мориган смерила собеседницу скептическим взглядом, в котором не прослеживалось ни грамма доверия, ибо прежде ей никогда не доводилось сталкиваться с подобными вещами, а теперь ей на полном серьёзе впаривают, будто безмозглые мутанты способны логически мыслить, хранить воспоминания и вести беседы.

— Другие люди слышат рычание, а я слышу речь... — решила она немного пояснить, раз та не поняла. — В общем, зазывали эти меня, конечно, зазывали, но я не купилась и внутрь не вошла. Однако, и они в свою очередь не решались выбраться наружу, ибо на улице в тот момент бушевал ураган. И я такой впервые видела... деревья вырывало с корнем, мусорные баки катились бочонками по дороге. Жесть, одним словом. И я не думаю, что конкретно вот эти твари считали меня равной или боялись... Иначе бы... Ну какой смысл меня было подзывать? Они бы просто спрятались вглубь магазина.

— А-а-а, вот оно как! — Док расхохотался. — Н-да, заражённые чувствуют смену погоды и очень не любят экстремальные условия. Они хоть и не элитники по мозгам, но и не полные овощи. Поэтому решили, что пусть лучше ты сама зайдёшь, чем им тебя под дождём и ветром ловить.

— Вот и я так подумала. А потом всё же убила одного. Бегун высунулся и поймал лобешником болт, — Легавая кивнула на уже трофейный арбалет, что примостился рядом с пакетом. — Ну, а лотерейщик, похоже, очень ушлым в прошлой жизни был. Сразу же принялся хитрить и заманивать меня, мол, вот тебе пачка печенья, подойди поближе и возьми...

— Ни хера се... — Мориган покрылась гусиной кожей. — Если они реально настолько соображают, это уже стрёмно.

— Я тебе так скажу, — Док сделал глоток из стаканчика и уселся поудобнее. — Если бы ты на глазах у бегуна завалила лотерейщика, ты бы заняла его место. И бегун стал бы смотреть на тебя не как на еду, а как на Первую.

— Что, я? — Легавая моргнула пару раз, словно услышала полный бред. Ну никак ей не верилось, что она способна брать тварей в оборот.

— Именно. Нет, я серьёзно. Если будешь дальше развивать дар, сможешь ими управлять. Недолго, правда, и сложно это...

— Управлять? — Мориган уставилась на него, затягиваясь с интересом. Пепел её сигареты рос, тяжелел, но она не стряхивала его, заворожённо наблюдая за лицами собеседников.

— Да, управлять, однако не всеми и не всегда, — он затушил сигарету в грязной крышке от банки. — Низшими - да. Может, даже топтунами. Но вот рапаны и элита - про них забудь. Там совсем другая лига. Так вот, к чему я это. Лотерейщик с бегуном пошли на торг, а не в лоб, потому что инстинктами почуяли, что ты сильнее, ну и плюс погода помогла. Твой включённый дар сбивает их с толку и сбивал с самого начала. Наверняка у тебя и до этого случались моменты, когда заражённые вдруг тебя слушались или происходило что-то подобное... возможно, они просто впадали в ступор.

Блондинка тут же воскресила в памяти поездку на автомобиле по просторам Улья в самом начале приключений, с Карлом Максимычем, Колей, Вероничкой и Бертой. Тогда на их транспорт неслась колоссальная тварь, а она на пике эмоций яростно приказала ей сходить в пикантное место, вследствие чего монстр на долю секунды опешил. Или как позднее в квадрате Слона ей удалось на короткое время затормозить небольшую набегающую волну заражённых. Она согласно кивнула Доку, мысленно обозвав себя склеротичкой, ведь Светозар и Веда уже растолковывали ей нечто похожее, однако ценные сведения попросту выветрились из головы из-за обилия стрессовых ситуаций и хронической утечки памяти в блондинистом мозгу. Теперь же столкновение с хитрым лотерейщиком вновь обнажило эту важную грань её способностей.

— И если бы ты в тот момент повела себя понаглее, стали бы они твоими вторым и третьим.

— Не поняла... Как? Как такое сделать? — Легавая нахмурилась, пытаясь уловить логику.

— Ну, смотри. Во-первых, они тебя начинают слушать только тогда, когда ты активируешь свой дар и говоришь с ними. Если ты выключаешь дар, то ты по умолчанию для них мясо. Во-вторых, в следующий раз попробуй, — Док вкрадчиво подался вперёд, — взять заражённого, глянуть прямо в его глаза и сказать: "Значит так, гнида, я - Первая, ты - Второй. Второй подчиняется Первой. Всё ясно?"

— Хахаха! — Мориган залилась смехом и чуть не сползла с койки. — Я бы на это посмотрела! Серьёзно, это надо записывать!

— Звучит как способ самоубиться... — прыснула Легавая, поскольку рекомендация действительно выглядела комично, да и само ругательство медик подобрал колоритное, хотя твари вряд ли бы его оценили, сочтя "гниду" едой.

— Попробуй, — настаивал Док. — В следующий раз поставь кого-то на место. Прямо жёстко. Как будто ты уже вожак стаи.

— Да ничего не выйдет, — махнула она рукой.

— Кабздец, — нахмурилась Мориган, — заражённых можно дрессировать...

— В теории да, — Док почесал шершавую щеку.

— Вот именно, что в теории, — отозвалась Легавая, задумчиво уставившись в потолок.

— Ты только это... Учти, что у каждого дара есть свои последствия. Твой дар многогранный и сложный. Стикс такие способности раздаёт только тем, кто тут не одну десятилетку отпахал... А тебе, можно сказать, повезло авансом. Что это значит - не знаю, не спрашивай. Что чувствую, то и говорю. Но смысл вот в чём... Чем дольше ты общаешься с заражёнными, тем сильнее их очеловечиваешь. Будь осторожна с этим, — он посмотрел на неё внимательно. — Они не люди, и как только твой дар перестанет на них влиять, а он всегда имеет временный

эффект, они могут растерзать тебя или твоих близких. Постоянно ты не сможешь их контролировать.

— Я учту... — Сперва у неё возникло желание горячо поспорить и заверить знахаря, будто она никогда не наделяла монстров человеческими чертами, однако память тут же подло подсунула воспоминания той огромной заражённой гориллы, к которой она испытала искреннее сострадание. А ведь жалость никогда не испытывают к бездушным чудовищам, её проявляют лишь к тем, кого подсознательно приравнивают к очеловеченным существам. Док оказался абсолютно прав. Помолчав несколько мгновений, она вновь повернулась к собеседнику. — Слушай...

— Ммм?

— Раз уж пошла такая пьянка... У заражённых есть иерархия в стае, а в орде тогда какая? Кто там главнее?

Не успела она договорить, как в неё с шорохом полетела подушка с соседней койки.

— У тебя кукуха из гнезда вылетела?! — набычилась Мориган, скидывая ноги на пол. — Никогда, слышишь, никогда не упоминай орду и элиту в одном предложении! Особенно в рейдах!

— Эм... но мы же на стабе... — Легавая поперхнулась словом. — И ты сама только что это сделала.

— Лять! — выругалась девушка, осознав, что сама накосячила.

— Мориган права, — спокойно отозвался Док. — Лучше вообще лишний раз не обсуждать такие вещи, если не хочешь, чтоб кто-то на твой трёп отозвался. А раз уж начала... — он чуть крикнул, поправляя сползающую повязку на руке, — давай устроим краткий ликбез для самых маленьких и глупых. Грибной патоген конкретно в Стиксе - это катализатор, ускоритель мутаций. И каждый заражённый представляет собой самостоятельную мутацию, и чем больше он поглощает живого, особенно иммунного мяса, тем быстрее и глубже развивается. Есть три направления, куда каждая тварь растёт. Первое - ум. Мутируют участки мозга, появляется некая логика, хитрость, способность к простому планированию. Но не ждите шахматистов, это всё ещё монстры, зверьё обыкновенное. Второе - это сила. Меняется телосложение, увеличивается масса, скорость, болевой порог. Рефлексы становятся как у напичканного стероидами питбуля. И наконец, третье, самое интересное - это связь. Возникает примитивная звуковая коммуникация. Под последним я, само собой, имею в виду рычание. Это сигналы, примитивные команды, угроза и призыв. Говорят, что заражённые могут общаться и телепатически. Но как это проверить? О! Кстати, хоть раз слышала мысли пустышей? — Док глянул на Легавую.

— Эмм... — та задумалась, — не припомню. Обычно там пусто. Размазанные ощущения, обрывки. Никаких сформированных мыслей.

— Вот, — кивнул Док. — Они недоразвиты. Не могут связно ни думать, ни общаться. Их в стаи не берут, только если в качестве подкормки на голодный день. Пустыши - это тупой биомусор. Ничего не наели, общаться не способны. Только на инстинктах и страхе могут взаимодействовать с другими, да и то туговато.

Он поднял палец, переключая слайд в воображаемой презентации.

— А теперь что касается стаи. В стае от трёх до двенадцати особей, редко когда больше. Всегда есть один вожак. Он самый сильный, он умнее, быстрее, яростнее всех и воспринимается как альфа. Может говорить с остальными рычанием или внушением. Остальные подчиняются, потому что понимают, что он сильнейший, и рядом с ним можно отожраться.

— Шестёрки, — пробормотала Мориган, криво усмехаясь.

— Далее, — Док проигнорировал её, — правая рука вожака. Если в стае пять особей, то Первый - это вожак, Второй - крепкий середняк, но всё ещё слабее Первого. Потом Третий, Четвёртый, Пятый. Чёткая вертикаль. Каждый знает своё место и кого бояться. Никакого панибратства у них, никаких конфликтов - конечно, до тех пор, пока Второй не подкачается и

не решит сожрать Первого. Ну и так далее. А вот орда... — он затянул паузу, чтобы у них по коже пробежал холодок. — Орда - это совсем другой зверь.

Он подошёл к окну, взгляделся в ночное небо.

— Орда - это уже чистый инстинкт. Одно его олицетворение... Представьте мегаполис, миллионы заражённых, обособленных в мелкие, но многочисленные стайки. А между этими стаями обычно всегда конфликт. Конфликт за еду, за первенство в силе, за территорию... Сами-то по себе они не объединяются просто так, потому что постоянно враждуют. И вдруг случается перезагрузка. И они начинают уходить, но уходить уже неосознанно объединяясь, потому что внутри каждого загорается инстинкт выживания. Любой, даже самый тупой заражённый, чувствует, что кисляк - это смерть. И вот они прут из города, совершенно непроизвольно сливаясь в один поток. Никакой иерархии в орде нет. Никаких альф. Тысячи или миллионы глоток воют, режут, рычат. Тысячи сигналов сливаются в один сплошной рёв, в белый шум, в котором невозможно командовать. Даже очень сильный заражённый ничего не сделает. Он может быть замечен, могуч, опасен, но не способен управлять целой толпой. Он просто затеряется в общем гуле, пока не отпочкуется сам и какой-то мелкий процент мелкотни вместе с ним.

Он снова повернулся к девушкам.

— Но как же тогда орда двигается в одном направлении, если её участники не слышат друг друга? Виноваты здесь зеркальные нейроны. Один побежал, другой за ним. Один заметил мясо, все бросились туда же. Они ловят эмоции друг друга. Голод, возбуждение, ярость передаются очень быстро. Иными словами, в орде все управляются примитивными инстинктами, и всё... Да... Всё довольно просто.

— Что-то мне как-то нехорошо стало... — пробормотала Мориган и плюхнулась обратно на кровать, прикрыв глаза рукой.

— Я помню, — задумалась Легавая, ложась на спину, — когда шла орда на наш таб... я чувствовала этот шум. Ты прав, там не было координированного общения или какой-то конкретики. Только гул, голод и поиск еды. Но всё равно, все в этой орде брали одно направление, накатывали одной волной...

— Ну вот, — Док подтянул ворот куртки и подхватил сигареты. — Ладно, девчонки. Пойду подышу, проветрюсь. А то эта орхидея все соки из меня выжала своими капризами и лечением, да и вы тут разговоры серьёзные затеяли, башка уже гудит...

Глава 2: Стук в четыре утра.

Через час дверь едва не слетела с петель, и в комнату ворвалась весёлая компания в состоянии алкогольной невесомости. Сон Легавой и без того хрупкий испарился, как духи из разбившегося флакона. Тучу с Зиккуратом вообще внесли под руки, а сами они лишь болтали ногами в воздухе, почти не касаясь пола.

Птаха приземлился рядом с Легавой, сразу же облепил её объятиями, прижимаясь щекой к плечу и дыша в ухо отменным перегаром с нотами местного самогона. Радовался, что она цела, гладил по плечам, хлопал по спине и с умилением выдал, что она вылитый ЛЕГАлас из KFC. Она пыталась осознать, был ли это комплимент или он попросту не понимал, что нёс в хмельном угаре, однако сам парень к этому моменту уже храпел, уткнувшись ей в шею.

Спать в таком балагане оказалось невозможно. Несмотря на промозглый ветер за окном, внутри стояла такая жарница, будто это была не казарма, а жарко натопленная баня. Окна запотели, глаза беспощадно резало от запаха перегара, потных носков и прокуренных вещей. Легавая и сама пребывала в кисло-сладком угаре от сидра, и всё, чего ей хотелось, это обыкновенной тишины и свежего воздуха, а вовсе не фейерверков храпа, случайных и не очень пердежей и посапываний.

С мимолётной завистью подумав о Монике, которая наверняка в эти минуты безмятежно дрыхла в гордом одиночестве, блондинка схватила подушку вместе с покрывалом и сбежала в прохладный тамбур. Впрочем, здешняя лавка оказалась слишком узкой и неудобной, из-за чего её спина засквернословила при первом же касании, а при малейшем неловком движении уставшее тело едва не шмякнулось на грязный пол. Это заставило её изрядно позлиться, так что в итоге она осталась сидеть глубоко несчастная, мятая, с растопыренными во все стороны волосами и ненавистью ко всему живому во взгляде, являя собой прямо-таки идеальное описание типичного пустыша.

Именно в этот момент дверь с улицы со скрипом отворилась, и в тамбур зашёл Эльбрус, который, должно быть, явился на её натужные потуги и жалобные охи.

— Ты чего тут сидишь? — его голос, глубокий и ворчливый, в полумраке тесного пространства прозвучал как настоящий пещерный рокот.

— А ты чего тут? — раздражённо буркнула она, недовольно щурясь на его массивный тёмный силуэт.

— Свежим воздухом решил подышать, — пробормотал великан, стараясь говорить как можно тише, однако у кваза понятие «потихше» всё равно равнялось попытке орать в рупор посреди гулкого бетонного тоннеля, из-за чего из казармы незамедлительно донеслось чьё-то недовольное ворчание.

— С этими гоблинами не уснёшь. Душно и воняет, — пожаловалась девушка, нервно одёргивая край пледа.

Кваз озадаченно почесал шею и широко зевнул, на секунду отвернувшись в сторону.

— Поспи у меня. Я уже отдохнул.

Она удивлённо повернула голову и максимально внимательно посмотрела на гиганта сквозь темноту.

— Врёшь, — её губы тронула слабая усмешка, — не отдыхал ты. — После этих слов она махнула лапкой из-под одеяла.

— Ну хорошо, не отдыхал. Но мне и не спится, — простодушно пожал плечами мутант.

— И чем ты займёшься, пока я буду спать?

— Да так... Карты пересмотрю, варианты обдумаю...

— Ты это сто раз уже сделал, — фуркнула она, прекрасно зная его дотошность.

— Вот почему с тобой так душно бывает, а?

От неожиданного замечания она даже широко распахнула глаза, не найдясь, что ответить.

— Пойдёшь ко мне или как? — буркнул он, уже разворачиваясь к двери своей комнаты.

— Пойду... — едва слышно прорычала она, покорно подобрала подушку с одеялом и, точно побитый котёнок, посеменила своими карапульками следом за огромным командиром.

Эльбрус вежливо приоткрыл перед ней створку, но стоило девушке переступить порог комнаты, как она мгновенно замерла на месте, поскольку на просторном матрасе, кокетливо укутавшись в плед, расположилась абсолютно голая Моника. Легавая и Эльбрус застыли в дверях одновременно, будто их пробило мощным разрядом тока.

— Ой! — Моника испуганно села на постели, судорожно натягивая на грудь край ткани.

— Моника, — Эльбрус изо всех сил старался говорить подчёркнуто бесстрастно и сдержанно, хотя в его тоне прорезались опасные интонации, — у тебя две минуты, чтобы одеться и исчезнуть из моей комнаты. Когда мы вернёмся, тебя тут быть не должно. — На последних словах великан уже разворачивался, увлекая Легавую обратно в тамбур.

— Ты вообще что ли охренела?! — яростно прошипела сама Лега, глядя на брюнетку с ядом в глазах.

— Не твоё дело! — огрызнулась та в ответ, буквально выплёвывая слова от злости и стыда.

Легавая с размаху захлопнула за собой дверь, да так сильно, что вся казарма содрогнулась, а воздух вокруг буквально зазвенел от её бешеной ярости.

У этой брюнетки не нашлось даже малейшего намёка на банальное женское достоинство, так что сейчас блондинке больше всего хотелось просто харкнуть ей в лицо да размазать хорошенько. А ведь ещё совсем недавно эта фифа беззаботно порхала возле Бабаевского, светила от счастья и задорно смеялась, а теперь она уже преспокойно обнаруживается в койке Эльбруса. Ну что за дурацкий мексиканский сериал начался на пустом месте?!

Сам Эльбрус к этому времени уже стоял на крыльце, пытаясь загасить неловкость. Наверное, другому мужику польстило бы внимание двух красоток, но только не ему. Вскоре к нему неторопливо подошёл Док, а спустя ещё мгновение к ним присоединилась и сама Легавая, до сих пор крепко прижимавшая к груди подушку, которую успела поколотить вместо Моники от переизбытка чувств.

— Что, до того навоняли, что ты решила под открытым небом спать? — со смешком предположил знахарь, двусмысленно покосившись на её растрёпанный вид.

— Да уж, не говори, — раздражённо отмахнулась она, усаживаясь рядом с мужчинами на холодную и слегка влажную от росы деревянную скамейку.

Они поболтали обо всяких пустяках минут пятнадцать, после чего Док ушёл по своим делам, а спустя ещё минут пять у пары наконец случилась попытка номер два. На этот раз комната Эльбруса оказалась абсолютно пуста, а присутствие недавней гостьи выдавал разве что едва уловимый шлейф её шампуня.

— Ложись, я тебя не побеспокою, — кваз уселся на свой массивный табурет, после чего для пушей убедительности принялся демонстративно копошиться в разложенных картах и каких-то старых бумажках. Обоим до сих пор было жутко неловко от прошлого зрелища.

— А ты меня и так не побеспокоишь, — мягко ответила Легавая, стараясь сгладить углы. — Это я тебе мешать буду.

Она плавно рухнула на мягкий матрас и сладко застонала от подкатившего блаженства, так как чистая простыня приятно пахла стиральным порошком, а одеяло манило уютным теплом. Правда, это было ещё и тепло тела гнусной брюнетки, однако блондинка решила, что ей на это глубоко пофиг, ибо самой Монике здесь больше не наблюдалось. Девушка поуютнее свернулась калачиком у самой стенки и накрылась с головой.

— Эльба...

— М? — он повернулся к ней всем своим корпусом, массивная бычья шея в принципе не располагала к нежным и пластичным движениям.

— Если начну храпеть - терпи, — она сонно улыбнулась и окончательно спрятала лицо под край одеяла.

Тот лишь глухо хмыкнул в ответ.

Легавая уже почти провалилась в долгожданный сон, но тут Эльбрус случайно уронил со стола что-то неприятно звонкое, из-за чего ей пришлось снова открыть свои опухшие, красные от хронического недосыпа глаза и уставиться на нарушителя тишины.

— Прости... — виновато пробурчал он.

— Ложись, — она требовательно хлопнула ладонью по свободному краю матраса. — Приказываю отдохнуть. Квазам, как выяснилось, тоже нужен сон. Пошикуй, как ты говоришь, похрапи часик...

— Пожалуй, откажусь.

— Сюда иди! Давай-давай... — Лега ещё разок настойчиво похлопала ладошкой по пустующей половине своего ложа.

Эльбрус на мгновение задумался, после чего всё же неторопливо присел рядом, кряхтя снял ботинки, щелчком выключателя погасил свет и аккуратно лёг рядом. Девушка тут же без зазрения совести подползла поближе и своими холодными, как две ледышки, ступнями бесцеремонно впиалась в его тёплые голени.

— Грей меня. Я мёрзну.

— Ты обещала, что приставать не будешь, — напомнил он, однако его горячее дыхание приятно колыхнуло её растрёпанные волосы.

— Я и не пристаю. Я хочу согреться. Если мы иммунные, это же не значит, что мы простудиться не можем? — Она прижалась к нему ещё плотнее, так что её ладони упёрлись в его мощные бока, словно он был огромной натопленной печкой.

Он молча притянул её к себе и надёжно укутал своими лапищами.

— Я не знаю, что она тут делала. Я её не звал, — произнёс кваз, и его жёсткие губы почти коснулись её лба. Эльбрус, сам от себя подобного не ожидая, почему-то принялся оправдываться.

— Я знаю, — вздохнула Легавая, устроившись поудобнее. — Она, похоже, и сама себя не понимает. Тут ей понравился один рейдер... Мухаха! — Она подленько засмеялась, вспомнив детали. — Они вот тут, в этом ангаре, танцевали и обжимались. Думаю, ещё немного, и она бы сбежала с ним... А потом появился ты и обломал всю малину. Ну, и она опять за своё... ну, ты понял.

— Моника очень упрямая и целеустремлённая девушка. Пока она своей цели не достигнет, покоя ей не будет. Из-за этой черты характера она постоянно тянется из принципа за тем, что ей не нужно, и к тому, кому она не нужна... — Он мерно и успокаивающе погладил её по спине.

Блондинка уютно уткнулась носом в его широкую грудь и принялась внимательно прислушиваться к размеренному, мощному биению сердца. Этот глухой звук практически тут же её убаюкал, и она окончательно провалилась в спокойный, глубокий сон. В его объятиях было так уютно и безопасно, так что ни малейшего страха, ни боли, ни даже мимолётного воспоминания о его прошлом укусе в её голове сейчас не промелькнуло. Она твёрдо знала, что он больше никогда её не обидит.

Её сладкий, будто на густых сливках взбитый сон внезапно прервал негромкий, но настойчивый стук в дверь. Кто-то снаружи явно решил, что четыре часа ночи - это идеальное время для ведения деловых бесед. Эльбрус аккуратно вытащил свою лапу из-под головы подруги, осторожно перевернулся на бок и неспешно поднялся с матраса. Девушка тоже приподнялась, сонно шурясь в темноту. Кто, в самом деле, мог припереться к командиру в такую нечеловеческую рань?

Громила машинально протянул руку к своему бронежилету, однако тут же втянул ноздрями воздух, точно ищейка на охоте, после чего уверенно положил броню обратно на стол. Легавая удивлённо приподняла бровь от подобного манёвра. Разумеется, она прекрасно знала, что у квазов обоняние развито не хуже, чем у дикого волка, но чтобы настолько? Он что, теперь способен по одному лишь запаху определить, с какими намерениями пришёл гость?

Эльбрус аккуратно приоткрыл дверь, и в образовавшийся проём сразу же ворвался приглушённый, явно тревожный голос:

— Генерал, прости, что дёргаю. Понимаю, что ты не один... да и поздно, но тут... ну, в общем...

Эльбрус обернулся, бросив короткий взгляд на Легу, и в узкой щели между косяком и дверью на секунду показалась верхняя половина Дока - девушка без труда узнала эту характерную сутулую спину и вечно растрёпанные светлые вихры волос.

— Секунду, — буркнул Эльбрус и шагнул в тамбур, прикрыв за собой створку.

Лега мгновенно напряглась. Свой дар она включать не стала, потому как отлично понимала, что если её застукают за подслушиванием или подглядыванием, выйдет крайне неловко, а застукают её непременно, так как и Док, и Эльбрус оставались излишне чуткими к подобным вещам. Однако ей до жути хотелось разузнать, в чём именно там дело. За дверью тем временем послышались невнятные переговоры, а через пару минут нахмуренный и предельно сосредоточенный генерал вернулся в комнату и властно, прорычал:

— Легавая, выйдем.

Она без лишних вопросов натянула ботинки, накинула свой плед и вышла вслед за ним на улицу, где серый предрассветный сумрак уже всюю мешался с резким запахом утреннего холода. Возле Дока и Эльбруса в ожидании стояли ещё трое мужчин. Один из них - непосредственный зам генерала, кажется, его звали Сова, довольно опытный боец, что уверенно коман-

довал отрядом, пока главный пребывал в полном "невменко". Двое других спутников оказались чем-то заметно встревоженными делегатами.

— Доброй ночи. Точнее, уже утра, — флегматично произнёс Док и поправил воротник своего кителя, чтобы ветер не задувал под него.

— Говори, — коротко бросил Эльбрус, не отводя хмурого взгляда от бледнеющего неба.

— Буду краток, — Док спокойно сцепил пальцы за спиной. — На стаб надвигается какая-то жопа.

Легавая высоко вздёрнула бровь от удивления. От человека, который умудрялся цитировать древних философов даже в сортире, подобное грубое заявление прозвучало особенно весомо и внушительно.

— Какая именно?

— Да чтоб я знал!

— Док... — подал голос коренастый делегат и доверительно положил широкую руку ему на плечо. — Ты просто скажи: нам подорваться прямо сейчас или до рассвета подождёт?

Легавая устала в сырую темноту, внутренне расправляя свой дар. Мысли и мимолётные эмоции людей вокруг тут же заискрились перед ней тёплыми отблесками восковых свечей. На ближайшие пятьсот метров в округе находились исключительно свои, и ни единого опасного всполоха заражённого разума поблизости не прослеживалось.

— Я за то, чтобы валить сейчас, — сухо бросил Док.

— Твою мать... — пробормотал коренастый и раздосадованно сплюнул на сырую землю. — Половина молодняка в дрова. Как их в чувство привести, а? Док, протрезвишь их?

— Ещё чего?! — хрипло отозвался Эльбрус, мгновенно перехватывая инициативу. — В ответственный момент дар знахаря может понадобиться. Нечего на алкашей тратить зазря. Хватайте всех за уши и тащите в ледяной умывальник. На живчике сами очухаются.

Он повернулся к своему заму:

— Дрон в воздух. Пусть проверит периметр. И сразу же доклад в штаб Базы, что это наша птичка, а то ещё собьют, как в прошлый раз. Через час хочу всех видеть у здания. В полном обмундировании. И чтоб без нытья мне тут.

Эльбрус, не говоря больше ни единого слова удалился обратно к себе.

— Легавая, — окликнул её Док, когда она уже собралась последовать за командиром, — если почувствуешь что, не тани, сразу сообщай.

Она кивнула, понимая, что в такой момент точно не до лишних разговоров. Девушка быстро забежала в здание и сразу направилась в общую казарму, где уже хозяйничал зам генерала. Мужчина бесцеремонно вытаскивал за плечи просыпающихся, жутко воняющих перегаром бойцов. Кто-то из мужиков, ещё толком не придя в сознание, смачно проблевался прямо под железную кровать, другой вслепую пытался натянуть чужие штаны, а третий настойчиво и хрипло требовал, чтобы ему немедленно привели девочек. Весь этот сонный народ принялись массово и принудительно отпаивать живчиком, после чего Сова погнал толпу на улицу. Полуголых, сонных, некоторых вообще в одних трусах - прямиком под струи ледяной воды из уличного раковина. Визг и матерщина стояли прям как в поросятнике. Приятного во всём этом процессе, понятное дело, было ноль, зато как бодрит! Разумеется, после подобных процедур все моментально очухались.

Тем временем, пока несчастных мужиков подвергали суровым пыткам холодной водой, Легавая вместе с Мориган спешно переодевались в серо-чёрный, новенький армейский камуфляж, от которого шёл острый, специфический запах заводской ткани, так и не успевшей понюхать в пахучем кондиционере. Также Легавой выдали автомат вместо её привычной дальнобойной винтовки. Она недовольно насупилась, потому как вспомнила, что её родненькая гербера осталась у тех лысых психопатов. В этот момент ей по-настоящему хотелось разре-

веться, честное слово. Но вместо слёз суровая напарница выдала ей обычную финку. Эх, вот так всегда и прикипаешь к хорошим вещам...

Она наспех сгрэбла пакет со своими шмотками, купленными на спораны Моники, ихватила трофейный арбалет. Внезапно кольнула запоздалая совесть: по-хорошему, надо бы поскорее вернуть брюнетке долг. Но как это сделать? Просто подsunуть спораны обратно в карман? Однако следом блондинка вовремя вспомнила, как эта добрая душа эгоистично крысила драгоценный горох вместо того, чтобы честно поделиться с напарницей, из-за чего в итоге обе валялись с тяжелыми травмами и яркими звёздами перед глазами сперва в том ремонтном блоке, а затем и в аптеке. Вот и думай после подобного о чужой щедрости. Пошла она в задницу, эта лицемерная добрячка-шмоточница, и вообще, она самая настоящая паскуда-баракуда.

Зато хаотичные мысли о Монике плавно привели её к воспоминаниям о Бабае и его ребятах, из-за чего она тут же развернулась и стремительно вбежала в комнату Эльбруса.

Беликан как раз застёгивал свой походный рюкзак. Без лишних слов девушка подошла ближе и аккуратно застегнула на нём свежую камуфляжную рубашку, а затем помогла с бронеиком.

— Спасибо. Обычно я справляюсь сам, — негромко произнёс он, чуть кивнув головой, тем самым в очередной раз извиняясь за свою вынужденную сосискорукость, однако этот спонтанный жест заботы с её стороны мужчине был явно приятен.

— Мне надо добежать до мотеля.

— Некогда.

— Пожалуйста. Там остались хорошие люди. Их надо предупредить.

Кваз выдохнул сквозь зубы, недовольно скрипя челюстями.

— У тебя ровно пять минут. Время пошло.

Она благодарно улыбнулась и пулей полетела прочь. К крыльцу казармы в этот момент уже подкатывали их боевые машины. Они угрожающе рычали мощными моторами, поблёскивая в предрассветной темноте стёклами. На всём бегу Легавая точным движением закинула свой пакет в кузов грузовика снабжения, и тот по счастливой случайности угодил прямо в руки ничего не соображающему со сна Птахе. Вещи повалились ему в ладони, а сам парень так и остался стоять посреди кузова с глупо открытым ртом. Следом за вещами она бережно, прямо на пол, скинула арбалет. Из соседней машины как раз недовольно вывалилась Моника, уже облачённая в точно такой же новенький камуфляж, и проводила бегущую блондинку откровенно стервозным взглядом.

Тем временем рассвет крался медленно, неохотно пробираясь сквозь стылую тьму уходящей ночи. Окружающий воздух был насквозь пропитан сыростью, которая легко вползала под одежду, забивалась в волосы, пробирала до самых костей и заставляла крупно дрожать даже тех рейдеров, кто давно привык к суровому холоду. Первые лучи солнца не давали тепла, они лишь создавали тусклый, безжизненный отблеск на блестящих от влаги поверхностях. Плотный туман стелился над землёй, надёжно прятал очертания далёких предметов и словно уносил куда-то в сторону все посторонние звуки.

Легавая ворвалась в мотель. С размаху распахнула входную дверь, из-за чего та с металлическим звоном БОООУММММ долбанулась о стенку, а сама девушка едва не снесла плечом массивный косяк. На первом этаже всё ещё вяло тусовалась парочка местных рейдеров, которые обменивались тухлыми шуточками и неторопливо подъедали солёные орешки. Легавая промчалась мимо них широким шагом и мгновенно взлетела по лестнице на второй этаж.

Нужную комнату ребят она отыскала на удивление быстро и сразу же забарабанила кулаком по дереву. Никакого ответа сперва не последовало, зато из-за закрытой створки донеслось недовольное сонное бормотание, чей-то мат и характерный стон человека, которому до этого слишком хорошо спалось.

Драгоценные минуты стремительно утекали. Легавая буквально вжималась кулаком в косяк, слыша в собственной голове только ускоряющееся тиканье натянутых нервов. Наконец, спустя две вымученных минуты, створка едва распахнулась, и на пороге показался заспанный, помятый Пёс, чьи глаза сузились до размеров крошечной щёлки.

— Чё такое?.. — просипел он, недовольно моргая с видом безвинно страдающего мученика.

— Валите. Срочно. На юго-запад, в стаб Форт Воля. Здесь будет горячо, и очень скоро, — на одном дыхании выпалила она.

— Чегооо?.. — Пёс скривился, явно силясь разглядеть хоть какой-то смысл в её сумбурных словах.

Но Легавая не стала терять время на повторения. Эльбрус выделил ей ровно пять минут, а она уже всю шестую пережёвывала. Плевать, до конца они её слышали или не очень, главное, что предупредила, а дальше сами пусть думают. Она вылетела обратно на улицу.

Там к этому моменту уже кипела бурная жизнь. Люди со всех сторон суматошно сбегались к главному КПП: кто с оружием в руках, кто с наспех собранным рюкзаком, а кто и просто с выпученными от паники глазами. Гулко ударили колокола, чтобы окончательно выдернуть жителей из тёплых постелей. Раз раздалась тревога, значит, сюда действительно семимильными шагами пришла обещанная жопа.

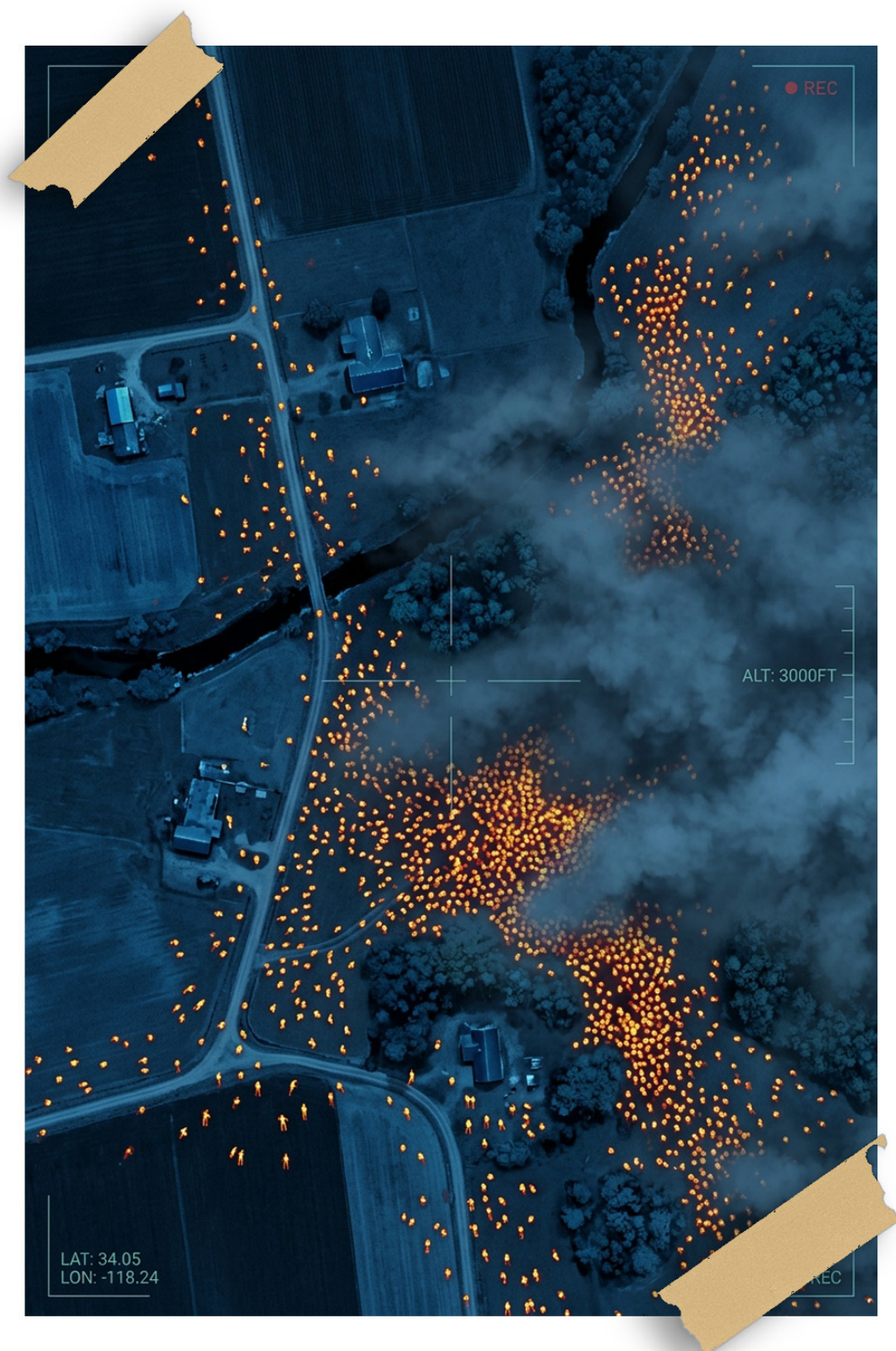
Легавая быстро подбежала к казарме, возле которой уже ревели заведённые двигатели боевых машин. В самом центре этой муравьиной суеты возвышался Эльбрус, а рядом с ним тревожно топтались всё те же двое делегатов, техспециалист и зам генерала. Моника, сохранив вид глубоко оскорблённой фрейлины, тоже находилась поблизости, однако возле Эльбруса больше не тёрлась. Ну надо же, хоть какой-то заметный прогресс!

Легавая успела перехватить короткий укоризненный взгляд генерала, он будто насквозь сверлил её своими тёмными глазами, но ничего вслух говорить не стал, только вновь хмуро уставился в небольшой планшет, который бережно держал в руках техник. На экране устройства как раз шла прямая трансляция с дрона, патрулировавшего окрестную территорию в радиусе десяти километров от границ стаба. Сперва на картинке просматривался один лишь сплошной туман, однако затем техник переключил изображение на режим тепловизора, и вот тогда...

— Твою ж... — потрясённо выдохнул один из делегатов, не выдержав увиденного.

А Эльбрус лишь сильнее сжал тонкие губы и вздохнул так, будто на его могучие плечи только что со свистом легла здоровая бетонная плита. Да, сомнений не осталось, валить отсюда надо было прямо сейчас.

— Внимание всем! — громко и чётко прогудел кваз, наконец отрывая взгляд от светящегося экрана. — По данным с дрона, в десяти километрах к северо-востоку от стаба зафиксировано массовое перемещение заражённых. Тепловизионная картина показывает, что это орда. Численность неизвестна, однако миграция идёт в нашу сторону. По предварительным прогнозам, через два часа заражённые окажутся в опасной близости от нас. Как и планировали, выдвигаемся на зимний кластер.

Казалось, окружающие бойцы внешне довольно скупно отреагировали на его суровые слова, никто из ветеранов даже испуганно не ойкнул, но по бледным лицам всё же пробежала волна тревоги. Мориган так и вовсе буквально просверлила острым взглядом глубокую дыру в Легавой. Наёмница, наверное, полагала, что именно их недавние разговоры про орду

накликали и привлекли сюда это чёртово стадо заражённых. Хотя кто его знает? Может, в Улье оно на самом деле так и работает?

Эльбрус быстро отдал планшет технику и направился в сторону бывшей фабрики, туда, где заседали всё верховное начальство стаба - скорее всего, чтобы лично попрощаться и напоследок перекинуться парой важных словечек. И спрашивается, чего он тогда блондинку так торопил, раз сам теперь расхаживает туда-сюда вольготной походкой?

— Тёплые вещи, термокомплекты - всё на себя! — зычно рявкнул зам, громко хлопнув ладонью по железному борту грузовика. — У вас ровно пятнадцать минут на сбор!

И почему раньше не сказал? Снова эти переодевалки. Легавая быстро юркнула к машине резерва, где временно хранились все важные ресурсы и элементы запаски. Те гражданские вещи, что они с Моникой недавно прикупили в местном магазинчике, были сами по себе вполне ничего, тёплые и новенькие, однако настоящая армейская экипировка оставалась совсем другой породы, а именно функциональной, надёжной и далеко не такой капризной в полевых условиях.

Выдали ей утеплённые ботинки на размер больше, тяжёлую плотную парку с резким запахом защитной пропитки, трикотажную балаклаву, плотное термобелье и перчатки. Но вот выданные штаны для Легавой оказались со специфическим гульфиком аж на уровне её груди. Ну коротышка она, что с неё взять... Так что девушка разочарованно махнула рукой на казённую одежду и предпочла остаться в своих прежних брюках. Она быстро забежала обратно в пустующую комнату Эльбруса и на самом бегу, сбрасывая с себя всё лишнее, натянула новый тёплый комплект.

Тем временем генерал на улице уже пытался втиснуть свои колоссальные габариты в салон Хамви. Получалось у него это, мягко говоря, крайне неохотно и со скрипом. Его родной, модифицированный специально под нужды огромной туши Ошкош окончательно канул в прожорливую пасть зловещей черноты, и теперь командиру приходилось уныло довольствоваться тем скромным транспортом, что оказался под рукой. А точнее - под задницей. Моника к этому моменту уже устроилась в команд-викл вместе с остальными членами делегации. Похоже, Эльба всё-таки решил раз и навсегда поставить жирную точку в их неудавшемся общении. Ну или она из гордости больше не желает быть в его компании.

Глава 3: Холод.

Из стаба колонну выпустили без лишней волокиты, да и на выезде уже концентрировались остальные экипажи. Народу скопилось тьма-тьмущая, из чего напрашивался очевидный вывод, что администрация объявила тотальную эвакуацию. В здешних краях бункера, аналогичного надёжному подземному комплексу в Форт Воле, отродясь не водилось и не предвиделось, поэтому местным оставалось лишь уповать на свои колёса. Вероятно, "аборигены" тоже рванут в направлении Радмарша, а может, и значительно дальше. Главное сейчас - это успеть укрыться до того, как сформировавшаяся орда превратит этот регион в сплошное кровавое побоище.

Выехали они аккурат на рассвете, когда багровое солнце принялось квёло разрывать налитое свинцом небо. Без слёз сострадания на сильную половину отряда смотреть было невозможно, поскольку лица у всех поголовно выглядели помятыми и болезненными из-за эпического похмелья. Разило от мужчин, понятное дело, за версту, что в условиях замкнутого пространства не сулило ничего хорошего. Вдобавок ко всему, пассажиры пребывали на взводе и заметно нервничали, а Док и вовсе дёргался сильнее обычного, увлечённо грызя заусенцы, чего за ним прежде не водилось. Легавая намеренно пристроилась рядом, рассчитывая хоть немного отвлечь приятеля ненавязчивым разговором, дабы тот излил душу и чуток успокоил расшалившиеся нервы.

— Ты чего такой...?

— Не нравится мне всё это, — прохрипел он, не отрывая взгляда от мутного горизонта за сетчатым окном. — Мы вроде как разминулись с ордой... Но ощущение беды всё никак меня не покидает...

— Ты это нутром чувствуешь? Или... были видения?

Ну вот, хотела ведь приободрить товарища, однако после его мрачного пророчества тревога мгновенно передалась и ей самой, подтверждая истину, что коллективный невроз заразителен.

— Чувствую. Нутро верещит, как резаное. И слушай, Легавая... — он перевёл на неё серьёзный взгляд. Ох! От этого взгляда по её спине пробежал холодок. — Надень-ка рюкзак. Всё полезное держи при себе. И к воде близко не подходи.

А вот теперь у неё по позвоночнику промчался целый табун колючих мурашек - Веда совсем недавно тоже настойчиво советовала ей держаться подальше от воды, и говорила это странным, напуганным тоном. Слишком уж много мистических совпадений крутилось вокруг пресловутой гидратации, и нет бы нашёлся хоть один умник, способный внятно растолковать: что за вода? Где именно эта вода? Какая опасность в этой воде? Может, ей суждено подавиться и помереть, или жидкость окажется отравленной? Или речь идёт о конкретном водоёме на маршруте? Невозможно ничего было понять из этих туманных пророчеств... Издевательство какое-то!

— Почему?... — связки у неё словно окоченели, превращая некогда уверенную речь в прыгающий лепет.

— Слушай, знахарь - это тебе не браузер... — Раздражённо развёл он руки. — У меня нет ответов на все вопросы, но говорю тебе просто, как сам вижу, — он встал, подошёл к железному ящику, открыл его и достал плоский алюминиевый футляр. — На, положи в рюкзак.

— Это... спек? — на её лице отразилось крайнее удивление.

— Да. И чую, он тебе понадобится. Живо в рюкзак, и флягу с живцом не теряй.

— Господи... — лицо блондинки исказилось. Снова накатило это отвратительное чувство, когда осознаешь приближение неминуемой задницы, но не имеешь ни малейшего поня-

тия, в какой форме она обрушится, отчего предотвратить удар становится невозможно. Идиотское бессилие!

Она без лишних расспросов забрала металлический пенал, здраво рассудив, что если уж Док что-то предчувствует, то спорить бессмысленно, ибо знахари в Улье ошибаются крайне редко, к величайшему сожалению.

В ушной раковине щёлкнуло, и сквозь шорох помех в гарнитуре пробился громкий голос генерала:

— Внимание всем группам! Через полтора часа состоится плановая остановка. Проверяем технику, ходовую часть, можете быстро перекусить. Также произойдёт переоценка маршрута. Во время остановки объявляю перегруппировку. С этого момента приоритет держим на сенсорное наблюдение. Повторяю, теперь работают сенсы. Дрон накрылся. Легавой пересесть в машину разведки, подменишь одного из бойцов. Координаты и задача будут переданы напрямую через техспеца.

Блондинка мгновенно встрепелась, сообразив, что отныне ей предстоит передвигаться в авангарде колонны, а значит, придётся максимально ответственно отнестись к патрулированию местности. Разумеется, она и прежде регулярно выполняла подобные задачи в составе группы Жало, однако сейчас эта привычная рутина отчего-то воспринималась совершенно иначе.

Чем дальше бронетехника продвигалась на север, тем глубже они погружались в суровые объятия зимы. Пожухлые осенние поля и серая трава постепенно скрывались под тонким пушистым покрывалом, а редкие перелески обзаводились скупыми белоснежными шапками. Вскоре повалил и сам снегопад: местами он обрушивался влажными хлопьями, которые мгновенно комковались и шлепались на крыши авто, а временами сменялся сухой, мелкой крупой.

Спустя положенные полтора часа головные машины затормозили возле покосившегося, древнего, насквозь заледеневшего деревянного домика, который чудом уцелел посреди заброшенного пустыря. По всей видимости, в прежние времена здесь располагалась полноценная деревня, и оставалось загадкой, в таком ли куцем виде загрузился данный кластер, или от безжалостной погоды уцелела всего одна ветхая избушка.

Забористый мороз уже вовсю принимался пощипывать носы и задницы, а в воздухе запахло колючей ледяной свежестью. Господи, какое же счастье, что среди их честной компании не наблюдалось метеозависимых отходняков, а то ведь некоторых бедолаг лютейше плющит от столь резких климатических кульбитов.

Док выскочил из салона, словно ошпаренный, опередив даже штатных техников, и, смачно наплевав на уставные инструкции, направился к Эльбрусу. Могучий квазилла как раз неторопливо выбирался из своей скромной тачки и встретил знахаря с явным недоумением. Мужчины принялись бурно обсуждать какую-то проблему, и жестикулировали они довольно эмоционально. Легавая, хоть и не могла разобрать ни единого слова сквозь завывание ветра, интуитивно понимала, что ничего позитивного данный диспут не предвещает. Она как раз неуклюже выбиралась из викла, бережно прижимая к себе нехитрые пожитки, когда громогласный заместитель Эльбруса скомандовал:

— Всем машинам, внимание! Изменение маршрута. Через пять километров возьмём поворот строго на восток и выходим на просёлочек. Держим направление до деревни Новоотрадное, проезжаем её насквозь, после чего выходим на шоссе «П-24». Направление сохраняем северо-восточное до следующей контрольной точки. Всем надеть костюмы защиты. Получить их можно в снабженке.

— Походу, АЭС всё-таки бомбанёт... — протянул Хмур.

Натягивать комбинезон поверх плотной одежды в условиях тесноты транспортного средства - удовольствие ниже плинтуса, однако это было всяко лучше, нежели в случае непредвиденного выброса глотать радиоактивные осадки, чтобы затем мучительно страдать от жестокой

изотопной ломки. Облачившись в громоздкую экипировку, блондинка перебралась в салон разведывательного хамви, а второй аналогичный внедорожник с Эльбрусом пристроился следом, прикрывая тыл.

Зимняя, изначально неприветливая погода принялась капризничать с удвоенной силой. Резкий ветер стремительно набирал мощь, принимаясь с яростным завыванием метаться между обледеневшими стволами взметать колючие спирали, которые, подобно микроскопическим лезвиям, безжалостно резали кожу лица и веки, стоило лишь на секунду приоткрыть маску. Триплексы машин неудержимо покрывались матовой коркой наста. От этой белой круговерти невозможно было отвести взгляд. Это было хоть каким-то разнообразием, блондинка давно не созерцала полноценных зимних пейзажей.

— Легавая на связи. Вижу активность на час, примерно в трёхстах метрах на дороге. Предположительно рубер... затаился за маршруткой.

— Принято, Легавая, — отозвался зам. — Манч, держи правый сектор! Моргиган, подстрахуй. Легавая, оставайся на связи, если начнёт двигаться - фиксируй траекторию.

Колонна слаженно перестроилась левее, уходя по дуге от опасного участка, и водители предусмотрительно сбавили скорость. Примерно через триста метров, когда разыгравшаяся метель превратилась в сплошное белое марево, Легавая уловила ментальным даром упругую, обжигающую волну чужой ярости и выкрикнула в микрофон:

— Сейчас прыгнет!

Огромный северный рубер вылетел из плотной снежной завесы подобно внезапному сходу лавины. Сидящий за рулем боец чудом успел крутануть баранку, уклоняясь от прямого тарана, однако массивная бестия не проскочила мимо, а всей своей тушей обрушилась на капот, глубоко вонзив когти в усиленную броню. Внедорожник ощутимо клюнул носом от

удара, истошно завизжал покрывками по обледелому асфальту, но чудом удержал траекторию. Тем временем монстр уже резво подтягивался выше, сдирая защитную краску и оставляя на металле глубокие рваные борозды. Рубер оказался поистине колоссальным: грязновато-белая шерсть клочьями свисала с мощных плеч, создавая впечатление, будто он в спешке налепил супер-клеем на себя обноски шкуры полярного медведя. Узкая, прижатая к загривку голова напоминала костяной череп, увенчанный массивным щитком из ороговевших пластин, которые нависали над злыми антрацитовыми глазами. Усеянные треугольными клыками челюсти бешено клацали, разбрызгивая хлопья вязкой пены, а бритвенно-острые когти кромали кузовной металл, словно тонкую фольгу, но бронированный каркас хамви пока держал натиск.

— Он карабкается! — в панике проорал водитель, пытаясь одновременно удержать руль и не подставиться под новый удар.

— Не могу стрелять! — донеслось по радиации от Мориган, чей хамви следом пробивался сквозь снежную завесу.

— Я тоже не могу снять его с пулемёта! — отрапортовал Манч, после чего принялся азартно осыпать прыгуна автоматными очередями. Бить, впрочем, приходилось практически вслепую, из-за чего пули большей частью уходили в белесую круговерть. Попасть в бронированную черепушку или скрытый спортивный мешок не представлялось возможным, однако теплилась слабая надежда хотя бы перебить твари нижние конечности, дабы подпортить ей эту охоту.

Тварь оглушительно зарычала, заставив завибрировать толстые стекла кабины - по всей видимости, несколько рикошетов все-таки неприятно ужалили шкуру, вынудив рвануть вверх. Когти с противным скрежетом вонзились в верхнюю кромку корпуса, и монстр завис на лобовом стекле, после чего принялся вколачивать костяной лоб в триплекс. Раз, другой - и хамви мужественно переносил удары, однако на третий раз по стеклу побежали радиальные трещины. Разумеется, многослойный блок не рассыпался, но внутренние слои мгновенно подёрнулись белой паутиной, а снаружи яростно заскрежетали когти, цепляющиеся за резиновый уплотнитель. Вторая машина под командованием Мориган уже стремительно нагоняла их, пытаясь поравняться и бортом скосить наглеца с капота.

— Эй ты! — заорала Легава, глядя прямо в злую рожу рубера. — Я первая! Ты второй! Отцепись от капота! ЖИВО!

Шофер мельком зыркнул на неё, как на умалишенную, пока неуправляемый внедорожник всё сильнее вилял на обледевшем покрытии.

— **ТЫЫЫИ МЯССООООО!** — оскалился рубер. — *Едаaaaaaaa.*

Что ж, сеанс гипноза провалился.

Буран окончательно перешёл в режим сплошной стены, урезая видимость до пары метров, а намёрзший лёд превратил дорожное полотно в безупречное зеркало, из-за чего колёса то и дело срывались в пробуксовку. Хамви резко дёрнуло влево. Водитель, вспльчиво матерясь, вцепился в рулевое колесо, пытаясь стабилизировать многотонную махину, но шины окончательно потеряли сцепление со скользкой кромкой. Руль неистово задрожал, выбивая пальцы, броневики вновь клюнули носом и, сорвавшись в боковой занос, на полной скорости вылетели с трассы напрямик на снежную целину.

Легавую мощным импульсом швырнуло на внутреннюю обшивку двери, а тугий ремень безопасности мгновенно врезался в плечо и грудную клетку, силой вышибая остатки кислорода из лёгких. Перед глазами заплескались разноцветные круги, а сознание на миг поплыло от резкого падения давления. Одному лишь нечувствительному к боли руберу было абсолютно плевать на законы физики: он по-прежнему прочно удерживался на капоте и продолжал неистово долбить костяной головой несчастный триплекс. Каждый удар отзывался внутри салона гулом, от которого закладывало уши и дрожала вся приборная панель. Трещины расползались по стеклу

со свистящим звуком, и сквозь образовавшиеся микроскопические щели внутрь начал просачиваться обжигающий уличный холод, густо перемешанный с тошнотворной, гнилостной вонью из пасти хищника. Через гарнитуру Легавая слышала чьи-то истошные крики, однако разобрать конкретные слова в этом хаосе невозможно, да и яростный рокот чудовища напрочь перекрывал все звуковые частоты, а общая ситуация по наклонной катилась в сраку.

На скрытом под глубоким снегом валуне броневик подпрыгнул, на долю секунды оторвавшись от земли всеми четырьмя колёсами, и в этой фазе кратковременной невесомости время словно замедлило свой ход. Затем машина рухнула обратно, заскользила боком по крутому склону, и замкнутое пространство наполнилось оглушительным визгом рвущейся стали и скрежетом сминаемой обшивки. Окружающий мир за окнами превратился в безумную карусель, в которой хаотично мелькали обрывки неба, комья снега, багровая клякса, искаженная пасть мутанта и снова бесконечная снежная мгла.

Тем не менее Легавая успела краем глаза заметить, как рубер предпринял попытку соскочить, мощно оттолкнувшись лапами от капота, однако законы инерции оказались быстрее, и многотонная бронированная конструкция уже неудержимо заваливалась набок. Последовал один жёсткий удар, затем второй, а после этого крыша хамви с чудовищным металлическим хрустом, от которого у девушки мгновенно заныли зубы, со всего маху впечаталась аккурат в массивную тушу монстра. Раздался мерзкий, влажный треск лопающихся костей и рвущихся сухожилий, после чего всякое движение прекратилось.

Внедорожник замер вверх колёсами. Внутри изуродованного салона воцарилась бы практически абсолютная тишина, если бы не свистящее шипение разорванного радиатора и прерывистое, хриплое дыхание выжившей девушки. Воздух мгновенно пропитался запахами разливающегося горючего, раскалённого блока двигателя и свежей крови. Блондинка никак не могла сфокусировать блуждающий взгляд, всё вокруг кружилось и двоилось, к горлу подкатывала сильная тошнота, а грудную клетку болезненно сдавливало. Она оказалась зажата в крайне неудобной позе, удерживаемая на весу натянутой стропой ремня безопасности.

Разведывательный хамви теперь покоился пузом к небу, напоминая огромного покалеченного жука, чьи колёса ещё некоторое время продолжали беспомощно вращаться в воздухе, постепенно замедляя свой ход. Из-под деформированного капота повалил густой, едкий дым, который мгновенно зашкотал ноздри и заставил её закашляться. В ушах звенело так, словно туда запустили рой рассерженных шершней. Кое-как сориентировавшись в пространстве, Легавая наткнулась взглядом на водителя: несчастному острым обломком обшивки практически полностью перерезало шею, и тёмная кровь толчками сочилась из раны. Пулемётчик же, к огромному несчастью, попросту не успел вовремя нырнуть внутрь корпуса, когда машина начала кувыркаться по склону, отчего его верхняя часть тела превратилась в сплошное кровавое месиво, из которого нелепо торчали одни лишь ноги внутри салона. Позвоночник бойца, судя по характеру повреждений, перемололо начисто. Лихорадочно дёрнув пряжку ремня, Легавая дождалась, пока фиксатор наконец разомкнётся, после чего мешком рухнула вниз, шлёпнувшись о стальной потолок. Довольно странное ощущение - падать на потолок... Кое-как перевернувшись, она попробовала толкнуть деформированную дверь, однако та не поддавалась ни на миллиметр, а вестибулярный аппарат продолжал безбожно укачивать её, словно во время жестокого шторма. Приглушённый гул моторов подошедшей колонны доносился откуда-то сверху, воспринимаясь смазанным и далёким, будто сквозь толщу воды. Вслед за рокотом двигателей послышался отборный мат, и кто-то подбежал к заклинившему проёму.

— Сенсиха живая! — проорал грубый мужской голос. Кажется, это был Буча. — Бля... А парни всмятку... — уже с досадой отрапортовал он кому-то.

"Сенсиха"? Нормальный он, конечно, феминитив выдал. Лысая башка даёт пирожка - так сказать.

В следующую секунду снаружи оглушительно загрохотало, заставив девушку испуганно вздрогнуть. Похоже, "спасатели" принялись со всей дури лупить топором или ломом по искорёженному листовому железу. Неистовый лязг раздавался буквально в паре сантиметров от её головы, отзываясь болезненной вибрацией в стенках зажатого салона.

— Давай, давай, ещё чутка! — рычал Буча. — К херам эту обшивку!

Долбили с такой силой, что у неё едва не раскрошились зубы от этого невыносимого звука. Наконец, экзекуция ненадолго прекратилась, а следом донёлся металлический щелчок карабина и шуршание капрона. Легавая с трудом скосила глаза вправо, пытаясь разглядеть происходящее через покрытый сеточкой трещин триплекс. Снаружи мелькали чьи-то грязные берцы: один из бойцов опустился на колено у самой двери, а второй споро побежал к искорёженному носу перевёрнутого автомобиля.

— Стропу гони! В дыру!.. Так, есть! Замок защёлкни! Проверь!

Раздался ещё один щелчок, прозвучавший заметно глуше, когда карабин надёжно зафиксировали на импровизированной петле из стального троса.

— Всё, цепляй к лебёдке! Тросогаситель накинь, имбецильный!

— Накинул, бля, не ори, долбан! Отошли все! Скрылись резко! — мужской голос сделался хлестким и откровенно злым. — Давай!

В воздухе повисла гнетущая пауза... секунда, две, три. Легавая совершенно не понимала сути происходящих манёвров, отчего на душе становилось неудобно. Нет, ну она догадывалась, что заклинившую створку пытаются сорвать силой, однако всеобщий ор и взвинченное состояние "спасателей" оптимизма не добавляли. В следующее мгновение окружающая реальность буквально взорвалась оглушительным скрежетом и пронзительным воем рвущихся сварных швов. Электрическая лебёдка натужно взывала, набирая обороты, трос натянулся и издал низкий, вибрирующий гул, ударивший по контуженным перепонкам. Многотонный остов хамви дрогнул, просел на деформированной крыше, внутри что-то хрустнуло, а затем последовал резкий, похожий на выстрел хлопок. Дверь пушечным снарядом вылетела наружу, ухнув в глубокий сугроб в трёх метрах от внедорожника. В образовавшийся проём моментально ворвался ледяной, обжигающий ветер, несущий с собой острые кристаллики снега. Он в одно мгновение выветрил из салона удушливую бензиновую вонь, позволяя Легавой сделать первый жадный, глубокий вдох чистого воздуха. Луч тактического фонаря на мгновение ослепил её, а вслед за светом в проёме показались крепкие мужские руки. Кто-то уверенно ухватил её за крепежные ремни костюма и рывком выволок наружу. Последнее, что зафиксировало угасающее сознание - это обжигающий мороз на щеках и стремительно наплывающая темнота, после чего она окончательно отключилась.

Очнулась она уже в салоне другого хамви. Громоздкий костюм радиационной защиты был аккуратно расстёгнут и стянут с неё по самый пояс, а рядом пристроился её массивный рюкзак. Кто-то тыкал ей прямо под нос открытый флакон с ядрёным нашатырным спиртом, из-за чего дыхательные пути спазматически перекрывались, а истерзанный организм требовал сделать полноценный глоток воздуха. И этот кто-то явно не знал, что человека в бессознательном состоянии нельзя приводить в чувство ни нашатырём, ни пощёчинами, ни чем-либо ещё. Всё, что нужно было сделать - это правильно уложить и открыть дыхательные пути. К счастью, на Легу это не повлияло негативно. Девушка лишь мучительно закашлялась, а глаза мгновенно зашипало от едких испарений. Прямо перед ней, пока ещё слегка расплывчатый, но безошибочно узнаваемый, сидел Эльбрус.

— Ты как? — прогудел он.

— Щас... стошнит, — просипела она, чувствуя, как взбунтовавшийся желудок хочет засветить всё то, что успело там накопиться за текущие сутки.

Эльба в очередной раз доказал, что на него можно положиться в любой ситуации. С феноменальной скоростью и точно в нужную секунду он ловким движением лапы подсунул под её подбородок самый обычный пластиковый пакет. Легавая не успела даже вымолвить банальное спасибо, как её резко, шумно и крайне неэстетично вывернуло наизнанку. Самое постыдное заключалось в том, что несколько злосчастных капель рвотной массы ухитрились угодить прямоком на его огромные ладони. Заметив этот конфуз, блондинка испуганно вжалась в спинку кресла, напоминая нашкодившего кота.

— Ох чёрт... прости... прости... — она постыдно прикрыла рот ладонями, а глаза округлились от смеси дикого ужаса и жгучего стыда.

Однако кваз даже бровью не повёл, словно не произошло ничего экстраординарного, и уж точно не высказал ни грамма брезгливости. С самым невозмутимым видом он извлёк влажную салфетку, резко пахнущую спиртом, и неторопливо обтёр руки.

— Ещё? — спросил он неожиданно мягко, с несвойственной ему, заботливой интонацией.

— Нет - нет... всё... — едва слышно прошептала она. Глаза её поблёскивали от смущения, а по бледным щекам все ещё катились непроизвольные слёзы, вызванные недавним желудочным спазмом. — Ты извини...

— Ерунда, — добродушно отмахнулся тот.

Затем Эльбрус коротко переговорил о каких-то технических деталях с Мориган, которая тоже обнаружилась в салоне этого хамви. Сама Легавая просидела в состоянии полного аута ещё около четверти часа: голова гудела, словно чугунный котёл, а перед взором то и дело проплывали жирные тёмные пятна.

— Ребята... они... — она крепко стиснула руками живот, пытаясь совладать с очередной накатывающей волной противной дурноты.

— Да. Водитель и пулемётчик погибли. И хамви тоже в хлам, — тяжёлые желваки на его скулах сурово заходили из стороны в сторону. По выражению лица было прекрасно видно, насколько тяжело ему даётся потеря сразу двоих опытных бойцов и, ко всему прочему, редкой, отлично защищённой единицы техники. — Тебе полегче?

— Немного... Только ухо левое оглохло будто. И всё ещё мутит...

Он понимающе кивнул, после чего отцепил от тактического пояса увесистую вощёную флягу, висящую на эластичном жгуте, и протянул ёмкость девушке.

— Давай, милая. Отпей немного, станет легче.

— ...Милая? — изумлённо переспросила она с ухмылкой, уставившись на него снизу вверх из-под растрёпанных блондинистых прядей.

Гигант на долю секунды осёкся, явно застигнутый врасплох.

— Да пей ты уже, — буркнул он, поспешно отводя взгляд в сторону.

И она послушно отпила. Холодный, обжигающе-резкий поток целебного концентрата мгновенно ударил по рецепторам, разливаясь по пищеводу чистым огнём, который эффективно согревал изнутри, прояснял затуманенный разум и стремительно возвращал измученное тело к жизни.

— А где мы? — Легавая прищурилась, пытаясь рассмотреть что-то сквозь бронированное сетчатое окно.

— Проезжаем деревню уже.

На стальной переборке рядом с ним покоился планшет в защитном корпусе. Эльбрус неуклюжим движением свайпнул по экрану, оставив на стекле жирный отпечаток пальца. Матрица старенького гаджета явно доживала свои последние дни, о чём наглядно свидетельствовали радужные разводы и тёмные пятна, расплывающиеся по пластиковой поверхности, однако сквозь эти дефекты всё же прорисовалась навигационная карта. Легавая честно попыталась

рассмотреть нитку их маршрута, но остаточная муть в глазах превращала любые линии в размытые дымчатые силуэты.

— Генерал, приказываете ли сохранять текущий маршрут несмотря на ухудшение погодных условий? — холодный и деловой голос зама нарушил тишину. — Видимость стремится к нулю, риск влипнуть в очередную проблему растёт. Есть распоряжения по изменению тактики или укрытию?

— Внимание всем машинам! — чётко пророкотал Эльбрус. — Держать дистанцию не менее ста метров. Скорость снизить. Сенсам максимально включить сканирование. Каждая машина отвечает за ситуацию вокруг себя.

— И много у нас этих сенсов-то осталось? — прошипела Легавая, тщетно пытаясь удержать всё ещё раскалывающуюся от боли голову в узде.

— Три, включая тебя, — грустно вздохнул он. — Так что давай, приходи в себя.

— Я ж не сенс, — ехидно ухмыльнулась она, несмотря на паршивое самочувствие.

— На безрыбье и рак... — Эльбрус предпочёл не развивать эту мысль. — Хочешь ещё пить?

— И пить, и поесть бы... — отозвалась она, машинально облизывая пересохшие губы и ощущая, как внезапно проснувшийся волчий голод начинает требовательно сжимать желудок. Организм только что перенёс принудительную чистку, ему теперь требовались калории для восстановления сил.

Кваз аккуратнo извлёк из рундука стандартную упаковку ИРП, ловко сорвал защитный пластик и переложил герметичный пакет в термостойкий чехол со встроенным химическим нагревателем. Добавив немного воды, Эльбрус установил конструкцию вертикально. Спустя пятнадцать минут, когда внутри вовсю зашипела реакция, горячее блюдо было полностью готово. Он аккуратнo оторвал зип-полосу и протянул исходящий паром паёк девушке, предвzрительно вложив в её ладонь пластиковую ложку.

— Подкрепись, — лаконично произнёс он, выставляя рядом полторалитровую бутылку чистой питьевой воды.

— А ты?

— Не голоден.

Она с энтузиазмом набросилась на еду, однако уже после первой пробы разочарованно скривилась. Разумеется, она прекрасно понимала, что армейские рационы создаются отнюдь не для утончённых гурманов, однако реальность превзошла ожидания. Разбухшая гречка оказалась избыточно мягкой, но при этом сбившейся в плотные безвкусные комки, а волокна куриного мяса отличались жёсткостью подошвы и практически полностью лишились естественного аромата. Общий вкус этого кулинарного шедевра отдавал неприятной пресностью с раздражающим металлическим оттенком, который моментально активировал самые чувствительные рецепторы. По всей видимости, виной тому послужили специфические консерванты, стабилизаторы и прочая хитрая химия, призванная продлевать срок годности сухпайка до бесконечности. Данная смесь оставляла на языке ощущение лёгкого онемения. Даже добавленные производителем специи не могли заглушить этот навязчивый синтетический привкус, от которого неприятно вязало во рту, вынуждая запивать буквально каждую отправленную в рот порцию. Сделав четыре быстрых гребка исключительно из соображений вежливости, Легавая отодвинула чехол обратно к Эльбрусу.

— Наелась... Спасибо...

— Женщины... — он строго и вместе с тем искренне удивленно посмотрел на неё. — Ешь как мышь!

Кваз без лишних церемоний подтянул пакет к себе и принялся закидывать в рот остатки каши той же ложкой, словно стремясь компенсировать её вопиющую скромность. Ох уж этот милый, простодушный Эльбрус... Подавляющее большинство мужчин уверено, будто пред-

ставительницы прекрасного пола потребляют пищи ровно в два раза меньше их самих. Ха! При нормальных обстоятельствах Легава была способна без труда уничтожить порцию, значительно превышающую стандартную, в чём Мун с Думом уже имели сомнительное удовольствие неоднократно убедиться лично. А уж про объёмы поглощаемого алкоголя и вовсе стоило деликатно умолчать, пара литров сидра за раз влетали в неё как родные. Вот и сейчас она по-прежнему оставалась голодной, однако продолжать попытку этим химическим варевом не имела ни малейшего желания, зато с искренней улыбкой наблюдала за тем, как Эльбрус расправляется с остатками пайка.

Буквально через семь минут головная машина колонны наконец выбралась на оперативный простор шоссе. Заледеневшая трасса круто ныряла в низину, где раскинулся какой-то безымянный провинциальный городишко, который им теперь надлежало проехать насквозь, дабы благополучно свернуть на первоначально запланированную магистраль. Легава неотрывно пялилась в стекло, однако снегопад к этому моменту превратился в сплошной, ревущий поток, удерживая видимость на действительно нулевой отметке. Сквозь неистовое завывание шквального ветра и буран, швыряющий в окна пригоршни белой шрапнели, колонна бронемашин медленно продвигалась по занесенному полотну.

Внезапно по правую сторону беззвучно полыхнул слепящий свет, словно где-то на горизонте моментально разгорелся колоссальный огненный факел. Эта вспышка с лёгкостью вспорола метель, отбрасывая зловещие, ломаные тени, которые безумно заплясали по искрящемуся насту и замёрзшим стеклам машин. Следом за световым импульсом свинцовое небо разрезал гигантский столб дыма... густой, угольно-черный, невероятно тяжелый, он стремительно поднимался ввысь, бесследно растворяясь в брюхе низких туч. Лишь спустя несколько секунд буран наконец донёс до группы запоздалый, раскат взрывной волны. Корпуса многотонных хамви содрогнулись, отзываясь на мощный инфразвуковой удар, заставивший мелко завибрировать внутреннюю обшивку.

— Это что такое? — Легава распахнула глаза и открыла рот.

— АЭС... — спокойно ответил Эльбрус. А затем тапнул по гарнитуре в ухе и сурово забасил: — Внимание всем! Только что произошёл взрыв на местной атомной станции, расстояние до нас - примерно двадцать пять километров. Плюс, погода совсем ухудшилась... В связи с чем мы въезжаем в город, и здесь могут быть твари, которых вы не видели ни разу в своей жизни. Поэтому держите ухо востро! Приказываю немедленно перейти в режим поиска укрытия. Все силы бросаем на укрепление позиций в городе. Разведке усилить патрулирование и сканирование на наличие аномалий и врагов. Из-за взрыва атомной станции ожидается радиоактивное заражение местности. Соблюдайте строгие меры радиационной безопасности и не снимайте защитные костюмы, следите за показаниями дозиметров. Медицинскому персоналу быть наготове для экстренной помощи.

Глава 4: Госпиталь.

В городе снега навалило по колено, а местами сугробы поднимались и того выше, так что даже основательным машинам пришлось наспех прилаживать отвалы на передки, чтобы пробить себе дорогу. Но не это напрягало сильнее всего. Вдоль улиц, на перекрёстках, возле распахнутых дверей разных заведений и подъездов жилых домов стояли, сидели, лежали замёрзшие статуи. Ледяные напоминания о людях, потерявших рассудок и застывших в тех позах, в которых их настиг мороз. Хорошо хоть снег припорошил их сверху, скрыв черты лиц и превратив в безликих снеговиков, а то было бы совсем уж печально.

Зимний кластер с этим городом загрузился чуть больше трёх дней назад. Для обычной жизни срок смехотворный, а для здешних процессов достаточный, чтобы всё уже отфильтровалось. Те, кому суждено было обратиться - обратились, а те, кому нет - сделались иммунными и, скорее всего, большинство из них пошли на корм первым. Но перед этим происходил стан-

дартный грибной "онбординг": на первых стадиях заражения гриб ещё не контролирует носителя полностью, но уже нашёптывает ему из глубин черепной коробки простые, доходчивые вещи. Мол, скоро мы с тобой проголодаемся, и нам понадобится свежее мясо, а если ты останешься сидеть в своей бетонной коробочке, мяса будет мало или не будет вовсе. Выходи на улицу, там тебя ждёт целое раздолье.

И ведь выходят. Обезумевшие обыватели толпами покидают машины, бросают рабочие места, уютные квартиры, а порой даже ваннные комнаты и сортиры, чтобы затем шляться по открытым пространствам с абсолютно остекленевшим, потерянным взглядом. Со стороны подобное выглядит чудно и жутко одновременно, хотя паразиту только того и требуется. Когда споры окончательно захватят бразды правления над нервной системой, физическая оболочка донора уже окажется на улице и сможет беспрепятственно заняться эффективной охотой, избавившись от лишних преград в виде запертых замков.

Вот как раз по этой причине на местных проспектах и скопилось столь внушительное количество ледяных изваяний. Случаются, само собой, и исключения из общих правил, например, когда паразиту по какой-то причине так и не удастся "достучаться" до упрямого человеческого разума. Или же носитель в роковой момент был прикован к больничной койке, да и мало ли по какой иной причине бедолага оказался недееспособен.

Здесь, на заиндевевших улицах этого городишки, окоченевших пустышей обнаружилось великое множество. Зараза честно выполняла свою биологическую программу, однако местная погода установилась настолько суровая, что на корню обломала паразиту всё. Оно и неудивительно, ведь лютый холод гриб категорически не приветствует, да и отрицательные температуры весьма негативно сказываются на двигательных функциях любого теплокровного.

Впрочем, урбанистические пейзажи населяли далеко не одни лишь безобидные ледышки. Твари из числа более везучих обитателей округа ухитрились блестяще адаптироваться к морозным реалиям, а именно обзавелись плотным шерстяным покровом, изменили обмен веществ, развили поразительную хитрость и наработали уникальные боевые инстинкты, каких отродясь не встретишь у их собратьев из южных регионов. Вот подобных мутантов рейдерам и следовало опасаться в самую первую очередь.

Должно быть, у вас уже родился закономерный вопрос, отчего одни бедолаги столь тупо превратились в мороженое, а вторые внезапно выдали мощный эволюционный скачок, ответ окажется банален до неприличия. Отожрались. Да, просто отожрались. Продвинутым особям посчастливилось своевременно раздобыть критическую массу биоматериала, необходимого для стремительной трансформации и качественной прокачки собственного организма. К примеру, забаррикадировался случайно десяток перепуганных граждан в каком-нибудь магазинчике. Из них двое обратились первыми и оперативно пережрали оставшихся под крышей спутников. А в магазинчике ещё и разделанное мяско оказалось. Говядина, ягнятина, курочка, кролик... Они ведь и этим не брезгают. А после столь обильной трапезы у новоявленных хищников уже и зачатков мозгов хватило сообразить, как поскорее покинуть стеклянную ловушку, да и сил прибавилось, чтобы не окоченеть на пронизывающем ветру, благополучно отыскать новое надёжное укрытие и обрести защитным пушком. Ну а дальше включилась привычная схема: там зазевавшегося человечка поймал, тут неосторожную птичку прихлопнул, здесь жирную крыску сцапал - и пошло-поехало. Волосня на теле растёт как на дрожжах.

К тому же три дня - срок слишком малый, чтобы все твари успели улизнуть из города в поисках нового пропитания. Они ещё чуяли, что где-то здесь оставались вкусные иммунные: люди, собаки, кошки, всё, что способно двигаться и истекать теплом и вкусной кровью. Пока не закончатся последние, пока город не превратится в пустую ледяную скорлупу, заражённые будут рыскать везде. А значит, следовало глядеть в оба.

Для временного укрытия решили выбрать ближайший госпиталь. Он насчитывал десять надземных этажей и ещё два подземных уровня, и именно под землю отряду сейчас и требовалось.

— Сенсам немедленно начать сканирование окружающей территории. Как только проведём разведку, переходим к распределению по боевым группам для зачистки и укрытия.

Через пять минут в эфире раздался голос зама:

— Сет, докладывай!

— Эээ, вижу слабую активность на первом этаже, в конце здания заперты два ползуна. На втором этаже обнаружена тройка бегунов в состоянии дрёмы. Вроде как по палатам разбросаны пустыши, джамперы, бегуны, но они наверняка заперты. Что касается верхних или подземных уровней, то туда пока что не дотягиваюсь.

— Принято! Всем войти в холл госпиталя, держать боевую готовность!

Один за другим бойцы повыскакивали из машин. На улице стоял такой лютый холод, что, не будь на лицах защитных экранов, глаза бы заledenели в считанные секунды. Интересно, откуда вообще прилетел этот кусок Земли? Прямо с самого севера, что ли?

Все ввалились в холл, клином занимая позиции, и быстро перетаскивали кое-какие вещи из машины с ресурсами. Фонарики на прикладах выхватывали из темноты обстановку, а она здесь была, прямо скажем, та ещё. Потоки тусклого серого света едва пробивались сквозь покрытые пылью, льдом, грязью и кровью окна, а на некоторых стёклах ветвились трещины от чьих-то обезумевших ударов.

Сквозь намёрзший на полу слой багрового льда и грязи проступали человеческие кости: мелкие фаланги, обглоданные рёбра, черепа и тому подобное. Их белизна жутко контрастировала с тёмной, липкой массой, запёкшейся на плитке. В уголках, возле поваленных кресел и гардероба, разбросаны измятые, насквозь пропитанные алым рваные куртки, порванные шарфы, женские сумки с рассыпанным содержимым. Тут же валялись многочисленные гаджеты: планшеты, смартфоны, зарядные устройства, а ещё паспорта и купюры, которые уже никто и никогда не заберёт.

Так-то в любом сценарии плотоядного апокалипсиса больниц следовало избегать, потому что именно сюда первым делом доставляли заражённых. Здесь всегда творилось крошево. И зачем тогда, спрашивается, нужно было переться именно в это место?

А затем, что за последние три дня здание уже бы вылизали подчистую. Всех, кто шевелился, сожрали, и осталась одна мелочёвка. По такой логике голодные твари теперь бродят по соседним строениям в поисках свежатины.

Но главное было даже не в этом. Главное - это подземный уровень с его толстыми бетонными стенами, отсутствием окон и стабильной архитектурой монолита. Пока радиация растеклась по городу невидимой волной, отряду требовалось надёжное убежище, и лучше, чем здесь, всё равно бы не нашлось. Пусть место и пахло мясной лавкой, зато находилось ниже уровня земли, а значит, шансы выжить становились выше.

— Группа А: Легавая, Птаха, Док, Туча, Хмурый! На вас зачистка подвальных этажей. Задачи - зачистить подвалы, организовать укрытие для делегатов и припасов, наладить систему безопасности и контроль доступа, — отдал приказ Эльба.

— Группа Б: Мориган, Сет, Перо, Буча, Око! На вас зачистка первого и второго этажей. Задачи - создать буферную зону безопасности, забаррикадировать коридоры и лестницы, организовать запасные маршруты эвакуации и при необходимости поддержать Группу А.

— Группа В: Зиккурат, Бульба и Сова - на вас охрана делегатов и штаба. После полной зачистки подземных этажей располагаемся на минус первом, бойцам обеспечить охрану и контроль, поддерживать связь. Всем соблюдать порядок и сообщать о любых подозрительных ситуациях! — прорычал генерал. — Поехали, ребята!

Внутри госпиталя было едва ли лучше, чем на улице. Сквозь выбитые оконные стёкла беспрепятственно хлестал яростный ледяной ветер, швыряя в бесконечные коридоры пригоршни колючего снега. Из-за плотной белой крупы разглядеть происходящее во дворе делалось невозможно. В серой круговерти заносов и метущего за окнами вихря то и дело мерещились движущиеся тени. Это действовало на нервы. Но отсеиванием обманчивых движений занималась Легавая в уже привычной ей роли сенса.

Тактическая группа А продвигалась по переходам первого этажа с предельной осторожностью. Блондинка ступала первой, планомерно прощупывая даром окружающее пространство и заглядывая в каждый развороченный кабинет. По крайней мере, на текущую секунду в этих мёртвых зонах никто не затаился.

Птаха и Хмурый слаженно прикрывали фланги. Они держались чуть позади и в стороне от траектории сенса, чтобы оперативно перехватывать под контроль тёмные створы боковых ответвлений и смежных лабораторий, готовые по первому сигналу открыть огонь на поражение. Замыкающими след в след шли Док и Туча. Знахарь прямо на ходу подсвечивал фонариком сорванный в вестибюле план здания.

Несмотря на то, что температура здесь пробивала дно, а стены давно подёрнулись хрустальной коркой инея, внутри герметичной резины защитных комплексов бойцов душила жара. От плотного темпа ходьбы тела мгновенно взмокли, превращая одежду под бронёй в липкий ком. Тяжёлые костюмы БХРЗ(био-хим-радзащиты) знатно резали общую пластику и скорость движений, из-за чего рейдеры чувствовали себя громоздкими, неповоротливыми брёвнами, практически лишёнными возможности ловко вильнуть или уйти перекатом с линии атаки. Из выходных клапанов масок с характерным шипением вырывались плотные облачка пара, мгновенно растворяясь в стильном воздухе коридоров и попутно осаждаясь изнутри противным конденсатом на смотровых стеклах.

Добравшись до массивного лестничного пролёта, уходящего на минусовые этажи, Легавая замерла как вкопанная и предостерегающе вскинула вверх раскрытую ладонь. Она ещё раз, до рези в висках, просеяла ментальным ситом нижний ярус и, удостоверившись, что явных очагов опасности непосредственно за поворотом нет, сделала первый шаг вниз. В абсолютной, звенящей тишине группа начала медленный спуск, осторожно прощупывая подошвами скользкие ступени и разрезая подземную тьму узкими лучами тактических фонарей.

А дальше Легавая упёрлась в ментальный тупик. Дверь, ведущая в остальные помещения на минус первом этаже, оказалась собранной из каких-то серьёзных материалов. Стены вокруг тоже были монолитными.

— Ничего не вижу, — не оборачиваясь, тихо сказала она парням. — Ни что за дверью, ни что за стенами. Вообще глухо.

— Неудивительно, — отозвался Док. — На таких этажах часто используют свинцовые пластины, тяжёлый бетон с добавками барита или железа и специальные защитные панели. Сами стены толстые, а дверь, очевидно, со спецзащитой от ионизирующего излучения. Тут же просвечивающего оборудования в лабораториях выше крыши.

— Ну класс! — цыкнул Хмурый.

Легавая коснулась тангенты рации:

— Легавая докладывает: просканировать минус первый этаж не могу. Стены слишком толстые, плюс идут наслоения противорадиационной защиты, мой дар не проходит. Ждём приказа по дальнейшему продвижению...

В наушниках зашипел голос генерала:

— Ясно. Даю разрешение зайти на минус первый этаж. Поддерживать визуальный и голосовой контакт. Если встречен слабый противник - ликвидировать, опасный - отступить с удержанием позиции. При обнаружении безопасной зоны доложить.

— Принято, — отозвались один за другим бойцы.

Док мельком глянул на экран потрескивающего дозиметра: цифры замерли на отметке 10 миллизивертов в час. Для сравнения: нормальный природный фон колеблется от 0.05 до 0.20 микрозивертов в час. При 4-5 микрозивертов - это уже порог лучевой смерти.

— Фигово, — буркнул он. — Снежные ветра таки дотащили радиоактивную подлянку.

Все остановились и прислушались. Из-за двери не доносилось ни звука. Бетонные стены и толстая, словно из танковой обшивки, дверь глушили всё.

Легавая встала у косяка со стороны петель, держась вне створа возможного обстрела (имеется в виду, обстрела со стороны своих), и обхватила ладонью металлическую ручку. Хмурый и Птаха тут же взяли створ двери на прицел, а Туча в хвосте отряда развернулся спиной, контролируя лестницу позади группы.

Она не спеша потянула тяжёлое полотно на себя. Появилась узкая щель, из которой сразу повеяло влажным теплом. Бойцы внутри своих костюмов напряглись: Легавая резко выкинула руку с поднятым вверх пальцем, давая понять, что слышит одного заражённого. Ей удалось уловить слабые импульсы сквозь эту щель.

Договорить или приоткрыть дверь шире она не успела. Что-то массивное с той стороны с разбегу впечаталось в железное полотно, и дверь распахнулась наружу, едва не ударив Легавую, но та успела отпрыгнуть. В проём тут же просунулась длинная, серая, в струпьях, с чёрными крючковатыми когтями лапа, а следом, ломаным и дико быстрым движением, из темноты вывалилась сама тварь.

Когда-то это был медик. Об этом говорила синяя форма, вся в бурых пятнах и разодранная, болтавшаяся на сухом теле. Но самым примечательным оказалось другое: эта тварь была ненормальной. Она вообще не должна была выжить с такими повреждениями. У неё имелась лишь половина черепа, остальную часть срезало наискось - непонятно, что могло так изуродовать спидера и почему он всё ещё жив. Его торчащий наружу мозг едва заметно пульсировал, точнее, половина мозга. Тварь была слепой. Глаза также срезало до половины, и их содержимое вытекло... Половинчатые глазницы были уродливо затянуты. Зато слух у этого чудовища оказался отменным. Единственное чудом уцелевшее ухо водило из стороны в сторону, пытаясь поймать звуки. Бойцы стояли, будто их заморозили. Буквально каждый из них видел подобное впервые. Абсолютно никто не мог пошевелиться. Раздутые ноздри заражённого жадно втянули воздух, и тварь с утробным рыком прыгнула прямо на Птаху, который был ближе всего.

Птаха среагировал мгновенно. Пальцы в плотной перчатке рванули фиксатор тесака, закреплённого на груди поверх БХРЗ. Но спидер превосходил его в скорости, и в замкнутом пространстве костюм защиты сковал движения иммунного, снять нож он попросту не успел.

Бросив рукоять, он вскинул руки в блоке. Серая туша сбила его с ног. Физическая сила помогла Птахе удержать лапы и зубы твари в сантиметрах от своего экрана, но спидер бешено рвал когтями его снаряжение. Затрещал пластик разгрузки, когти с визгом прошли по бронеплите, пытаясь добраться до горла и маски.

В тесноте коридора группа замерла на долю секунды. В такой куче-мала можно было легко пристрелить своего. Хмурый поймал просвет. Шаг в сторону, ствол чуть завален набок, чтобы пуля пошла под углом, и хлесткий, резкий выстрел, сдавленный глушителем, мягким эхом ударил по бетонным стенам. Пуля вошла бегуну точно в открытый мозг и вышла, разворотив часть уцелевшего черепа. Тварь обмякла и завалилась на Птаху мешком.

— Бля, Хмурый, — зло прошипел Туча, не оборачиваясь от своего сектора на лестнице. — По-тихому надо было!

— Спидер шустрый попался! — огрызнулся тот, помогая Птахе подняться и пинком отталкивая дохлого мутанта. — Живой? Костюм цел?

— Так они все шустрые! — в ответ окрылся Туча.

— Да тихо вы! — жёстко оборвала их Легавая.

Когда тварь прыгнула на соратника, блондинка успела захлопнуть дверь и навалилась на неё спиной, чтобы, если за порогом остались ещё заражённые, они не присоединились к первому. Теперь она стояла, вжимаясь лопатками в железо, и краем сознания всё ещё прокручивала тот момент. Когда спидер прыгнул на свою жертву, она поймала его мысли. Нет, не так. Мыслей там не было, там стоял сплошной белый шум, сквозь который ощущались лишь голод и злость. Вид пульсирующего серого вещества под срезанной черепной коробкой до сих пор стоял перед глазами, и её саму слегка потряхивало.

Птаха поднялся, его дыхание внутри маски сделалось частым и хриплым. Он испуганно осматривал рваные лоскуты на плече:

— Сука... Док, глянь! До тела дошло? Наружу не сифонит?

В голосе бывшего рейдера прорезалась паника. При таком уровне радиационного фона поймать рентгены в открытую прореху означало получить очень неприятные симптомы. Никакой живец не спасёт, если цепанёшь лишку: грибница в тебе начнёт дохнуть от облучения, превращая в беспомощного "смертного".

Док подскочил, зафиксировал его плечо и уже накладывал плотную клейкую ленту из ремкомплекта поверх дыры:

— Всё в хлам... Но закрыться надо... — проворчал он.

— Сука!

Знахарь проверил стыки ленты, убедился, что Птаха в безопасности, и переключил рацию:

— Генерал, докладывает Док. Был контакт с заражённым на минус первом. Уничтожен выстрелом Хмурого в упор. Угроза устранена. Выстрел был с глушителем, но в бетонном мешке звук пошёл гулять. Учитывайте, что в ближайшие минуты возможен приток местных аборигенов на шум. Группа цела, продолжаем движение.

— Принято, Док. Претензий нет. Но будьте крайне осторожны, там может быть ещё куча тварей. Всем группам, с этого момента соблюдать тишину.

— И это... — Док сделал паузу. — Принять йодид калия немедленно, радиационный фон нестабилен.

— Принято.

— Вас всех это тоже касается, — знахарь окинул взглядом товарищей.

Он споро выудил из глубин походной медицинской сумки пластиковый блистер и раздал по два маленьких белых драже каждому бойцу. Как бы ни хотелось девушке сохранить относительную безопасность своего удушливого микромира внутри защитного костюма, герметичный стык шлема всё же пришлось на секунду отстыковать. Легавая глубоко затаила дыхание, аккуратно оттянула резиновый уплотнитель маски и проворным движением забросила в рот оба кругляша, чуть не промахнувшись. Вот бы смеху-то было. После чего резко выдохнула, очищая подмасочное пространство, и вернула фиксаторы на место.

Убедившись, что группа готова, блондинка вновь осторожно приоткрыла тяжёлую створку примерно на десять сантиметров. Хмур незамедлительно просунул в образовавшийся зазор ствол автомата с закреплённым тактическим фонариком и плавно прощупал темноту снопом света. Яркий луч заметно подрагивал от напряжения, однако в доступном секторе обзора никого не обнаружилось. Перед бойцами раскинулся мрачный, полутораметровый в ширину коридор, напоминающий кишку, которая уходила вглубь цокольного этажа и затем резко сворачивала в сторону. По серому линолеуму тянулись широкие бурые полосы давно засохшей крови, а у стены одиноко покоился чей-то левый туфель, заляпанный настолько плотным слоем крови, что определить изначальный цвет не представлялось возможным.

Стоило Хмуру сделать короткий кивок, как Легавая распахнула преграду до упора. Напарник скользнул за порог первым, а девушка поспешила следом, не прекращая ментальное сканирование. Лучи их светодиодных фонарей принялись рваными лоскутами вырезать

из тьмы опалённые бурой гарью стены, обрывки разодранной одежды и фрагменты сломанной мебели. В этот момент Док вновь опустил взгляд на экран дозиметра и с явным облегчением зафиксировал нулевую отметку. Это означало, что конкретно этот отрезок подвала радиоактивная беда миновала, по крайней мере, в плане жёсткого излучения. В остальном же назвать данное место чистым не повернулся бы язык даже у оптимиста.

Повсюду хозяйничал типичный для катастрофы бардак: въевшиеся в поверхности гнилостные потёки, высохшие лужи зловонной слизи и следы чудовищных органических выделений. Продвинувшись чуть дальше, группа наткнулась на первый цельный труп, точнее, на то, что от него осталось. Обглоданные до зеркального блеска кости лежали компактной кучкой, и поначалу костяк показался совсем крошечным, похожим на детский. По всей видимости, давешний слепой мутант вылизывал костяшки с особым усердием, смакуя каждый позвонок. Однако уцелевшие лоскуты изодранной ткани на поверку оказались остатками женского платья. Наверное, это и была хозяйка той самой туфельки.

Миновав узкую галерею, отряд вплотную приблизился к угловому повороту, где их поджидал всем сюрпризам сюрприз. Прямо возле пластикового фикуса кто-то умудрился навалить просто гигантскую кучу дерьма, да такую, будто тут орудовал задницей очень старательный слон. Неужели столько говна таилось в том "спидунчике"? Тяжёлое, едкое зловоние до сих пор не вывернуло бойцам желудки только благодаря надёжной фильтрации противогазных коробок, хотя человеческий мозг уже заранее сжался в паническом предвкушении неминуемой атаки на рецепторы.

Внезапно Легавая вскинула вверх сжатый кулак, принуждая группу застыть на месте. Её щуп отчётливо уловил присутствие живого объекта в глубине одного из смежных кабинетов. Сквозь узкое окно в дверном полотне виднелась фигура. Заражённая, судя по форме, когда-то бывшая местной медсестрой, пребывала в глубоком анабиозе и стояла спиной к проёму. Это был характерный для всех заражённых полусон, в котором деградирующий разум то проваливался во тьму, то вскидывался на поиски любой пищи.

Птаха рванул ручку. На полу комнаты мгновенно обнаружились человеческие останки, отполированные до такого же характерного блеска, как и предыдущий костяк в проходе. Похоже, местная обитательница совсем недавно кем-то плотно отужинала, а значит, успела насытиться и пребывала в максимально бодром, опасном состоянии.

Свою дикую кондицию мутантка продемонстрировала в ту же секунду, совершив молниеносный разворот в прыжке, который со стороны напоминал изощрённый элемент из конкурса по художественной гимнастике. Однако издать призывный утробный рык или даже скромненько заурчать тварь так и не успела, потому как Птаха резким ударом вогнал гранёный кинжал ей точно в глазницу. Сухой хруст проламываемой кости гулким эхом прокатился по кабинету, после чего обмякшее тело безжизненно рухнуло прямо в груды останков, намереваясь дополнить её своими собственными.

Комната напротив щупом не просматривалась, что, впрочем, было вполне объяснимо, ведь за массивной, тяжелой преградой располагался кабинет МРТ. Кто знает, может, и там тоже дремал в анабиозе кто-то, меланхолично мечтающий о горячем блюде из свежего человека. Однако створка оказалась закрыта на замок, так что при всём желании потенциальный заражённый наружу бы не выбрался, ведь открывать запертые двери твари, к счастью, не умели.

Дальше по коридору вытянулась стойка ресепшена или станция медперсонала, где взгляду предстала всё та же безрадостная картина: ни одного уцелевшего тела, повсюду размещались чистые останки, валялась порванная одежда, клочья грязной ткани, веером разлетевшиеся медицинские карты и голубые кроксы с характерным бурым рисунком. Следом уходил ещё один узкий проход, завершающийся поворотом направо. Док мельком глянул на дозиметр, тот выдал три миллизиверта. Цифра выглядела подозрительно, однако отряд двинулся дальше. Надо было понять, откуда фонит.

Птаха периодически косился на элементы своего защитного снаряжения и внезапно заметил кое-что весьма неприятное, а именно глубокую царапину на маске, причём сквозную. Парень выматерился и потыкал пальцем в едва видимое повреждение смотрового стекла, оставленное когтем его приятеля. Демонстрируя находку знахарю, он ждал хоть какой-то подсказки, но Док лишь угрюмо покачал головой - в полевых условиях сделать с этим всё равно ничего было нельзя. Изоляцией уже такое не заклеишь, так как обзор перекроет. Будут уповать теперь на таблетки и живчик. А, ну и на удачу.

Новый коридор пролегал вдоль технических помещений, двери которых оказались тоже заперты, да и ничего живого Легава там не заметила.

Наконец они дошли до деревянной двери, самой обычной межкомнатной, за которой, как выяснилось, тоже не притаилось никакой опасной монстрятины. Легава осторожно открыла её и тут же зажмурилась, получив резкий удар светом, точно тяжёлым кулаком в лицо. После крошечного подземного мрака даже такое слабое сияние нещадно било по привыкшим к темноте глазам. Блондинка толкнула створку пошире и поняла, что блеклый свет лился из огромной дыры в потолке. Пробоина оказалась настолько гигантской, что сквозь неё сюда при желании с лёгкостью забрался бы даже элитник. Потолок обрушился косым скатом и превратился в идеальную лестницу, ведущую прямоком вниз с первого этажа.

Стены этого помещения украшали двери кабинетов, а рядом с ними выстроились синие диванчики, местами глубоко распоротые когтями. В дальнем углу зала располагалась детская зона. То есть игровой уголок для малышей, а вовсе не специальный блок для маленьких арестантов. Стены там пестрели милыми рисунками с весёлыми облачками, на полу стояли два крошечных пластиковых стола и миниатюрные стульчики, только вся эта мирная идиллия покоилась теперь в окружении всё тех же обглоданных костей.

А ещё группа подметила странное явление... несмотря на очевидную разгерметизацию этажа из-за гигантской дыры в потолке, куда так-то задувал промозглый уличный ветер, внутри становилось всё жарче. Пот уже градом катился по лицам под костюмами, а ладони неприятно прилипали к изнанке перчаток. Хмур провёл пальцами по стене, и на его ладони влажно блеснул жирный, вязкий конденсат, точь-в-точь как человеческая испарина.

— Тут жарко, — буркнул он. — Хотя отопления-то нет... И вентиляция вон какая...

Док снова глянул на дозиметр, экран которого теперь выдавал семь миллизивертов. Знахарь коснулся тангенты рации:

— Докладывает Док. В ходе продвижения по минус первому этажу обнаружили структурное повреждение в одной из комнат... потолок частично обрушен, имеется проход наверх с прямым доступом с первого этажа. По нашим оценкам, комната, а теперь и весь этаж непригодны для укрытия, плюс это отличная лазейка для заражённых. Конец связи...

Легава не понимала, что за странная атмосфера сгустилась вокруг и откуда взялась эта давящая жара. Из-за огромного расхода дара ей уже становилось дурно, но интуиция приказывала не отключаться, а топить его на максимум до последнего. Толстые перекрытия этажа глушили фон, мешая разглядеть то, что она так упорно искала. Но всё же...

Ту-тух!

Низкочастотный толчок прокатился по полу, заставив девушку пружинисто подпрыгнуть и замереть. Она резко вскинула вверх сжатый кулак, приказывая отряду сохранять полную тишину. Её напряжённый взгляд впился в двустворчатую дверь чуть левее детского уголка. Из-за неё тянуло чем-то чуждым и пугающим. Где-то там, во тьме цокольного лабиринта, ментальное зрение смогло уловить ряблящие переливы, похожие на северное сияние. Вот только ничего прекрасного в этом свечении не было. Сквозь толщу бетона пробивался рваный, нечёткий отпечаток чего-то очень злого, голодного и смертельно опасного.

Совсем не вовремя над краем гигантского провала в потолке показалась ехидная рожа Бучи, который залихватски показал фак застрявшей внизу команде. Ну а Птаха не растерялся

и по-дружески продемонстрировал ему средний палец в ответ, так и не оторвав сосредоточенного взгляда от тёмного прохода, куда всматривалась девушка.

Ту-тух! И снова пробежала эта дрожь. Страх моментально прошёлся по телу блондинки мощной волной, которую она поймала буквально всем организмом: она горячо накатила через позвоночник, затем болезненно вгрызлась в затылок и под конец грубо скребанула по внутренностям. В ту же секунду девушка напрочь перестала воспринимать шорохи и шипение в рации, потому как весь окружающий мир внезапно сжался до одного-единственного слепого пятна, до того кошмара, что яростно пульсировал там, за закрытыми дверьми. Прямо за обшивкой стремительно сгущался осязаемый клубок неестественно цветного, плотного и пугающе живого.

— Тихо всем! — Выпала она резко, но как можно тише. А то некоторые начали кривляться вместе с Бучей, а точнее перекидываться неприличными жестами.

Девушка чувствовала, как её ноги наливаются свинцом и становятся совершенно неподъёмными, а мгновение спустя прямо в голове эхом прозвучал чужой, хриплый голос:

— *Зааааааах... Вкусноооо...*

От подобного откровения у неё аж передёрнуло всё внутри, и на долю секунды она полностью потеряла равновесие, ухватившись перчаткой за скользкую стену, чтобы не повалиться на пол.

Кое-как справившись с приступом мигрени, Легавая повернулась к Птахе и тут же похолодела от новой страшной детали. Плотный комбез у парня на левом ребре, под мышкой, был глубоко изодран и оставался совершенно не заклеенным, а сквозь рваную трещину уже просачивалась густая тёмная влага. Слепошарый спидер всё-таки умудрился зацепить рейдера своим когтем, а этот, ещё более слепошарый, боец в горячке попросту не заметил у себя сквозного ранения и наличия ещё одной опаснейшей прорехи. Да уж, поистине велики твои дела, адреналин, раз ты способен настолько сильно притуплять у человека элементарные ощущения физической боли.

— Засекла активность, — быстро затараторила она, нагоняя жути на команду. — В двадцати метрах от нас на минус первом элитник. Повторяю: элитник! С ним два топтуна, рубер, минимум три спидера и вроде как один лотер. Они уже в движении. Мы их не удержим. Срочный отход!

После этих страшных слов все присутствующие будто очнулись от затянувшегося оцепенения. Разом защёлкали оружейные затворы, а Туча грязно ругнулся, мгновенно осознав масштабы надвигающейся задницы.

— Отходим! Живо-живо! — скомандовал Док, уже доставая дымовуху и забрасывая её к детской зоне, поближе к двери.

Хмурый первым метнулся к обледевшему обвалу и принялся карабкаться вверх по скользким остаткам рухнувшего потолка. Однако громоздкий защитный костюм лишил его былой ловкости, а подошвы никак не могли сцепиться с намыленной поверхностью, так что парень почти сразу сорвался и шумно покатился обратно, сбивая Тучу и Птаху, которые тоже ринулись к скату и теперь повалились на пол, словно кегли в кегельбане. К счастью, Буча вовремя сориентировался и, далеко вытянув руку сверху, помог ему всё-таки забраться на перекрытие первого этажа. Следом за Хмурым, цепляясь за куски торчащей арматуры, рванул и Туча.

— Мы не успеем! — Легавая заблела и посмотрела наверх. — К лестнице! Они нас прижмут! И вы наверху валите! Живо!

Легавая, Док и Птаха рванули обратно, пока за их спинами уже доносились звуки суетливых, стремительно приближающихся шагов. Эти звуки были тяжёлыми и какими-то пугающе цокающе-клацающими, длинные когти преследовавших их монстров с противным скрежетом царапали пол. Вдобавок по бетонным перекрытиям раскатилось гулкое, звериное, голодное

урчание, которое буквально цеплялось за кожу и пробирало до самых почек, нещадно щекоча измотанные нервы.

Первыми пустили вперёд мелких сошек, чью хаотичную мозговую активность Легавая сейчас улавливала своим шупом. Вначале неслись спидеры, чуть позади спешил лотерейщик, а следом за ними тяжело ухали топтуны и рубер. Элита же... Элитник вообще лениво так оторвал свою сраку от насиженного насеста или лежбища - неважно, что у них там было обустроено в подземных чертогах, и крайне неспешно двинулся вслед за авангардом стаи. Ну вполне справедливо, а чего ему лишний раз поршнями-то работать, когда под рукой есть послушные холопы? В открытую такая крутая тварь лезть явно не станет, предпочитая благоразумно дожидаться, пока её многочисленные прихвостни приволокут уже дохлые, но зато свежие и сочные человеческие тушки напрямик к ней на тарелочку.

Отряд мчался изо всех сил, однако спидеры были существами быстрыми. Двустворчатая дверь легко открывалась в обоих направлениях, из-за чего монстрам не составило труда с ходу проскочить в зал с обрушенным потолком. Точно так же стая в следующую секунду безжалостно разнесла вторую хлипкую деревянную преграду в мелкие щепки. А вот самым бойцам, закованным в громоздкие защитные костюмы, в этой тесноте было хрен развернётся, да к тому же их стремительный путь изрядно осложняли разбросанные повсюду вещи, хрустящие под ногами кости и общая узость проходов.

Добежав до стойки ресепшена, Птаха вдруг резко остановился и круто развернулся, попутно снимая с себя уже бесполезный защитный экран. Легавая на ходу принялась звать парня, но в итоге тоже затормозила, вцепившись глазами в развернувшуюся сцену. Рейдер стоял на широко расставленных, полусогнутых ногах и раскинул руки в стороны, принимая на себя весь удар. Буквально перед ним, всего в каких-то двух метрах, внезапно замерли и принялись неестественно корчиться и морщиться разъярённые спидеры, готовые вот-вот кинуться в финальный прыжок, в то время как за углом к ресепшену уже подкатывали остальные твари на подмогу. Легавая с огромным трудом вычленила из окружающего шума приглушённый, вибрирующий свист... возможно из-за него, твари ничего и не предпринимали...

Впрочем, поражал воображение не только этот внезапный массовый гипноз, но ещё и сам внешний видок монстров, способный довести до дрожи любого бывшего рейдера. Волосятые, дикие, похожие на каких-то белоснежных чубак с огромными острыми зубами, они были сплошь усеяны мерзкими, надутыми пузырями, на их телах часто проступали противные, осклизлые нарывы, будто всё их тело забило токсичным ядом. Бррр...

— Чо встала?! Вали их! — взорвался Док и тут же начал яростно палить из автомата прямо по головам застывших заражённых.

Благодаря секундному замешательству врагов, они с Легавой быстрыми очередями заваляли передовых спидеров и хрипящего лотерейщика, однако с топтунами предсказуемо вышла заминка. Птаха исчерпал лимит своего дара и внезапно прыснул густой тёмной кровью из горла. Больше сдерживать натиск он не мог - парень согнулся пополам и начал надрывно закашливаться. В этот же момент из самой глубины чёрной кишки извилистого коридора до звона в ушах зарокотал сокрушительный, утробный рёв - элитник потерял терпение и лично полез в проход.

Док моментально подхватил слабеющего Птаху под мышки и волоком потащил его в сторону спасительной лестницы, тогда как Легавая отстреливалась, прикрывая отход товарищей. Коротким, хлёстким нажимом она пробила одному из наступающих топтунов слабенькую костяную бляшку прямо между глаз, а второму глубоко посекала незащищённое горло. Шедший следом рубер от греха подальше резко отскочил за массивную стойку ресепшена, откуда снова послышался дикий, раздражённый рёв. А вот это уже сам громадный элитник застрял своей тушей в слишком узком для него проёме и теперь злился там, словно попавший в капкан лесной зверь.

— Что там у вас, группа А? — встревожился Сова.

— Встретьте нас на лестнице! У нас один раненый! — крикнул Док, таща Птаху на себе.

— Уже тут, — ответили из рации.

Док на пределе сил пробивался к процедурной комнате, где они ранее упокоили спящую пустышку-медсестру. Внезапно из кабинета МРТ, расположенного напротив, донеслись оглушительные удары, подкреплённые утробным, яростным рычанием. От неожиданности знахарь едва не выронил слабеющего подопечного, однако сумел вовремя перехватить бесчувственное тело покрепче и упрямо поволок его дальше по коридору.

В это время Легавая, пятясь, прикрывала их тактический отход, дабы дать товарищам драгоценную возможность оторваться и выиграть безопасную дистанцию у наседающей угрозы. Рубер до поры до времени тихонько шкерился в мертвой зоне, аккуратно за широкой стойкой. Выждав идеальный момент, мутант одним бесшумным толчком задних лап взлетел из своего укрытия прямо на заляпанную пластиковую столешницу. Оказавшись наверху, он мгновенно сжался на корточках, превратившись в готовую выстрелить пружину. Заметив девушку, тварь яростно рывкнула и сразу же ринулась в прыжок, прикрывая уязвимую морду мощными, покрытыми костяными щитками предплечьями.

Легавая навскидку выдала хлесткую автоматную очередь, однако свинец со звоном и рикошетами ударил в естественную лобовую броню, выбивая лишь бурые брызги и мелкую крошку, что ничуть не остановило стремительного падения тяжёлой туши. Снеся часть обшивки стойки, которая со свистом разлетелась в щепки, рубер всем своим весом рухнул в полуметре от девушки. Та едва успела финтом уйти в сторону, спиной впечатавшись в холодную стену, в то время как чудовищные когти с визгом распорили воздух, оставив глубокие рваные борозды на краске в считанных миллиметрах от её лица.

Монстр мгновенно развернулся на месте для повторного выпада, широко разинув уродливую глотку для победного рёва, но именно эта секундная заминка и стоила ему жизни. Легавая в упор вогнала остаток магазина прямо в раскрытый зев твари. Пули без труда пробили мягкое нёбо и подчистую разнесли основание черепа, отчего чудовище дико перекосило. Бессты судорожно задёргалась в предсмертной агонии, с грохотом сминая под собой каркасы кресел для ожидания, и наконец кулем завалилась набок, едва не придавив ноги тяжело дышащей девушке.

А вот элита... Элита всё это время бесновалась в том самом узком смежном коридоре. Пробриться сквозь него у неё физически не получалось: габариты превратили этот проход в ловушку, и гигант оказался зажат между плотными стенами, словно пойманный в клетку дикий зверь. Легавая активировала свой дар и ощутила, как заклинивший в колодце монстр яростно крушит внутренние перегородки, остервенело шкрябая по ним огромными когтями в бессильной злобе и тщетно пытаясь расширить себе путь. Наружу этот кошмар прямо сейчас выбраться точно не мог, но отголоски его ярости едва не выжигали блондинке мозги.

— АААА, *тесно, тесно мне*, — рычал он.

Затем чудовище попыталось сдать назад, однако стиснувший его узкий коридор не оставил для этого манёвра ни единого шанса.

У Легавой в этот критический момент глупое исследовательское любопытство внезапно пересилило естественный страх. Точнее говоря, она попросту перестала бояться гиганта, ведь вся его свита уже лежала мёртвой. Так что, застрявший элитник остался в абсолютном одиночестве и пребывал в незащитном положении. Ну, грех таким не воспользоваться, скажите? Блондинка прекрасно понимала, что прямо сейчас эта махина не сможет причинить ей вреда, да и у неё точно останется стопроцентный шанс вовремя извернуться и технично удрать. Именно поэтому она приняла безумное решение заглянуть за угол, дабы лично, своими глазами увидеть, что же там за диковинная тварь такая.

— Легавая! Ты что творишь?! Назад! Я сказал - назад! Отступить! — верещал Док, глядя, как полторашка идёт навстречу четырёхметровой твари.

— Что там у вас происходит? — зарычал Эльбрус, прислушиваясь.

— Легавая, назад! — повторил Док.

Но она упрямо не слушала приказов, ведомая единственным непреодолимым желанием рассмотреть элитного монстра поближе.

— *Иди, иди поближе*, — шипел тот, увидев её.

Да уж, элита - это вообще отдельная, ни на что не похожая песня в безумном мире заражённых Улья. Сколько бы подобных созданий Легавая ни успела повидать за время своих рейдов, все они каким-то образом кардинально отличались друг от друга. Перед ней возвышался волосатый зверь с невероятно широкими, могучими плечами, сплошь покрытыми мерзкими пузырями и бугристыми наростами. Некоторые из них успели лопнуть под натиском стен, оставляя гнойные следы на поверхности коридора. На локтевых суставах чудовища угрожающе топорщились острые костяные шипы, а на лбу, шее и мощной грудице поблёскивали броневые пластины. А вот таз у монстра оказался узким, да и ноги выглядели поразительно тонкими для столь колоссальной махины. Абсолютно неанатомичное зрелище, из-за чего Легавая чуть не заржала - непонятно, как подобное массивное тулово вообще умудряется держаться на таких нелепых спичках.

Очевидно, тварь передвигалась преимущественно на огромных передних лапах, в то время как эти смешные задние конечности служили всего лишь своеобразной страховкой для удержания равновесия. Смотрелось это одновременно жутковато и смешно.

Реального трепета она не испытывала, хоть прямо над ней и нависала эта громадная страхолюдина с маленькими, налитыми кровью глазками злого поросёнка. Легавая хладнокровно вскинула автомат с новым магазином и спокойно прицелилась. В ответ на это движение тварь зарычала с такой мощью, что все конструкции жалобно затряслись, а в ушах у девушки болезненно запело от давления. Монстр сумел высвободить одну переднюю лапу из ловушки и бездумно попытался размазать наглую девчонку широким ударом, однако блондинка вовремя просчитала траекторию и успела ловко отпрыгнуть назад. Тогда разъярённый зверь вывернулся боком и, ломая штукатурку и обшивку, целеустремленно пополз между стен прямо на неё.

Легавая открыла огонь на поражение. Хлесткие пули раз за разом звонко цокали по тяжелой броне, впиваясь в голову, грудь и шею, но видимого толку от этого было чертовски мало. Она изо всех сил пыталась выцелить уязвимую глазницу, однако тварь вовремя поворачивала массивную голову под таким углом, что пули попросту рикошетили или застревали в толстых костяных щитах.

Поняв бесперспективность лобовой атаки, девушка мгновенно сменила тактику и принялась прицельно палить по менее защищённым участкам тела, дабы доставить ублюдку максимальный дискомфорт, и при этом планомерно отступала назад.

Всё это время Док, не щадя голосовых связок, безбожно матерился на всю подземную галерею, но дело своё делал - уже уволок раненого Птаху к основанию лестничного марша.

— Я первая! Ты второй! Слушай меня! — спокойно, но твёрдо сказала Легавая, как её в своё время и учил знахарь. Правда, Док наставлял её проворачивать подобные финты на тварях рангом сильно ниже, но в текущей ситуации было очень любопытно хотя бы просто попробовать.

— *Ты едааааа!* — свирепо прошипела антропоморфная горилла и уже практически полностью высунулась из тесного прохода, как вдруг позади неё, безмолвно возникла фигура поменьше, которая незамедлительно произвела гулкий, раскатистый выстрел.

Оглушённая тварь обернулась, начиная яростно извиваться в узком пространстве, но тут же поймала неотвратимый контрольный, когда пуля на огромной скорости вошла точно в висок, пробив костяную броню насквозь и мгновенно превратив мозги мутанта в кашу.

— Легавая, живо поднимайся на первый этаж! — прорычал Эльбрус и, более не оглядываясь на поверженного врага, направился обратно к провалу в потолке. — Сет и Хмур, соберите трофеи! И башку элиты мне притащите!

Легавая послушно рванула по лестничным ступеням, и уже у самого выхода на первый этаж едва не наткнулась на Мorigан, которая, словно затаившийся на охоте хищник, бдительно караулила опасный подход с автоматом наизготовку.

— Это я! — испуганно вскинулась блондинка, едва не задыхаясь от бешеного ритма и скопившейся в лёгких духоты.

— Да уж, вижу, — холодно и неодобрительно помотала головой та. — Иди, тебя там ждёт анальная кара.

Лега мысленно прикусила язык, вслух ничего отвечать не стала. Девушка послушно вышла в просторный холл, где Моника мерно приседала на месте, усердно согреваясь с помощью этих нехитрых физических движений. На первом этаже Бучу предусмотрительно выставили караулить зияющий провал, пока Сет с Хмурым внизу нещадно потрошили поверженных тварей ради ценных споранов и горошин. Док тем временем уже успел аккуратно завернуть бледного Птаху в шуршащее серебристые термоодеяло и поил его гороховым раствором.

— Ко мне подошла! — грозно зарычал Эльбрус, бывший сейчас глубоко раздражённым.

Лега внутренне ошетичилась, но беспрекословно подчинилась приказу, чувствуя, как все присутствующие в холле разом уставились на них, даже Моника прекратила свою разминку и замерла.

— Слушаю, генерал, — максимально официально и сухо отчеканила девушка, предчувствуя, что разговор предстоит жаркий, и обещанная Мorigан анальная кара окажется вовсе не метафорой.

— Ты ослушалась приказа. Док велел отступать и прикрывать его. Задача была ясна: обеспечить отход и держать дистанцию. Вместо этого ты самовольно сблизилась с заражённым, поставив под удар не только свою жизнь, но и Дока, раненого Птаху, и чуть не оставила нас без сенса. Вся группа могла пострадать из-за твоей безрассудной инициативы. С этого момента ты временно отстраняешься от самостоятельных решений в боевой обстановке. Все твои действия — только после подтверждения Совы, Дока или меня. Даже чихнуть без разрешения будет нарушением. И ты становишься первой в графике дежурств. А теперь прочь с глаз моих! Хотя, стоп... — Могучий кваз сделал тяжёлую паузу, шумно вздохнул через клапаны и спросил: — Буча, что по трофеям?

— Ребята потрошат элитника, — сухо отозвался тот сверху. — Башка ни в какую не отходит.

— Чтобы через пятнадцать минут были со всей требухой в холле. Остаток группы Б подтянулись сюда же. Легавая! — яростно рявкнул на неё Эльбрус. — Ты присоединяешься к группе Б и чистишь второй, третий и четвёртый этажи. Поняла?

— Поняла, — так же сухо отрезала она, даже глазом не моргнув.

А что тут еще скажешь? Она прекрасно отдавала себе отчёт в том, что это вовсе не любительский набег за хабаром, а серьёзная, спланированная делегация, укомплектованная натренированными, смертельно опасными и ценными бойцами. Ей кровь из носу требовалось соответствовать общему уровню отряда, пусть она и "простой маршал". Да, она в самом деле повела себя безрассудно, однако именно этот поступок подарил ей уникальную и ценную тактическую информацию, которая в будущем обязательно может пригодиться им для выживания.

— Вопросы есть? — угрожающе оскалился Эльбрус.

Очевидно, его вопрос носил чисто формальный характер, так как командир явно рассчитывал, что Легавая, подобно послушной овце, сейчас просто проблеет что-то невнятное, позволив ему окончательно укрепить авторитет на глазах у подчинённых. Между ними уже давно висели невидимые, но вполне осязаемые, туго натянутые нити личных чувств, и это напряже-

ние легко считывалось каждым членом команды. Однако Эльбрус, как единоличный лидер, несущий персональную ответственность за жизни всех людей в рейде, обязан был жёстко продемонстрировать отряду, что здесь не существует никаких поблажек и исключений, даже для неё. Если Легавая и являлась его скрытой слабостью, то этого никак нельзя было показывать. Она такая же как и все. Кваз делал всё возможное, чтобы окружающие это чётко усвоили, включая саму виновницу. В данный момент она не была для него кем-то особенным. Сейчас она оставалась лишь рядовым бойцом, рядовой бабой.

— Никаких, генерал, — хладнокровно ответила Легавая. — Но есть небольшой отчёт по наблюдениям.

Эльбрус заметно нахмурился.

— Слушаю.

— Заражённые делают лёжки в зданиях. Они собираются вместе и греются. Предпочитают влажные, тёмные места. Идеальное место для заражённых - это подвалы или тёплые закрытые помещения. Думаю, эта информация будет полезна при дальнейшем прохождении кластера. Также с ними явно что-то не так. Они всех в каких-то странных волдырях, возможно токсичны...

— Принято, — задумчиво обронил Эльбрус, и по его суровому лицу стало понятно, что командирский мозг уже принялся интенсивно прожёвывать и переваривать новые данные. В этот момент рейдер круто повернулся к вернувшемуся Буче, который с гордым видом тащил в плотном прозрачном пластиковом мешке гигантскую, чудовищно деформированную башку монстра.

— Это уже вторая рад-элита в моей жизни! — восторженно потряс мясистым трофеем Буча.

Эльбрус одобрительно пробурчал что-то такое, что по задумке должно было символизировать победный смех, однако в его утробном голосе, с трудом пробивавшемся сквозь фильтры костюма, слышалось скорее жуткое, пугающее рычание такого же элитника, которого он только что сам завалил.

Вслед за Бучей из прохода показались Сет с Хмурым, выглядящие довольными, как сытые слоны. В специальных футлярах у них покоились добытые спораны и горошины, а в отдельном герметичном прозрачном контейнере тускло мерцала какая-то странная паутина. Своей волокнистой текстурой она отдалённо походила на застывший янтарь, но при этом загадочно светилась изнутри зеленоватыми прожилками и плотными сгустками. Да уж, с ходу было непонятно, что это за биологическое чудо такое. Специфических вопросов, которые Легавой нестерпимо хотелось поскорее обсудить с Доком, с каждой минутой становилось всё больше.

Глава 5: Лёша.

Будильник безжалостно зазвенел в пять утра, возвещая о начале рабочего дня. На службу Лёше надлежало явиться к шести. В запасе у него оставалось законное время для пресловутых «ещё пяти минуточек», однако распорядиться этой роскошью парень решил иначе. Нашупав телефон на тумбочке, он выключил будильник, после чего перевернулся на другой бок и запустил тёплую ладонь под маечку своей девушки, которая со вчерашнего вечера осталась у него ночевать.

Ира проснулась от этого прикосновения, блаженно потянулась и тут же ощутила на своей коже его горячие, требовательные поцелуи. Мужское бедро плотно прижалось к её ягодицам, стало ясно, что Лёша серьёзно возбуждён и явно не намерен останавливаться на невинных ласках. Дыхание парня становилось всё жарче, он ловко стянул с неё трусики и вошёл сзади. Ира тихо застонала, мгновенно растворяясь в этом внезапном приливе "нежности". К слову, он всегда предпочитал брать её именно в такой позиции, со спины, что позволяло Лёше лишний раз не наткнуться взглядом на её лицо...

Ире недавно стукнуло 26, а заветного кольца на пальце всё ещё не предвиделось, в то время как практически все приличные подруги и однокашницы давно выскочили замуж, а некоторые даже успели обзавестись потомством. Само собой, Ира по этому поводу частенько загонялась, подливая масла в огонь собственных комплексов. Дело в том, что сама она с подросткового возраста мучилась от хронического дефицита мужского внимания и профицита горького опыта неразделённой влюбленности, а виной всему была весьма специфическая внешность.

Она не принадлежала к той категории женщин, в которых влюбляются с первого взгляда. Скорее уж наоборот - Ира относилась к числу тех, от которых взоры стараются отвести в первую очередь. Жидкие, тускло-пепельные волосы спадали на худые плечи редкими прядями. Бледную кожу щедро усыпали крупные веснушки. Они пёстрой россыпью плясали по щекам, словно блёклые солнечные брызги. Невыразительные серые глаза выдавали вечную зажатость и привычку уходить в себя, а длинноватый нос с резкой горбинкой добавлял лицу лишней остроты, разрушая и без того хрупкую гармонию.

Но главный удар по самооценке Иры наносил глубокий дистальный прикус. Нижняя челюсть уходила назад настолько сильно, что крошечный подбородок казался срезанным, профиль приобретал неуклюже-мышинные черты, а при редкой улыбке обнажались кривые зубы. Белёсые, почти прозрачные ниточки бровей терялись на фоне бледной кожи, окончательно закрепляя за ней статус невидимой «серой мышки». Дополняла картину угловатая, сухая фигура: природная стройность не одарила её соблазнительными изгибами - лишь едва угадывающийся под одеждой первый размер груди да плоские бёдра.

С таким «багажом» самооценка девушки давно рухнула ниже плинтуса, а вера в то, что её кто-то сможет искренне полюбить, казалась глупой иллюзией. И всё же четыре месяца назад её унылую будничную жизнь встряхнул банальный сайт знакомств, где Ира совершенно случайно наткнулась на анкету Лёши.

Сам Лёша был симпатичным, вполне приятным двадцативосьмилетним парнем: средний рост, подтянутый силуэт без претензий на атлетизм. Сидячая работа требовала от него сообразительности, а не накачанных бицепсов, поэтому спортзалы в его расписании никогда не значились. Короткие русые волосы, спокойный и прямой взгляд карих глаз, мягкие черты лица, оттенённые лёгкой трёхдневной щетиной - весь его облик дышал добротой. Есть такие люди, на которых достаточно взглянуть один раз, чтобы мгновенно проникнуться доверием. Лёша был как раз из их числа.

Парень поначалу не спешил проявлять к новой знакомой хоть какую-то инициативу. Будем честны: при первой личной встрече Ира ему не понравилась, в то время как сама девчонка влюбилась в него без памяти с первой же секунды. Она заваливала его бесконечными сообщениями, страшно переживала, если тот не отвечал сию минуту, или если его реплики казались ей чересчур сухими и отстранёнными. Между ними долгое время висела неловкость, так что Лёша уже всерьёз подумывал оборвать это вялотекущее общение, дабы переключиться на поиски кого-то более привлекательного. Однако в один из вечеров, когда они договорились посмотреть какую-то трешовую комедию у него, Ира внезапно набралась смелости и сама поцеловала парня. Лёша, у которого к тому моменту не было постоянной женщины уже добрых восемь месяцев, попросту поплыл от сексуального голода. В итоге случилось то, что неизбежно должно было случиться... Ну вы поняли о чём я? Да, они переспали. Вот только наутро он не ощутил к партнёрше ни малейшей привязанности, ни даже симпатии... Напротив, внутри него шевельнулось отвращение как к Ире, так и к себе самому за эту минутную слабость. Ну ладно - пятиминутную... Ему сделалось ужасно стыдно, ибо парень чётко осознавал: эта дурнушка - совсем не та девушка, с которой он хотел бы строить полноценное будущее. Только вот влюбленная птичка уже питбульной хваткой вгрызлась в свой единственный шанс на счастье.

После той бурной ночи Лёша ушёл в несознанку, то есть упрямо не брал трубку и полностью игнорировал любые сообщения на протяжении двух суток. И вот однажды вечером возвращаясь домой после очередной изматывающей смены, он неожиданно обнаружил девчонку прямо на ступенях у дверей своей квартиры. Она демонстративно поднялась навстречу и кокетливо развела по сторонам лёгкое платье на завязках, наглядно демонстрируя себя "во всей скромной красе", причём под нарядом не оказалось даже трусиков. Ира максимально призывно улыбнулась и первая впила в его губы поцелуем. Лёша предсказуемо начал уплывать от накатившей похоти, но этот страстный момент бесцеремонно оборвала соседка, решившая вынести мусор. Опасаясь позорных сплетен, он быстро перехватил Иру за талию и буквально затолкал её в прихожую своей квартиры. Вот так, собственно, всё и закрутилось по новой. С тех пор она стала оставаться у него всё чаще, хотя, по правде говоря, сам парень из-за этого порой чувствовал себя откровенно паршиво. Ведь в глубине души он по-прежнему осознавал, что Ира для него являлась всего лишь удобным перевалочным пунктом, и эта интрижка не затянется навсегда.

Справедливости ради, сам по себе Лёша не был законченным подонком. Он тоже страдал от одиночества, ему точно так же хотелось домашнего уюта, женской ласки, заботы, горячей стряпни и регулярного секса. Наверное, когда-нибудь в обозримом будущем он набрался бы мужества, чтобы окончательно порвать с Ирой, однако набежавший из ниоткуда туман не позволил ему поставить жирную точку в этой затянувшейся истории.

После ритуальной утренней процедуры Лёша, довольный, аки сытый кот после миски жирной сметаны, резво подскочил с кровати и метнулся в ванную. Энергично начищая зубы, он курсировал между раковиной и кухней, где умудрялся свободной рукой параллельно заваривать крепкий кофе. Шустро перелив дымящийся напиток в дорожный термос, парень мельком бросил взгляд на настенный циферблат. На часах было 5:25, что гарантировало отличный запас времени без малейшего риска куда-то опоздать. Умылся, оделся, причесался.

Полноценный обед, заботливо приготовленный Ирой ещё с вечера, уже дожидался своего часа на полке холодильника. Парень закинул пластиковый контейнер в рюкзак, мимоходом проверил карманы на наличие связки ключей и на полном автомате бросил оставшейся в постели девушке, что её запасной комплект лежит у зеркала в коридоре, так что пусть она не забудет запереть за собой входную дверь. На прощание он дежурно помахал ей рукой, даже не удостоив подругу беглым взглядом, после чего торопливо засеменил вниз по лестничным пролётам, оставляя в подъезде едва уловимый шлейф из аромата кофейных зёрен и резкого мужского дезодоранта.

Иру, разумеется, подобное пренебрежение моментально укололо в самое сердце. Ну где положенный поцелуй, где хотя бы банальное «пока, любимая»? Вместо ожидаемых знаков внимания ей достался лишь сухой взмах ладонью, словно она была не близким человеком, а случайной соседкой по лестничной клетке. Глубоко раздосадованная, она тоскливо проводила глазами захлопнувшуюся дверь, тяжело вздохнула, накинула халат и побрела смывать обиду под струями тёплого душа.

Во дворе Лёша отыскал взглядом свою чёрную «Младу». Машина была совсем свежей - 2022 года выпуска, на стильных литых дисках, и смотрелась чертовски здорово. На такую ласточку он, конечно, в одиночку бы не накопил: скидывались всем миром, родители, тётки, брат и друзья подкинули кто сколько смог.

Замурлыкал мотор. Пока машина прогревалась, Лёша, ссутулившись от кусачего ветра и поглубже закутавшись в шарф, взялся за щётку. Снега за ночь нападало прилично. Он налип на крышу и капот плотным, вязким слоем. Вдобавок стёкла затянула крепкая корка льда, и пока парень со звонким скрежетом орудовал скребком, пальцы даже в плотных перчатках быстро заломило от холода. Да и нос немилосердно щипало, изо рта густыми клубами шёл пар, а в кроссовки то и дело норовил залезть промозглый снег с нерасчищенных сугробов.

Городские улицы всё ещё беспробудно спали, в окнах многоэтажек не виднелось ни единого огонька, и лишь приглушённый желтоватый свет от редких фонарей выхватывал из темноты силуэты редких бредущих по делам людей и встречных машин, чьи фары были сильно размыты белёсой вуалью наползающей хмари. Чтобы разогнать предрассветную тоску, Лёша врубил магнитулу, откуда тут же зазвучал очередной попсовый хит с томным, слегка простуженным женским вокалом. Сам по себе парень являлся заядлым меломаном, так что в его плейлисте мог совершенно спокойно уживаться как заунывный кальянный рэп, так и тяжёлый экстремальный металл с гроулингом.

Выехал. Почти половину дороги он преодолел без особых приключений, лишь изредка ругая вслух лихачей, норовивших втиснуться прямо перед его бампером. На лобовом стекле мерно поскрипывали дворники, а сам Лёша беззаботно подпевал себе под нос, пританцовывая плечами в такт музыке.

Но стоило выскочить за черту города, как раскинувшееся впереди поле на глазах заволочло аномально густым туманом. Белёсая стена надвигалась слишком быстро и плотно, настоявшая до мурашек. Зимой любой туман - та ещё редкость и та ещё попытка: сырость моментально садится на металл, видимость падает до нуля, а мороз пробирает до костей.

Дальше - больше. В самой гуще этого молочного марева с сухим треском заблестели ослепительные молнии, бьющие напрямик в заснеженную землю. Ничего подобного Лёша отродясь не видел, зимняя гроза - явление из ряда вон. Но окончательно его доконал запах: едкая смесь кислоты, тухлого кефира и протухших яиц. От этой мерзости в носу мгновенно зажгло, а горло перехватило сухим кашлем.

Спустя ещё пять минут за лобовым стеклом разлилось сплошное, непроницаемое молоко, сквозь которое невозможно уже было разглядеть даже капот. В голове у Лёши мелькнула здравая мысль остановиться на обочине и переждать эту внезапную чертовщину, однако заветная станция находилась уже рукой подать, оставалось от силы полтора километра.

— Мало того, что ни хера не видно, так ещё и воняет, как на заводе серной кислоты, — буркнул он, откручивая крышку термоса.

Только парень приложился к нему, как слева из белой пелены с диким визгом выскочила иномарка. С хлестким треском она снесла боковое зеркало и растворилась в тумане, оставив после себя шлейф брызг на лобовом и дикий испуг. От удара термос выскочил из рук, и крутой кипяток плеснул прямо на сиденье, ноги и пах. Джинсы мгновенно промокли, кожу обожгло огнём, и Лёша взвыл на весь салон:

— Сука! Пидрила, лять! Ну ты нормальный вообще?! На такой скорости мчаться в тумане?! Скотобаза!

Автомобильное радио внезапно заткнулось, разразившись шипением статики, но разгорячённый Лёша этого даже не заметил. Костеря негодяя на чём свет стоит, он резко затормозил у обочины и выскочил наружу. Разъезженный шинами снег неприятно захлюпал под подошвами, а влажный, пропитанный химией воздух мгновенно начал щипать глаза и ноздри. Парень зло сплюнул, присел на корточки и подобрал с земли своё обломанное, покрытое трещинами зеркало.

— Вот гондон! — выдохнул он, и в тот же самый момент еле успел отпрыгнуть в сторону, завалившись прямо в грязный сугроб.

Вторая машина вылетела из завесы, обдав его вихрем ледяной крошки и едва не срезав несчастному ноги.

— Да вы там охуели, что ли, все?! — неистово завопил он.

Великолепное начало рабочего дня.

Кое-как отряхнувшись, Лёша огляделся по сторонам и, опасаясь новых неприятностей, торопливо перебежал дорогу к своей машине. Он со злостью швырнул обломки на соседнее сиденье, забрался в салон и, хмуро пристегнувшись дрожащими от адреналина пальцами, тронулся дальше.

Косо глянув на видеорегистратор, решил: ГИБДД вызовет уже с работы. Камера всё зафиксировала, а торчать сейчас на дороге - это чистейшее самоубийство. Только не хватало, чтобы какая-нибудь слепая фура снесла его на полном ходу вместе с машиной. А такое вполне могло произойти.

Всё же оставшийся путь до промзоны прошёл относительно спокойно, но когда впереди сквозь мглу замаячили тусклые оранжевые проблески, что было характерным светом аварийных маячков на КПП, Лёша напрягся куда больше, да ещё и шлагбаум на въезде оказался опущен.

Он вышел из машины, и в лицо ему тут же ударил всё тот же кисловатый воздух, от которого першило в горле. Где-то со стороны административного корпуса доносился едва разборчивый, заикленный голос автоматической звуковой записи.

— *Учения что ли? Да вроде не должно быть их сегодня...* — озадаченно подумал парень, чувствуя, как внутри зарождается нехорошее предчувствие.

Лёша быстрым шагом подбежал к посту охраны. Саныч, местный дежурный в чёрной форме, был бледный, как смерть, и нервно перебирал пальцами, удерживая в зубах дымящуюся сигарету.

— Ёп твою мать, Лёша... Что это, мать его, творится-то?!

— Это я у тебя хотел спросить, Саныч! — Лёша глядел на него с нарастающим ужасом.

— Света нет. Связи нет. Всё отрубилось, — тот глубоко затянулся и сплюнул серую слюну в снег.

— Да ну нахрен! — парень в изумлении выпучил глаза.

— Я тебе говорю, ни хера не работает, — Саныч раздражённо затоптал окурок.

— Ладно, пускай меня, — бросил Лёша, уже пятясь обратно к своей легковушке.

Когда на ядерном объекте внезапно тухнет внешнее питание, мощные дизель-генераторы запускаются в автоматическом режиме, дабы поддерживать жизненно важные системы безопасности реактора. Вот только к ним автоматические шлагбаумы и ворота никто отродясь не относил, равно как и много чего другого из периферийной инфраструктуры. Именно поэтому старому Санычу пришлось чертыхаться, доставать из кармана массивный шестигранник, со скрипом вставлять его в технологическую панель сбоку и вручную, натужно вращая механизм, поднимать неподатливую металлическую стрелу. И нет, просто взять рукой поднять её было нельзя. Короче, вся хваленая цифровая система оказалась бессильна перед обычным блэкау-

том, и сейчас весь порядок на въезде держался исключительно на пожилom мужике с ключом и жёсткой никотиновой зависимостью.

Лёша мельком глянул на экран смартфона и убедился, что на индикаторе сети нет ни одной палки. Мобильная связь сдохла. Автомобильное радио тоже больше не подавало признаков жизни, парень из-за дорожной суматохи обратил на это внимание только сейчас. Кое-как припарковав машину на служебной стоянке, Лёша зажал рюкзак с домашним обедом под мышкой и на всех парах рванул к главному зданию. Подбегая ко входу, он уже во всех деталях расслышал завывание автоматической системы оповещения:

«Внимание! Полное обесточивание станции. Сработала аварийная защита реактора по потере питания. Персоналу немедленно ввести в действие план ликвидации аварии...»

Это бодрящее сообщение повторялось каждые две минуты, и из-за капания на мозги, воспринималась как пытка.

Тусклый свет аварийных ламп мелко дрожал на бетонном козырьке и в проёмах окон. Откуда-то из подземных горизонтов блочной насосной станции сочился утробный, низкий гул запущенных дизелей, создавая полное ощущение, будто в подвале проснулось какое-то здоровенное и злобное существо, которое теперь тяжело и хрипло дышит прямо под ногами. Парню тут же вспомнился фильм ужасов "Хижина в лесу", и он скривился.

Лёша на бегу торопливо расстегнул куртку, вытащил из-под свитера пластиковый бэйдж и приложил его к магнитному считывателю вертушки. Электронный замок, разумеется, молчал, полностью обесточенный, как и всё остальное вокруг. Сообразив, парень просто с силой толкнул плечом тяжёлую пластиковую дверь и поспешно вошёл внутрь. Рамка металлодетектора не пискнула при его появлении. Охранник на внутреннем посту - такой же пожилой, круглолицый мужик, вечно пахнущий ядрёным табачком как и Саныч, подскочил к нему, игнорируя предъявленный пропуск.

— Лёша! Полный кирдык! — хрипло выдохнул он. — У нас света нет! И связи тоже! Представляешь? Ночная смена на ушах стоит! Беги к себе, твой начальник там уже в полуобморочном состоянии!

— Бегу, бегу!

Внутренние помещения станции теперь тонули в зловещем жёлто-красном полумраке. Каждые две минуты по линиям громкой связи накатывал всё тот же автоматический речевой душ, без конца повторяющий заученные инструкции. Воздух внутри здания сделался пугающе горячим и спёртым, ибо штатная приточная вентиляция отключилась, из-за чего дышать приходилось словно сквозь плотное, влажное полотенце. Застрявшие на дежурстве люди, облачённые в белые хлопчатобумажные спецовки, защитные каски и бахилы, хаотично шныряли по переходам, напоминая встревоженных муравьёв, чьё насиженное гнездо только что грубо раздавили сапогом. На бледных лицах сотрудников читалась неподдельная тревога, а во взглядах сквозило тягостное ожидание чего-то непоправимого. Лёша пулей шмыгнул в гардеробную, спешно переоделся в рабочую форму и скорым шагом направился в сторону своего родного второго энергоблока.

В святая святых блочного щита управления всё уже дышало острой аритмией надвигающейся катастрофы. Липкий пот градом стекал по спине парня, отчего хлопковая одежда прилипала к телу. Специфические запахи буквально резали ноздри: резкий аромат разогретого металла, удушливая гарь перегретой изоляции и тяжелые ноты турбинного масла образовали сногшибательный коктейль чисто промышленных феромонов.

Сам БЩУ сейчас больше всего походил на крейсер, на полном ходу напорившийся на рифы. Хорошая половина жидкокристаллических мониторов сияла чернотой обесточенных экранов, поэтому операторам приходилось считывать ключевые параметры вручную, ориентируясь на стрелки старых аналоговых шкал, пока смежники шумно шуршали страницами ава-

рийных журналов. Некоторые компьютеры функционировали в аварийном режиме минимального энергопотребления, выдавая критические ошибки верхнего уровня.

Станислав Викторович - старший инженер смены, седой и приметный, аки старый серебряный чайник, застыл у центрального пульта и остервенело орал в бесполезную трубку проводной рации. На его осунувшемся лице сейчас отражалась вовсе не рабочая злость, а самый настоящий, неразбавленный страх за судьбу реактора. Вова, механик по ЦПУ, примостился у диффузора вяло вращающейся вытяжки, удерживая в пальцах зажжённую сигарету - наплевать на все запреты. На автопилоте он уже по пятому кругу проверял текущее давление в первом контуре, просто чтобы хоть как-то занять дрожащие руки и отвлечься от дурных мыслей.

Вадим, второй механик и по совместительству главный Лёшин персональный раздражитель, обретался чуть в стороне, сохраняя на физиономии «хитровыделанное» выражение, как сам Лёха обычно выражался в узком кругу. Этот хлыщ окинул вошедшего коллегу презрительной миной, будто происходящий вокруг коллапс его рук дело.

А в боковом коридоре стояла дозиметристка Соня с планшетом в руках, сканируя радиационный фон. Симпатичная, бледная брюнетка с лёгким готическим стилем и рассыпанными по плечам тёмными волосами всегда притягивала взгляды. Лёха и сам иногда на неё заглядывался, но лишнего не позволял: Соня была старше лет на пять, с неудачным браком за плечами и дочкой-подростком.

Чуть поодаль техник-электрик увлечённо возился в раскрытом силовом щитке. Мужчина вполголоса матерился, удерживая зубами узкий фонарик, луч которого прыгал по разноцветным косам проводки.

А сам Лёша, занимающий скромную должность младшего инженера по контролю технологических процессов, просто стоял посреди этого гудящего хаоса и без остатка впитывал всеобщее напряжение, точно губка. Внутри у него крепла однозначная, пугающая уверенность: всё, что разворачивается перед его глазами прямо сейчас, не имеет абсолютно ничего общего ни с одной учебной тревогой.

— Лёша подтянулся! — заметил Станислав Викторович, вытирая лоб тыльной стороной ладони. — Из вашей смены, Лёша, только ты и Вадим пришли. Остальные, похоже, решили не приезжать...

Когда начальник подошёл ближе, от него забористо потянуло едким потом и табаком, а тёмные влажные пятна на его форменной рубашке расплзались во все стороны, напоминая уродливые чернильные кляксы.

— У тебя связь есть?

— Нет, Станислав Викторович, у меня глухо, как в танке, — ответил тот, машинально поправляя каску.

— Да что ж творится-то... — выдохнул начальник и резко хлопнул в ладони. — Так, быстро позовите остальных с блока! Давайте, веселей!

Спустя пять минут все, кто на тот момент был в наличии, уже теснились у главного пульта управления.

— Ребята... — начал Станислав Викторович, доставая из помятой пачки сигарету. Его желтоватые пальцы едва заметно дрожали от колоссального напряжения. Он торопливо закурил, из-за чего и без того душный климат в помещении окончательно слился с сизым табачным дымом. — Связи нет уже пятьдесят одну минуту. РДУ молчит. Центр глух.

— Пробовали выйти на штаб Росэнергоатома? — спросил кто-то из угла.

— Пробовали. Нету связи. НЕ -ТУ! Сколько человек с дневной смены здесь? Кто-то ещё подтянулся после Лёши?

Он принялся медленно водить растерянным взглядом по бледным лицам сотрудников, буквально считая присутствующих по головам.

— Кроме Вадима и Лёшки, всё? Больше никого, что ли?.. Как так-то?..

Разумеется, никакого ответа на этот риторический вопрос не последовало, и в помещении сразу же повисло неловкое молчание. Лишь щёлкал контрольный дозиметр, напоминая стук зубов у человека в лютой лихорадке, да где-то глубоко внизу урчали запущенные резервные дизель-генераторы.

— Так... — инженер до боли сжал пальцами переносицу и сделал длинный, мучительный вдох, а затем последовал второй и третий. Голос его срывался, но мужчина изо всех сил старался держаться. — Работаем по протоколу полной потери связи и внешнего питания.

С этими словами он разложил мятый, местами надорванный лист с экстренной технологической схемой прямо на горизонтальной панели управления.

— Энергоблок пока что в норме. Питаемся через дизеля. Охлаждение идёт. Давление в норме. То есть мы ещё не в жопе, но уже у порога с вазелином.

Закончив фразу, он снова окинул внимательным взглядом притихших людей. Вадим с независимым видом подпирал плечом стену, словно она была должна ему крупную сумму денег, а его стеклянные глаза оставались абсолютно неподвижными, будто у манекена. Сам Лёша лишь болезненно закусил губу и уставился немигающим взором в бетонный пол.

— Лёша, с этого момента ты отвечаешь за основной щит. Любое изменение идёт через тебя. Температура на входе и выходе из реактора, давление в КМПЦ, уровень в ПГ. Если что-то полезет в разнос, то докладывай сразу.

— Принято, — кивнул тот.

— Соня, делай обход каждые два часа по всем этажам. Даже нижним. Если фон прыгнет, сразу бей тревогу. Не тяни ни секунды.

— Сделаю, — отозвалась не обрадованная такой работёнкой девушка.

— Вадим, давай вниз. Проверишь дизели... топливо, соединения, утечки. Если пахнут - прекрасно. Если нет... чини руками, зубами, задницей, чем угодно, но чтобы работали. Без них мы тут все сваримся нахрен.

— Понял, — буркнул Вадим, будто ему плевать. Кажется он вообще не нервничал.

После этого Станислав Викторович пораздавал аналогичные экстренные назначения и остальным немногочисленным членам смены.

— Дежурства по очереди. Три часа в реакторном зале, потом смена, чтобы дозу не набрать. И последнее, — голос его сел, будто в горле пересохло от каждого произнесенного слова. — Если всё-таки потеряем охлаждение... первым делом начнём стравливать пар через парогенераторы. Если давление не упадёт - перейдём на сброс в барботер. Это наша последняя подушка безопасности, так сказать...

Он запнулся, провел ладонью по лицу, стирая разъедающий кожу пот, и закончил уже совсем упавчески:

— ...Если барботер переполнится, тогда нам останется только закрыть всё. Будем разворачивать саркофаг.

— А мы?... — в ужасе спросил Лёша.

— А мы останемся, — твёрдо сказал Станислав Викторович, глядя не на него, а куда-то в стену. Не хватало ему мужества в глаза людям смотреть, произнося столь страшные слова.

Он затушил окурок о металлический поручень пульта. Серый пепел рваными хлопьями посыпался на пол, а последняя струйка дыма ушла вверх, смешиваясь с воздухом БЩУ.

— Работать.

В этот момент у Лёши в голове гремел настоящий парад панических мыслей, а напуганный мозг метался от одной жуткой картины к другой.

Парень отлично понимал как и все остальные присутствующие, что значат слова Станислава Викторовича. Парогенераторы на АЭС - это, грубо говоря, гигантские стальные кастрюли. Внутри кипит вода, а пар крутит турбины, чтобы давать электричество. Но сейчас они превратились в обычные свистки на закипевшем чайнике. Если реактор перегреется, авто-

матика сорвёт затычки, и дико ревуший, раскалённый пар просто вырвется на улицу, накрыв станцию густым белым облаком. Разумеется, это отличный расклад.

Но если всё пойдёт по худшему сценарию, а оно пойдёт - парень в этом несколько не сомневался, в дело вступит барботер. Звучит непонятно, но на деле это гигантский бассейн с ледяной водой, залитый в бетон глубоко под землёй, прямо под реактором. Это последняя страховка. В эту «ванну» будут сбрасывать уже не безобидный пар, а радиоактивный прямиком из плавящегося сердца станции. По задумке, этот смертоносный кипятик должен булькать сквозь воду огромными пузырями и остывать. Вся радиационная грязь останется на дне бассейна и не попадёт в город.

Только вот ванна эта не бездонная. Вода от раскалённого пара быстро закипит, начнёт бурлить и расширяться, занимая всё больше места. В какой-то момент бассейн просто захлебнётся, как раковина с забитым стоком, которая больше не может глотать воду. И тогда останется только одно - запереться. Они закрутят все вентили, заварят тяжёлые стальные двери, и бетонный купол над реактором превратится в огромный гроб. Гроб для них в том числе.

В общем и целом, сначала станция будет плевать паром через кастроли-генераторы, потом варить радиоактивный суп в подземном бассейне. А когда вода пойдёт через край - им придётся запереться в этом бетонном мешке и просто ждать своей смерти.

Да, в глубине души каждый обыватель мечтает однажды стать великим героем, чтобы его имя затем с придыханием и восхищением произносили посторонние люди, а фотографии в рамках красовались на почётных общественных стендах. Вот только подобная загробная слава парню была глубоко и искренне не интересна, особенно если ради неё придётся пережить то, как его обгоревшие останки будут собирать по кровавым кускам со стен разрушенного реакторного зала. Хотя стоп! Никто, разумеется, их собирать и хоронить потом не будет. Ещё чего! Их тела уже никогда не вынесут оттуда, их просто зальют бетоном вместе с остатками топлива и конструкций, как это сделали в Чернобыле. Смерть на АЭС - это страшный конец, умирать придётся медленно, мучительно. И завершать свой земной путь в самом расцвете сил, когда на голове даже волосы ещё не начали седеть, Лёше совершенно не улыбалось.

Спустя пару минут он уже быстро шёл по узкому кабельному коридору, где вдоль стен равномерно подмигивали индикаторы распределительных щитков. Воздух вокруг ощутимо вибрировал от напряжения и удушливого аромата разогретого железа, однако сам Лёша внутри себя уже принял решение. Если вся эта ситуация окончательно пойдёт через жопу, он просто свалит. Свалит отсюда без оглядки и с такой сумасшедшей скоростью, что за его пятками только искры посыпятся. Его собственную квартиру, конечно, неминуемо зацепит волной, но вот до загородного дома родителей и жилья друзей беда докатиться не должна, а значит, нужно рвать когти прямиком к ним. Ну а брошенная станция пускай себе дальше горит, плавится или вовсе разваливается на куски, лишь бы сам он в этот роковой момент находился как можно дальше от эпицентра катастрофы.

Парень изо всех сил пытался хоть как-то успокоить бушующий пульс трусливой мыслью о том, что в своём эгоизме он определённо такой не один, ведь не он первый и не он последний не испытывает ни малейшего желания героически сдохнуть ради общественного блага. Да ему ведь даже тридцати лет ещё не стукнуло! Нет ни жены, ни детей, а из всех возможных путешествий он в своей жизни видел максимум пляжи в Туапсе. Машину опять же только-только купил. Получалось, что он ещё толком-то и не жил по-человечески! Это не Stanislaw Викторович, который из-за солидного возраста, может, и впрямь внутренне готов с миром проститься, а вот Лёхе становиться мучеником атомной энергетики не хотелось.

В этот самый момент его внутренний поток стенаний и оправданий резко оборвался, когда он неожиданно заметил впереди девушку. Она одиноко стояла прямо посреди прохода, застыв на месте, будто напрочь позабыла, зачем вообще сюда пришла. Защитной каски на ней не было, её светлые волосы скрывала лишь тонкая одноразовая шапочка, под которой угады-

вался туго скрученный пучок, в то время как сам элемент безопасности валялся рядом на полу. Коллега неотрывно смотрела на мерцающую световую панель и при этом как-то странно, пугающе улыбалась.

Лёша осторожно подошёл поближе, стараясь рассмотреть детали, и внимательно пригляделся к её груди. На пластиковом бэйдж-пропуске значилось: Алёна Горшкова - техник по ремонту и обслуживанию контрольно-измерительных приборов и автоматики.

— Эмммм... привет? — нерешительно выдавил Лёша.

— Привееееет, — протянула она, сипло и немного отрешённо, не отрывая взгляда от весёлых, мигающих лампочек.

— Ты... чего тут? Что-то с приборами? — осторожно поинтересовался он и сам уставился на панель.

— Спать хочу... — честно ответила Алёна. И у неё, правда, начали сильно слипаться глаза.

— Блииин, ты с ночной смены, да? — парень почесал под воротником, пытаясь придумать, как быть. — Слушай, ну иди приляг в комнате отдыха. Сдай дежурство, скажи кому-нибудь, что фигово тебе. А то тут и завалишься прямо у щитка же.

Парень осторожно протянул руку и мягко положил ладонь ей на плечо, дабы хоть немного привести коллегу в чувство. Однако в следующий же миг ситуация стала выходить из-под контроля, поведение девушки изменилось самым пугающим образом. Алёна перевела затуманенный взгляд на его пальцы, а затем, словно лишившись последних зачатков самоконтроля, аккуратно положила на его ладонь свою бледную щёку. Она принялась странно тереться о его кожу, напоминая ласковую домашнюю кошку, и при этом шумно, прерывисто принималась к запаху чужого тела. Лёша буквально оцепенел от неожиданности, не в силах сдвинуться с места, в то время как девушка продолжала настойчиво ластиться к его руке, жадно и глубоко вдыхая аромат.

В этот самый момент в тускло освещённый проход ввалился Вадим.

— Привет, Алёнка... — с удивлением протянул он, окидывая девушку взглядом.

— Привееееет, — снова тем же странным тоном откликнулась она.

— Ей хреново, — быстро заговорил Лёша, едва освободив руку из её бархатного и странного плена. — Кажется, не в себе. Проводишь её до комнаты отдыха? Пусть хотя бы час поспит.

— Пошли, — пробурчал Вадим, подобрал каску с пола, зажал под мышкой и обнял Алёну за плечи, направляя к заветной комнате.

— Не, ну это просто какой-то цирк... — Лёша с выпученными глазами смотрел на свою только что обласканную руку, немного ощущая себя изнасилованным...

Но, как оказалось, на этом шок и трепет парня только начинались, всё самое весёлое ждало его впереди. Оставив коллег, он толкнул звукоизолирующую дверь и вошёл в огромный турбинный зал.

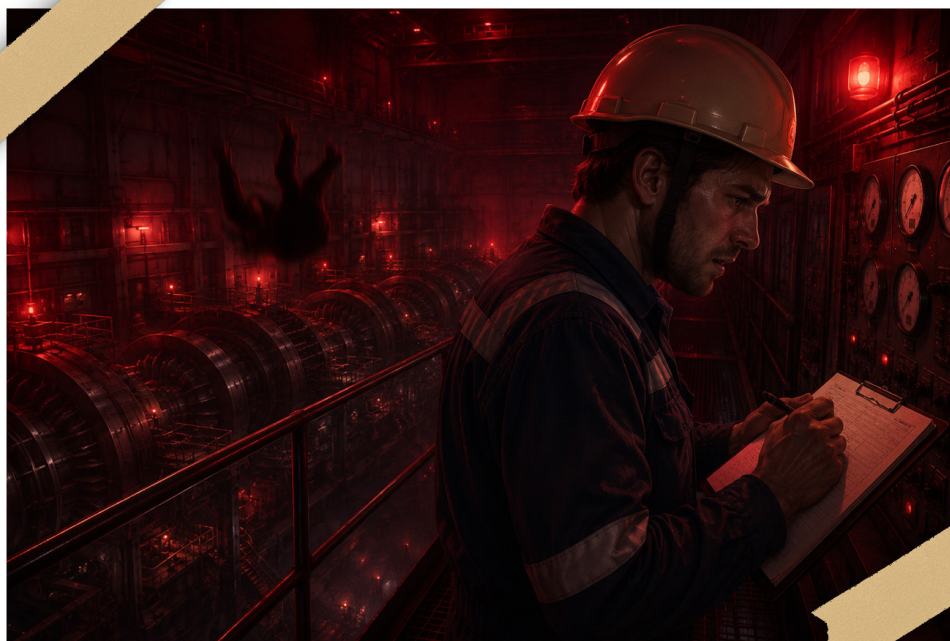
В этом необъятном пространстве он всегда чувствовал себя крошечным, незначительным, словно мелкая букашка. Огромный зал буквально подавлял своей грандиозностью, его потолок терялся в густом полумраке под самой крышей, на сорокаметровой высоте, а всё окружающее пространство было заполнено всепроникающим низкочастотным гулом. Циклопические махины турбин, даже несмотря на аварийное торможение после падения стержней защиты, продолжали вращаться по огромной инерции, издавая яростный рокот, будто они прямо сейчас собирались сорваться со своих фундаментов. Между ними петляли толстенные магистральные трубопроводы, над головой зловеще нависали распределительные щиты, а под ногами расстилался сыроватый, покрытый масляной плёнкой бетон. Лампы аварийного освещения дёргались в полумраке, из-за чего создавалась пугающая иллюзия, будто кто-то пристально наблюдает за тобой из густой тени.

В носу у Лёши всё ещё противно и остро щипало, словно он надышался хлоркой, отчего в висках пульсировала боль, а к горлу подкатывала сильная дурнота.

— Все проблемы от нервов, блин.

Кое-как преодолев слабость, он спустился на технологический мостик, дабы внимательно осмотреть вверенное оборудование и списать текущие показания с локальных измерительных панелей. Парень развернулся к приборам и попытался присмотреться к шкалам, однако его глаза словно окутала плотная плёнка, мешающая сфокусировать взгляд. И в этот самый момент боковым зрением он уловил стремительную, смазанную тень, словно кто-то бесшумно проскользнул прямо у него за спиной. Лёша резко обернулся, но сзади оказалась лишь зловещая пустота.

Сердце бешено ударилось о рёбра, заставив пульс подскочить до предела. Он испуганно прислушался к окружающим звукам, однако вокруг по-прежнему доносился лишь монотонный рокот турбин. Списав всё на банальное переутомление, парень снова повернулся к приборам и только было начал заносить цифровые данные в ведомость, как на самом краю поля зрения опять возник тёмный и быстрый силуэт. Он мгновенно обернулся, но там снова никого не оказалось, вокруг не было ни единой живой души.

— Ну, класс. Глюки пошли, — прошипел он. — Этого ещё не хватало!

Но только он снова собрался вернуться к работе, как прямо перед ним с верхнего яруса пролетел человек. Несчастный просто рухнул вниз, без единого крика или стога. Мужчина падал абсолютно спокойно, не размахивая руками и ногами, словно он уже находился в глубокой отключке или был мёртв ещё до начала падения.

Лёша в дикой панике отшатнулся назад, напрочь позабыв обо всём на свете. Он с грохотом выронил планшет и неуклюже повалился на металлический мостик, в то время как разлетевшиеся листы ведомостей закружились в воздухе, словно испуганные голуби.

— Это что за херня?! — выдохнул он, глаза стали круглыми, как иллюминаторы.

В то же мгновение сверху с режущим уши визгом пролетело ещё два человеческих тела. Одно из них истошно вопило, а вот второе... второе издавало рычание, которое звучало совершенно не по-человечески.

— О боже... что?! Что происходит?! — голос Лёши дрогнул, а внутри всё сжалось в крошечный, трясущийся клубок. У него перехватило дыхание, в горле зашекотало от рвотного позыва.

Поддавшись инстинкту, он прямо на карачках, подполз к самому краю мостика. Сначала он со страхом бросил быстрый взгляд вверх, дабы убедиться, что из полумрака больше никто не падает, а затем решился заглянуть вниз, на нижнюю отметку зала. И вот от увиденного там его внутренности окончательно перевернуло.

Живот свело такой острой судорогой, будто внутрь забрался "чужой" с ржавыми клещами и принялся безжалостно выворачивать кишки наружу. Ноги Лёши подогнулись, силы покинули тело, и он рухнул лицом на холодный металлический настил, заходясь в рвотных позывах.

Там, далеко внизу, в широкой луже из машинного масла и густой крови копошились четверо его коллег, с которыми он ещё утром привычно поздоровался. Они теперь напоминали раздавленных, но всё ещё шевелящихся насекомых. Поскольку после падения с такой высоты их тела превратились в сплошное месиво, передвигались они страшно и неестественно. Острые обломки костей прорвали одежду, суставы вывернулись под немыслимыми углами, однако, вопреки всем законам природы, эти существа упорно ползли к одной цели, совершенно не замечая боли.

У одного из мужчин перебитая голень держалась лишь на уцелевших связках и лоскутах кожи, безвольно волочась по бетону, словно мокрая тряпка. У другого рука была выломана далеко за спину, так что ему приходилось отталкиваться от пола окровавленным плечом. Вся эта жуткая компания плотной, копошащейся кучей навалилась на пятую жертву - молодую девушку из их смены.

Её шея была заломлена под таким жутким углом, что не оставалось никаких сомнений в её смерти, к тому же руки и ноги несчастной превратились в бесформенное крошево после удара. А её бывшие товарищи тем временем с животным остервенением рвали мёртвую на части. Их челюсти смыкались снова и снова, с жадностью вырывая куски плоти и натянутые сухожилия.

Лёша беспомощно ползал по мостику, задыхаясь в собственном ужасе и периодически изо всех сил зажимая рот ладонью, чтобы не издать ни единого звука и не заорать на весь зал. Дикое желание кричать от подступающего безумия и неконтролируемый рвотный позыв яростно боролись внутри него за первенство. Кое-как, опираясь дрожащими руками о поручни, ему удалось подняться на ноги и доковылять до выхода.

Он буквально вывалился в коридор, который теперь казался ему ещё более узким, удушливым и будто бы слегка перекошенным от пережитого шока. Прямо там, в проходе, стояли Вадим и Станислав Викторович, которые о чём-то громко, на повышенных тонах и крайне нервно спорили. При этом у Вадима больше не было каски, на его лбу уродливо багровела свежая глубокая ссадина, с испачканной головы свисала слипшаяся окровавленная прядь волос, а плотный рукав спецовки оказался разодран, и оттуда тоже обильно сочилась тёмная кровь. Лёша, сделавшийся белым как молоко, на короткую секунду вцепился пальцами в пустой воздух, пытаясь удержать равновесие, а в следующий миг его просто шумно и неостановимо вывернуло прямо на пол.

— Ста-станислав Викторович! — Лёша хрипло глотнул воздух, держась за стену. — В вентиляции, похоже... пары! Фтор, мышьяк, свинец, фосфор... чёрт его знает, что ещё! У меня... у меня галлюцинации! Я такое видел, что вам и в кошмарах не снилось!

Парень хватал ртом спёртый воздух, изо всех сил цепляясь пальцами за шершавую облицовку, чтобы окончательно не рухнуть. Его сорванный голос практически потонул в очередном завывающем, буквально выносящем мозг аварийном оповещении.

Вадим перекрыл этот оглушительный шум своим яростным криком:

— Что, и на тебя зомбари кинулись?

— Зо-зоооорх... — вместо внятного ответа из горла Лёши вырвался лишь нечленораздельный хрип.

Его снова резко скрутило спазмом, а всё тело заколотило в такой неистовой, крупной дрожи, словно через него пропустили электрический ток. Бедный инженер опять позорно упал на колени и в последний момент успел выставить руки, дабы не распластаться лицом прямо в собственном свежем блевотном пятне. Вадим брезгливо скривился от этого зрелища. В то же самое время Станислав Викторович, со стороны выглядевший так, будто весь этот кошмар его совершенно не касался, отрешённо чертил какие-то хаотичные линии на клочке бумажки и безостановочно бормотал что-то невнятное себе под нос. Находясь в состоянии глубокого психологического шока и обращения, пожилой начальник попросту отгородился от пугающей реальности, после чего он резко развернулся и целенаправленно пошёл обратно к распределительному щитку.

— Эй, стоп! — Вадим попытался перехватить его за плечо, чтобы остановить.

— Все с катушек полетали, блядь! — заорал тот в ответ и вырвался из пальцев подчинённого.

— Лёха! — Напарник стремительно повернулся к лежащему на полу коллеге. — Хватит блевать, тряпка! Вставай!

Вадим понял, что начальник ёкнулся как и многие другие, говорить с ним бесполезно, поэтому он переключил внимание на коллегу помладше. Он волоком потащил Лёшу за собой в сторону силовых панелей. Почти сразу же испуганно понизил голос до едва различимого шёпота:

— Я ж Алёнку хотел до комнаты отдыха довести. И прикинь - она на ходу вырубилась. Просто стояла-стояла... и потом..

Договорить он не успел, поскольку где-то совсем рядом, в тёмной глубине коридора, что-то гроыхнуло, как будто ящик инструментов упал.

— Так! Быстро! Бежать можешь?! — Вадим воровато оглянулся на источник шума и резко, до боли вцепился пальцами в плечо Лёши.

— Да... вроде да... — выдавил младший инженер, чувствуя, как адреналин временно блокирует тошноту.

— Тогда в темпе, валим отсюда!

Они пулей вылетели в просторный холл, ведущий напрямую к обходной галерее и главному щиту управления. И вот именно здесь стало по-настоящему жарко, причём во всех смыслах этого слова.

Там была Сонечка. Всегда такая красивая, готическая и утонченно-женственная девушка сейчас сидела верхом на распластанном теле одного из техников. С блаженным урчанием она обсасывала его окровавленную щёку, словно это была сладкая карамелька. Всего в каких-то двух метрах от неё двое мужчин доедали ещё одного невезучего бедолагу. Один из нападавших крепко удерживал безжизненную руку жертвы, пока второй разрывал её грудную клетку. Всё это безумие происходило с такой обыденностью, будто они не человеческую плоть рвали, а ели курочку или свиные рёбрышки в столовой.

— Млять! — испуганно прошипел Вадим и резко рванул в сторону выхода на эвакуационную лестницу, пытаясь проскочить мимо двух канибалов.

Однако один из безумцев, который ещё секунду назад тихо-мирно жевал мясо убитого коллеги, выбросил руку вперёд и цепко ухватил Вадима за штанину. От испуга парень мгновенно потерял равновесие, споткнулся о тянувшийся по полу кабель и неуклюже завалился набок, а нападавший раза в два больше него тут же навалился всей своей массой сверху, буквально припечатав его к бетону. Вадим заорал, бешено отбиваясь руками и ногами от тяжёлого, пахнущего сырой кровью тела, однако к месту борьбы уже подползал второй кадавр.

А Лёша... Лёша просто застыл на месте, словно его пригвоздили к полу. Он стоял, не дыша и плотно вжавшись спиной в холодную стену. С болезненно-жгучим вниманием парень неотрывно наблюдал то за борьбой Вадима, то за тем, как Сонечка тихонько урчит от удовольствия, продолжая обсасывать щёку мертвеца.

Пронзительные, полные дикой боли вопли Вадима наконец-то выдернули его из ступоробразного оцепенения, будто отвесив ему хлесткую пощечину. Лёша бросился на помощь залятому другу, хватая навалившегося сверху мужика за плечи и изо всех сил пытаясь оттащить его в сторону. Но кадавр словно прирос к своей добыче. Он вгрызся зубами глубоко в предплечье Вадима, напоминая голодную бойцовскую собаку, дорвавшуюся до кости, и продолжал удерживать свою жертву.

Потные пальцы Лёши беспомощно соскальзывали со спецовки, его собственное дыхание перехватывало, а в ушах стоял непрекращающийся, истеричный вой внутренней паники. Вадим кричал, буквально захлёбываясь слезами, и сквозь пелену невыносимой боли смотрел прямо на него... И смотрел ведь умоляюще, беззащитно. И вот именно в этот ужасающий момент Лёша понял самое главное: он не сможет. Он просто физически не сможет его спасти. К тому же, второй заражённый уже поедал ногу Вадима.

Предавая товарища, он сделал один нерешительный шаг в сторону, затем второй, а после рванул прочь, едва не поскользнувшись на сочащейся по бетону луже свежей крови. На лестничных пролётах в это время разворачивался точно такой же крошечный ад: повсюду мелькали перекошенные рожи, тянулись цепкие руки, щёлкали зубы, безумно горели эти страшные, потерявшие разум глаза... Лёша мчался вниз по ступеням, ловко лавируя между каннибалами, которые то и дело норовили ухватить его за края одежды.

Он вылетел в просторное фойе, на огромной скорости едва не врезавшись в зеркало во всю стену. И здесь его лицом к лицу встретил дежурный охранник. Он теперь выглядел ровно также как и все остальные, а из его окровавленного рта вырывался пугающий звук:

— уррррлл...

Парень чудом успел отпрыгнуть в сторону, хотя ноги уже подламывались от пережитого. Навалившись на штангу двери, он наконец-то вывалился на улицу. Шквалистый зимний ветер мгновенно ворвался в его растерзанные лёгкие, обжигающий холод безжалостно впился в распаренную кожу лица, а падающий с неба мокрый снег принялся щекотать бледные щёки.

Вот она, его машина, уже слегка припорошённая снегом. Лёша подошёл ближе и растерянно уставился на собственное отражение в боковом стекле, словно в зеркало. Из-за мертвенно-бледного, осунувшегося лица он далеко не сразу узнал самого себя, его привычные черты как-то болезненно заострились, а общее выражение выглядело мученическим. Парень безвольно застыл на месте, чувствуя, как в голове поселилась пустота. У вас бывало такое, что вы заходите в комнату, и стоите как баклан, пытаясь вспомнить, нафига вы вообще сюда пришли? Что вам было нужно? Вот то же самое сейчас было и с ним. Он не помнил, что именно происходило с ним всего минуту назад и что он хотел сделать.

Однако спустя несколько секунд испуганный мозг наконец подал слабый импульс, заставив инженера рефлекторно хлопнуть ладонью по карману рабочей спецовки. И только тогда до него дошло, что ключи от автомобиля он, конечно же, с собой не взял, они так и остались лежать там... в раздевалке.

Парень медленно отступил от капота, понимая, что возвращаться назад нельзя. Ни один человек в здравом уме не рискнул бы добровольно пойти туда, где прямо сейчас разворачивался пир новоявленных каннибалов, сдобренный ядовитыми парами. К тому же в любую секунду вся станция могла рвануть с такой силой, что на месте огромных корпусов остался бы лишь выжженный кратер. Безусловно, никто бы не совершил подобного самоубийства, да и, честно говоря, в сложившейся ситуации Лёше было уже глубоко не до забытых ключей.

Он просто побрёл прочь по заснеженной территории автостоянки, сильно покачиваясь из стороны в сторону, будто после изрядного бухича, и скрипел ботинками по девственно-белому покрову, поверх которых всё ещё нелепо болтались ключья изодранных бахил.

Изнурённое стрессом тело нестерпимо ныло, каждый мышечный узел болезненно сводило, однако вопреки этой ломоте парня с каждым шагом всё сильнее одолевало буквально валяющее с ног желание немедленно уснуть.

— Лёшка! — донёсся сбоку чей-то вроде как знакомый голос.

Однако даже интереса обернуться на него парень не испытывал, его сознание уже плавно уносилось всё дальше, в благословенное ничто, где больше не существовало ни пролитой крови, ни предсмертных криков, ни страха.

— Лёха! Что с тобой?! Что там на станции происходит?! — Кто-то резко дёрнул его за плечо. Лёха юлой повернулся от грубого касания и увидел растерянного Санюча.

А сразу после этого парень отключился, провалившись в беспамятство.

В темноте возникло странное, пульсирующее мерцание. Лёше казалось, будто кто-то медленно водит ярким оранжевым фонариком прямо под его плотно сомкнутыми веками, оставляя после себя жирные, дрожащие следы света. Огненные всполохи плавно перекачивались перед мысленным взором, сливались в причудливые хаотичные узоры и испуганно вздрагивали от какого-то скрытого воздействия. Эти внутренние вспышки постепенно становились всё ярче, но они не обжигали и не пугали - напротив, в них чувствовалась притягательность.

Младший инженер ощущал, как его затягивает в воронку его собственного естества. Он погружался в горячее, стонущее нутро, в потаённую непроглядную бездну, где человеческие имена и мысли испарялись, уступая место первобытному зову. Определённо... Кто-то неведомый звал его на запретной частоте, которую нормальный мозг улавливать не должен. В этом лихорадочном бреде парень расползлся в пространстве: мышцы наливались звериной, неконтролируемой силой, а в голове укоренялось нечто голодное и абсолютно чуждое человеку.

И вдруг посреди этого транса его настиг всепоглощающий голод. Это не было обычным желанием перекусить или пустой тревогой в желудке. Возникшая внутри чёрная дыра требовала немедленного насыщения, выражаясь в дикой, необоримой жажде свежего мяса, парной крови и острого запаха чужого тёплого тела. Данное чувство зарождалось где-то посередине между грудной клеткой и позвоночником. То есть ровно там, где раньше теплилась человеческая душа, а теперь зияла лишь ненасытная пустота.

Челюсти, которые теперь ощущались как пасть, непроизвольно сжались в мощной судороге. Само изломанное тело ещё продолжало пребывать в полузабытии, но в затуманенном сознании уже вспыхивали хищные образы. Больше никаких лиц, никаких имён. Только обнажённые руки, манящие изгибы шей, хрупкие ключицы, аппетитные ляшечки, всё теперь сводилось к единственной цели: дорваться до голой плоти, вскрыть артерии и захлебнуться живительным теплом.

С каждой новой вспышкой оранжевого света внутри поднималась обжигающая волна. Лёша больше не ждал, он требовал этого завершения, жадно впитывая мутацию каждой клеткой своего перерождающегося существа. Он чувствовал: как только эта лавина докатится до горла, он наконец-то очнётся. Именно так всё в итоге и произошло.

Лёша резко пришёл в себя в тесном, душном пространстве. Прямо над ним зловеще склонилась массивная фигура, от которой исходил резкий, сбивающий с толку запах. О, этот запах! Настоящий наркотический коктейль, моментально сводящий обновлённый мозг с ума. Парень различал человеческую вонь - застарелый пот, табачный дым, кислую испарину испуганного существа. Но под этим химическим слоем пульсировал тот самый, сводящий челюсти судорогой аромат: сырое, горячее, звенящее кровью мясо.

От этого запаха желудок Лёши болезненно и резко сжался, а из пересохшего горла сам собой вырвался низкий хрип. Склонившаяся над ним фигура что-то взволнованно тараторила,

испуганно бормотала и суежилась рядом, но для младшего инженера все эти звуки превратились в абсолютно бессмысленный, монотонный шум, напоминающий жужжание бьющейся о стекло мухи. Саныч обеспокоенно хлопал его ладонью по плечу и настойчиво подсовывал к губам стакан с прохладной водой. Вода... Ну разумеется, обычная пресная вода действительно нужна простым людям для поддержания жизнедеятельности, но для того, чтобы жить по-настоящему в его новом состоянии, этого было ничтожно мало. Теперь ему требовалось полноценно есть, причём есть исключительно вкусно, есть как можно чаще и, что самое главное, начать эту трапезу прямо сейчас.

Разумеется, со своим проснувшимся хищным инстинктом он спорить не стал, тем более что тот буквально орал и агрессивно подталкивал парня к немедленному действию: "Давай, сейчас, хватай!" - и Лёша подчинился этому приказу без малейших колебаний. Улучив наиболее подходящий момент, когда мужчина наклонился чуть ближе, он с остервенением вцепился зубами прямо в незащитные пальцы Саныча. А тот пронзительно и жутко заорал, после чего мощным толчком отбросил безумца обратно на диванчик, пытаясь вырваться. Однако новоявленный заражённый даже не думал отпускать свою добычу. В последнюю секунду он успел перехватить ворот его чёрной куртки и с силой рванул бьющегося человека на себя, уже на ходу глубоко вгрызаясь в ухо. Разорванные ткани поддавались медленно и неохотно, поскольку плоть оказалась скользкой, чуть влажной от выступившего пота, с нежной, натянутой кожей снаружи и упруго хрустящими хрящами под ней, из-за чего жевалось это великолепие с огромным трудом. А вот сам вкус... Да это определённо был лучший и самый изысканный вкус во всей его жизни. И Лёша просто не мог упустить такое неземное удовольствие. Характерный металлический, слегка сладковатый привкус свежей крови густо смешивался с чем-то химически-мыльным, отдалённо напоминающим остатки геля для душа или шампуня, и всё это пиршество разворачивалось на фоне живого, горячего мяса, которое всё ещё судорожно шевелилось, кричало и изо всех сил отбивалось от своего палача.

Кричащая еда доставляла массу неудобств, громкие звуки раздражали Лёшу и сильно мешали ему наслаждаться долгожданной трапезой. В следующий миг они вместе с Санычем с грохотом завалились на грязный пол, яростно сцепившись между собой, точно свирепые борцы без правил. Тяжёлый рабочий ботинок мужчины с силой врезался парню прямо в незащищенный бок, что мгновенно выбило воздух из лёгких и отбросило Лёшу к самому краю массивного стола. Это было больно, однако дикое желание насытиться всё равно продолжало доминировать над разумом, заставляя каждую жилку дрожать от возбуждения, пока челюсти сводило от нестерпимого спазма. Но вот беда - воспользовавшись секундной заминкой, раненая жертва умудрилась резко выскочить из помещения, оставляя за собой на полу дорожку из багровых, манящих капель, которые в полумраке маслянисто блестели, словно пролитый вишневый сироп.

Лёша на четвереньках пополз следом, хищно пригибая голову к полу и увлечённо слизывая драгоценную влагу. Он вылизывал эти следы со звериным аппетитом до тех пор, пока снаружи не раздался чей-то громкий и крайне раздражающий крик. В ответ на это парень инстинктивно издал глубокое горловое урчание, и почти сразу же уловил аналогичный ответный звук, который его обострившееся восприятие безошибочно распознало как прямое приглашение. Кто-то неведомый звал его, звал открытым текстом разделить общую добычу и наконец-то сытно поесть. Тогда мутант, не колеблясь ни секунды, навалился на хлипкую дверь и вывалился наружу на заснеженную улицу и моментально увидел их.

Примерно в семи метрах от него, прямо посреди сугробов, на коленях сидели двое точно таких же существ, как и он сам, которые прямо сейчас разрывали руками и зубами горячую пищу. Лёша со всех ног поспешил к ним, ибо он страстно хотел... Нет! он просто обязан был стать полноправным участником этого пира.

Однако при его приближении раздалось угрожающее, вибрирующее рычание, двое устали на него с явным раздражением, словно на наглого незваного гостя. Бывший младший инженер искренне удивился и даже глубоко возмущился подобной несправедливости: как же так, ведь они сначала сами зовут его своим урчанием, а теперь пытаются прогнать прочь? Нет уж, вам в любом случае придётся поделиться, потому как для вас двоих будет слишком жирно заграбастать столько мяса! Парня захлестнула волна ярости, из-за чего он широко оскалил окровавленную пасть и издал такой мощный, рык из самой глубины грудной клетки, что окружающий воздух ощутимо задрожал. Ну ладно. Вру... Не задрожал уж, конечно, ему пока мощи не хватило. Но столкнувшись с такой демонстрацией силы, двое существ мгновенно замолкли и с безмолвной покорностью уступили ему лучшее место у разделяемого блюда.

Буквально через сорок минут его брюхо раздулось и натянулось как воздушный шар. Плотная куртка рабочей спецовки теперь немилосердно давила на грудную клетку, а жёсткий ремень глубоко впивался в деформированную плоть. Его стремительно меняющееся тело с огромным трудом вмещало в себя всё съеденное. Насытившийся желудок давил вверх на диафрагму, перехватывая дыхание, поэтому жгучий голод временно отступил, уступив место сытому оцепенению. Впрочем затишье это продлится лишь до тех пор, пока его рецепторы снова не почувят новый раздражающий стимул.

Пахнуло чем-то мерзким, и Лёша заторможенно оглянулся назад и увидел, как станция медленно погружается в огонь. Сам по себе конструкционный бетон, разумеется, гореть не мог, однако под воздействием чудовищной температуры от полыхающего турбинного масла и изоляции кабельных трасс он начал стремительно разрушаться. Поверхность монолитных стен трескалась и шумно шелушилась, из-за того что закипающая внутри пор влага мгновенно превращалась в пар и буквально вырывала куски серого камня, обнажая раскалённую стальную арматуру. Тонкие оранжевые языки пламени жадно облизывали эти разрушающиеся конструкции, продвигаясь всё дальше по завалам из старой проводки и разлитых нефтепродуктов. Рост пожара был упорным и пугающе жадным. Огонь словно учился на ходу, захлебываясь мириадами искр и прорываясь наружу вдоль деформированного фасада. Оконное остекление со звоном лопалось от теплового шока, трубы технологических контуров нагревались до багрового свечения, а сам перегретый металл начинал зловеще гудеть от внутреннего напряжения. Где-то в глубине энергоблока с глухим грохотом то и дело срабатывали предохранительные клапаны давления, из-за чего казалось, будто вся станция испускает предсмертные вздохи в затяжной механической истерии.

Отсюда надо было срочно валить. Пусть у костра и тепло, а впереди только ледяная пустошь, но огонь - штука страшная. Лёхе такое не по нутру.

Он шагал на автопилоте, ведомый внутренним компасом. Под ногами чавкала вязкая грязь, хрустел коварный лёд и раздробленные кости, а сознание находилось в глубокой отключке. Марш-бросок прервался только когда Лёхе подвернулась удача поучаствовать в очередном кровавом обеде. Наткнувшись на свежие останки, он жрал с подлинным экстазом, и сразу после этого ноги побежали куда проворнее.

Плевать, что прошлая трапеза была совсем недавно. Для его нового, бешеного метаболизма любое «недавно» не считалось - плоть требовалось поглощать нон-стоп. Растущий организм, как-никак.

Город встретил его безмолвными бетонными великанами. Где-то на задворках угасшего разума мелькнула мысль: тут должно быть полно легкодоступной еды. И ровно в этот момент горизонт за спиной полыхнул ослепительной вспышкой - рванул ядерный реактор. Земля содрогнулась, а прилетевшая следом ударная волна смачно впечатала Лёху мордой в сугроб. Он ничего не понял и тут же поднялся. А спустя пару часов тело его начало дико ломить: мышцы набухли, а кожа пошла крупными водянистыми волдырями. Но кого волнуют такие мелочи, когда голод снова скручивает внутренности?

Он жрал и не наедался. Зато стремительно улучшался: глаза стали зорче, уши теперь ловили каждый предсмертный писк, а нос чуял свежие эритроциты за десятки метров. Но главное - он научился чують человеческую панику. Этот страх бил по рецепторам как острая перчинка, неодолимо маня за собой. А ещё он частенько охотился в компании таких же зубастых красавцев.

Днями напролёт Лёха шатался по улицам, обнюхивая тёмные углы и прячась от сквозняков в заброшенных подъездах. Холод доканывал. Да и еды становилось всё меньше и меньше, а по размерам - всё мельче и мельче.

Как-то раз он упорно преследовал мелкую пушистую добычу, но та в последний момент юркнула в узкую отдушину подвала. Лёха по локоть засунул туда когтистую лапу. Из темноты пахло так одуряюще сладко, что слюни текли рекой, а челюсти сводило от нетерпения. Там, в глубине, пищало ещё несколько кусочков мяса буквально «на один зубок», но сквозь кирпичи до них было не дотянуться. Взбешённый Лёха так рывкнул от бессилия, что на шум прибежали сородичи. Пришлось раздавать свирепые лещи, чтоб не зарились на чужое, хотя дичь так и не стала добычей и осталась сидеть в подвале. Зараза такая.

Дальше стало куда хуже, потому как еда попадалась всё реже, охота была бесперспективной. На одной из таких пустых вылазок Лёха вдруг замер. Воздух резко изменился. Поблизости появилось нечто настолько жуткое и мощное, что у него в животе от страха заворочалась недавно съеденная крыса. Он изо всех сил вжался в щель между ржавыми мусорными баками, надеясь, что их невыносимая вонь перебьёт его собственный запах. И тут он увидел ЕГО... Колоссальный монстр пёр напролом, сминая заснеженный асфальт. Лёха не дышал, слившись с тенью. Элитный гигант скосил на него взгляд, но прошёл мимо. Вонючий Лёша его совершенно не интересовал. Это был первый, но далеко не последний раз, когда изменённый парень столкнулся с ходячей горой мышц.

Зима тем временем брала своё, и на изменённой коже постепенно отросла густая седая шерсть. С пропитанием стало совсем туго, голод гнал вперёд, заставляя неделями бродить по занесённым снегом руинам в поисках хоть какой-то добычи. Как-то раз Лёха брёл по пустышам, впадая в самую настоящую депрессию от тотальной голодухи, как вдруг до слуха донёлся далёкий, призывный клич сородича. Он мгновенно рванул на звук. Ноги, кстати, тоже уже мутировали: пятки ушли вверх, пальцы срослись, а суставы выгнулись в обратную сторону, превратив его в быстрого и куда более жуткого мутанта.

Выбежав на нужную улицу, Лёша и сам почувствовал упоительный запах еды. Какая-то мелкая тварь попыталась путаться под ногами, мешая обзору, Лёха отмахнулся от неё и конкурент улетел в витрину барбершопа, обиженно урча из-под осколков. М-да... Инициатива наказуема. Сам позвал на охоту, первым нашёл добычу, а в итоге получил поджопник вместо шашлычка. Но Лёхе было плевать на чужие обиды - впереди маячило долгожданное мясо и делить его он ни с кем не хотел.

Еда оглянулась на преследующий её цокот и заверещала так, что у охотника чуть уши не завернулись. Лёха в один прыжок навалился на беглеца и придавил лапищей горло - радикально, зато эффективно. Только он приготовился со вкусом пожрать, как в тених нарисовался посторонний. Невзрачный, плешистый сородич с длинным носом и кривыми крысиными зубами. Он изменялся, но всё ещё был похож на человека. В этом уродце почему-то скользнуло нечто до боли знакомое. Мягкий голос? Грустные и серые глаза из прошлой жизни? Лёха тряхнул башкой, отгоняя наваждение. Неважно. Главное, что уродец - не еда, пока что. Жрать других заражённых ему уже доводилось, и это редкостная гадость, жёсткая и горькая.

— *Можно мне еды?* — пискнул неприятный собрат.

— *Ты! Ты Второй ешь за Первым! Понял?* — прорычал Лёха.

— *Понял! Буду Вторым!*

Так и повелось. Лёха жрал от пуза, а Второй скромно подметал остатки. Постепенно вокруг вожака собралась целая стая: она то разрасталась до десятка морд, то редела, когда кого-то убивали выжившие или свои же жрали слабых в периоды сумасшедшего голода. Но Второй, как преданная псина, всегда тёрся рядом и за три года умудрился вымахать в крупного хищника. Впрочем, Лёха всё равно оставался непререкаемым авторитетом на районе. Ну, кроме более матёрой Элиты, разумеется.

Чаще всего его банда разминалась на всякой обнаглевшей мелочи. Заражённые отлично оценивают чужие габариты, так что сразу понятно, на кого можно смело быкануть, а от кого лучше заблаговременно заныкаться. На тех, кто послабее - сам Стикс велел напасть, что "Лёша и Ко" делали частенько. Но нередко ему приходилось яростно махать с врагами куда крупнее него самого, и совсем не по собственной инициативе. И такие стычки заканчивались плачевно - потерей почти всего «прайда», после чего приходилось залечивать раны.

А ещё регулярно приходилось драться и с едой. Да-да, двуногий рацион тоже умел огрызаться. Обычная добыча просто бежала, воняла паникой и спотыкалась на ровном месте - вот таких свита загоняла сама и приносила вожаку готовенькими, после чего Лёха барски высасывал мослы и кидал объедки Второму, Третьему и так далее по цепочке. Но иногда попадалась в край офонаревшая и злющая еда - вся в железе. Эти люди громко звенели бронёй, сверкали злыми глазами и не убегали, а сами шли по следу. Из их трубок сыпались искры, которые невероятно больно жалили. После таких встреч поредевшая свора неделями отсиживалась в руинах, а у Лёхи всё дико болело. Страшно. Но от бронированных людей всё равно безумно вкусно пахло мясом. В общем, мыши кололись, но продолжали жрать кактус.

Планы на жизнь периодически рушились, когда раз в какое-то время кластер накрывало туманом перезагрузки. Воздух становился густым, вонял кислым озоном и химической гарью так, что зудело в изуродованном носу. Лёха, будучи в душе лютым домоседом, ненавидел переезды, но деваться было некуда - приходилось уносить лапы. На чужих землях его неизменно ждало сплошное разочарование. Во-первых, аборигены: приходилось доказывать, кто тут батя (иногда Лёха бил местных и с голодухи жрал их, хотя они оказывались сухими и невкусными, без малейшего намёка на ароматную человечину). Во-вторых, климат: жарко, сухо, пасть не закрывается от одышки, шкура чешется, хоть лысей обратно. Ну и в-третьих, обычной еды там вечно не было от слова совсем - всё выжрано до них.

Зато по возвращении домой неизменно начинался праздник! Желудок Лёши пел и ликовал, а Второй захлёбывался урчанием, ведь свежего мяса появлялось в избытке. Лёха жрал с королевским размахом, и это непрерывное обжорство шло на пользу его телу - калории уходили не в жир, а в мускулы. Под кожей сформировались сплошные блестящие бронеплиты, грудь стянуло мощным панцирем, на лбу вымахал гранёный таранный рог, а на локтях прорезались шипы. Бесили только вонючие кожистые пузыри на плечах, которые постоянно чесались и лопались едким секретом. Передние лапы удлинились и превратились в тяжелые клещи-кувалды, способные дробить кости в пыль, из-за чего передвигаться теперь приходилось на четвереньках, как гигантская горилла, глубоко впечатывая костяшки в землю. С ногами, правда, вышла полная безнадёга - узкий таз и сухие бёдрышки выдавали в нём монстра, который бессовестно пропускал «день ног», хотя эти тонкие конечности отлично работали как пружины для редких прыжков.

Вот так Лёха стал элитой, жил и почти не тужил несколько лет...

Тем днём всё было как обычно. Спасаясь от холода, его стая нашла идеальную глубокую нору под массивным зданием. Лёха натаскал туда окровавленных тряпок и косточек для уюта, свернулся клубком в окружении Второго, Третьего и прочей шелупони и провалился в сладенький, лишённый сновидений сон. Как вдруг...

Ту-тух!

Сон пробило насквозь. В нос ударил умопомрачительный и сладкий запах. Лёха распахнул глаза. Кровавый аромат вился в полумраке призрачной змейкой, уводя вглубь заброшенных коридоров. Много. Очень много вкусной еды уловили его ноздри.

— *Заааааааах... Вкуснооооо...* — утробно выдохнул он.

Сквозь темноту маячил силуэт, пахло от него так мощно, будто кто-то оставил сочный стейк прямо на открытом солнце. Желудок запрыгал от предвкушения, и стая тут же подорвалась с мест.

— *Принесите мне еды,* — прорычал Лёха, не желая отрывать тяжёлую задницу от тёплой лёжки.

— *Принесём! Первому еду!* — запрыгал Второй.

— *Первый добрый! Первый поделится!*

Свита с топотом умчалась во тьму. В конце концов, зачем напрягаться вожаку, если ужин может прибежать сам? Но время шло, а добычи всё не было. Пришлось подниматься. Лёха протиснулся в знакомый узкий проём, с треском раскидывая доски в стороны, и пошёл вперёд. Лаз становился всё уже, стены давили на бронированные плечи, а в воздухе всё сильнее воняло свежей кровью. Один за другим его прихвостни дошли чуть ли не под ногами. Но Лёха даже не вздрогнул. Меньше ртов - больше мяса. Даже смерть верного Второго прошла мимо его сознания: подумаешь, найдёт себе новую шестёрку. Он и не думал, что это навязчивый уродец с ним навсегда. Это был всего лишь удобный перевалочный пункт. Он нашёл бы себе кого получше. Вот что действительно раздосадовало элитника, так это то, что он застрял. Он не мог ни сдать назад, ни продвинуться вперёд.

— *АААА! ТЕЧНО МНЕ!* — взревел он, яростно пытаясь раздвинуть каменные тиски.

И тут он увидел Её. Это существо было странным. Оно его путало. Вроде бы как это что-то знакомое и неведомое одновременно. Оно говорило с ним. Но говорило какую-то ересь. Маленькая тварь нагло заявила, что она главнее Лёши. Противоречивое чувство. В ней намешалось слишком много всего: запахи, движения, бьющие по мозгам эмоции. Лёха рывком подался вперёд, с мясом раздирая собственную шкуру о торчащую арматуру и рубанул лапой вслепую. Но еда оказалась слишком шустрой, ускользнув из ловушки, как вода сквозь пальцы.

И вдруг эта наглая мелочь дерзко огрызнулась. Она прицельно харкнула в него снопами пороховых искр. Броне было плевать на огонь, но искры начали больно жалить незащищённые участки кожи и опалать и без того болючие волдыри.

Маленькая тварь, что это за существо? Её голос звучал на удивление спокойно, абсолютно без страха. Еда не разговаривает. Еда не смотрит в упор и не смеет отдавать приказы. Он не понимает еду. Не понимает, что она обычно верещит. Но вот именно эту маленькую тварь он почему-то понял... И почему-то он вдруг вспомнил давно забытое тепло. Что-то из той самой прошлой жизни, которой у него уже давным-давно не было. В груди, там, где под панцирем уже не билось обыкновенное человеческое сердце, вдруг отчаянно и больно кольнуло. Монстр дико замотал башкой, пытаясь сбросить наваждение.

— *Ты... едааааа!* — прошипел он, сопротивляясь твари.

Всё его хищное нутро орало лишь одно: «Жри! Рви на куски!». Но вместо этого в затуманенном мозгу яркой вспышкой пронеслись чужие воспоминания - воспоминания покойного парня по имени Алексей: улыбки неузнаваемых людей, беззаботный смех возрастной женщины, которая была его мамой, танцы, чьи-то тёплые объятия. Чьи они? Да какая уже разница... Правый висок прошила чудовищная, ослепляющая боль, будто в череп с размаху вогнали раскалённый железный лом. Мир перекосялся и рухнул в беспросветную тьму. Тяжёлое бронированное тело обмякло, и вместе с ним навсегда затих сам Лёха - бывший инженер, бывший сын, бывший Первый и вожак уже мёртвой стаи.

Глава 6: Рад то, рад сё.

Эльбрус, Док и Зам недолго совещались, укрывшись от пронизывающего сквозняка в коридоре. Ясное дело, пока озверелый буран на улице не утихнет, далеко они не уйдут. К тому же радиация стремительно распространялась вместе с бурными осадками по всему городу, накрывая квартал за кварталом опасным шлейфом. Именно поэтому они приняли коллективное решение временно остаться в здании госпиталя. План не особо поменяли: следовало тщательно проверить верхние этажи со второго по пятый, и если там не обнаружится никаких сквозных пробоин в фасаде или выбитых окон на этаже предполагаемого залегания, то можно обустроить убежище. В таком каземате они смогут спокойно переждать бушующую непогоду и пересидеть самый пик радиоактивных осадков, тем более что имеющихся припасов у группы должно было хватить с избытком на несколько дней.

Когда бойцы немного перевели дух и проверили оружие, Легава вместе с группой Б незамедлительно отправилась дальше зачищать уровни. На втором ярусе, как они успели заметить ещё во время первичного штурма, ошивались три бегуна, да и вообще хватало всякой мелочи. С ними, правда, расправились быстро, пустив в ход холодное оружие, а вот собирать положенные трофеи оказалось тем ещё удовольствием. Если на минус первом было тепло из-за присутствия живого и горячего элитника и его своры, то здесь морозило по полной программе. Уже мёртвые тела и тела пока что живых тварей практически полностью окоченели, из-за чего их одеревеневшие загривки совершенно не поддавались ножам, вынуждая бойцов с матом расковыривать их.

Отряд проносился мимо матовых табличек с аккуратными гравировками: «Косметологический кабинет», «Трихолог», «Лазерная терапия», «Массажное отделение». В косметологии у самой стены сидел замёрзший труп молодой женщины в белом халате. На тридцатиградусном морозе тело превратилось в ледяную мумию с мраморной кожей. Окна в помещении оставались целыми, снега внутрь не намело, однако из-за резкого вымерзания воздуха и испарения влаги волосы, ресницы и кожа покойницы покрылись тончайшим, пушистым слоем искрящегося инея, похожего на сахарную пудру. Вокруг неё валялись одноразовые шприцы и разбитые, примёрзшие к полу бутылки с дорогими мезококтейлями.

В соседнем трихологическом кабинете творился аналогичный бардак: по полу были часто разбросаны ампулы, а на стенах висели исполосованные когтями рекламные плакаты со счастливыми улыбающимися девушками. Прямо от порога через всю комнату тянулся жирный, кровавый, засохший след волочения, уходящий вглубь просторного туалета. В самом санузле бойцы обнаружили трёх окончательно замёрзших заражённых, которые свернулись калачиками вокруг обглоданных костей своей последней жертвы.

Это выглядело странно и даже вызвало логичные вопросы у видавших виды рейдеров: почему же некоторые шатуны здесь превратились в неподвижные ледышки, в то время как другие мутанты ещё держались? Хотя, если судить объективно, тем тварям, что ещё подавали признаки жизни, оставалось совсем недолго. Под воздействием экстремального минуса их биологические процессы затормозились до предела, из-за чего они даже толком не могли шевелиться. Местные спидеры полностью растеряли свой скоростной потенциал и физически не «спидили», напоминая собой ленивцев. Не хватило им мяса, что бы отрастить пушистую шкуру - вот и подыхают.

И всё же, несмотря на весь ужас происходившего вокруг, данный этаж остался почти не тронут разрушительной войной Улья. Все панорамные окна находились на своих местах, толстые многослойные стёкла были целы, благодаря чему внутри не гуляли сильные сквозняки и отсутствовали провалы в перекрытиях. Имея прямые руки, это местечко вполне можно было превратить в убежище, только для начала его требовалось как следует отогреть.

Третий этаж встретил группу тоже довольно прилично, насколько вообще уместно рассуждать о приличиях внутри вымершего, скованного стужей госпиталя. Взорам бойцов открылись чистые ровные стены приятного цвета тёплого молока, а на закрытых дверях красовались аккуратные пластиковые таблички с золотистыми гравированными буквами. Вокруг располагались кабинеты врачей общей практики, на журнальных столиках лежали нетронутые гляцевые буклеты о здоровом питании. Тут как будто и вовсе никакого "апокалипсиса" не случилось. Всё было тихо, пока Легавая и Сет внезапно не засекли движение над ними.

— Сет на связи. На четвёртом этаже вижу четверых. Похоже, это выжившие люди... Не похожи на заражённых. Все топчутся в одной точке. Кажись, у них там укрытие... Может, медперсонал и пациенты?

— Легавая на связи, — тут же отозвалась девушка, внимательно вглядываясь в серые контуры потолочных перекрытий. — На пятом ярусе вижу движение ещё пятерых. Эти перемещаются хаотично, рассредоточились по всей площади. Что делать с гражданскими? Ждём дальнейших указаний.

— Группа Б, внимание, — оперативно вмешался в радиоэфир зам. — Проводите зачистку и разведку лестничных пролётов. Внимательно проверьте все подходы к четвёртому и пятому этажам. На рубежах незамедлительно выставить баррикады и сигнальные растяжки. Работайте строго в парах, не разбредаться.

— Лега, — окликнула её Мориган, — со мной.

— Контакт с неизвестными не устанавливать, в переговоры не вступать, — сухо и лаконично скомандовал Эльбрус следом.

Легавая после этих слов лишь молча моргнула, стараясь не выдать удивления. Честно говоря, она ожидала от командира совершенно любого приказа, но только не такого демон-

стративного игнорирования. В её светлой голове уже успел выстроиться классический сценарий: сейчас будет немного взаимной дипломатии, сбор информации, да и вообще, старожилы, может, даже шутливо окрестят свежаков по старой привычке... Но реальность внесла свои коррективы. Эльбрус, как всегда, проявил себя законченным прагматиком. В текущем положении у их отряда не оставалось ни лишних людей, ни драгоценного времени, ни свободных ресурсов, чтобы опекать каждую группу новичков, найденную по пути. Колонна и без того потеряла почти половину своего первоначального состава, поэтому сейчас не имело ни малейшего практического смысла брать на буксир неопытных, балластных свежаков.

Команда Б разделилась на двойки и приступила к выполнению поставленной задачи. Широкая маршевая лестница, по которой Мориган и Лега начали осторожный подъём, удивительным образом избежала визитов прожорливых заражённых - здесь было чисто, без единого намёка на чьи-либо обглоданные останки или засохшие алые лужи. Однако на очередной площадке их продвижение остановила дверь со специальным вертикальным смотровым окошком. Через которое заглянуть внутрь было нельзя, так как кто-то предусмотрительный заклеил стекло изнутри плотным чёрным мусорным пакетом. Очевидно, что выживаки очень сильно не хотели, чтобы на них пялились посторонние глаза.

— Пара Мориган и Легава на связи. Проверка нашей лестницы завершена. Всё чисто. Никого из свежаков не встретили. Входы на четвёртый и пятый уровни забаррикадированы.

— Спускайтесь обратно. Тщательно проверьте общую герметичность наших уровней. С этой минуты данный госпиталь официально становится нашим временным опорным пунктом.

В этой идеальной схеме оставалось только одно маленькое «но»: требовалось как-то гарантировать, чтобы эти загадочные «соседи сверху» в самый неподходящий момент не проявили ненужную инициативу. Хотя, если поразмыслить здраво, вряд ли на верхних этажах окопались прожжённые рейдеры или атомиты. Ну какие реальные проблемы они способны доставить им - до зубов вооружённым, натренированным и прошедшим огонь и воду профессиональным бойцам? Наверняка там сидят самые обыкновенные гражданские люди, в край затравленные, измученные неизвестностью и просто забившиеся за последние двери в своей быстротечной жизни. Таким бедолагам сейчас точно не до штурмов, им бы просто дожить до рассвета и не превратиться в ледышки.

Чтобы отогреть третий этаж без обогревателей, бойцам пришлось включить соображалку. Первым делом они обследовали склад материалов. Там парни разжились рулонами скотча и плотными шторами.

Скотчем они заклеили вентиляционные решётки и оконные рамы, чтобы остановить сквозняки. Следом в ход пошли термоодеяла из запасов самих рейдеров. Ими занавесили особо продуваемые места и дверные проёмы и просто в них грелись. С точки зрения физики, это создало эффект термоса. Фольга сработала как зеркало для инфракрасного излучения, отражая любое тепло обратно в коридор.

Источником тепла стали сами люди. Бойцы выделяли энергию не хуже радиаторов. Для верности зажгли три десятка толстых парафиновых свечей. Теперь теплу просто некуда было деваться в замкнутом, облепленном фольгой пространстве. Буквально за пару часов температура на этаже поднялась до вполне сносных плюс семи градусов. Иней на стенах растаял, воздух стал влажным, жить можно в общем-то.

Три часа на посту вымотали Легавую подчистую. Голова гудела, пустой желудок сводило спазмами, а ноги сделались чугунными. Стоило Зиккурату явиться на смену и плюхнуться на нагретое место, девушка тут же сорвалась во временную столовую. Наконец-то эта каторга закончилась!

В просторном помещении уже собралось несколько ребят. Но до нормальной еды дело не дошло: не вскрывая армейский паёк, Легава выудила из разбитого вендингового автомата

пачку любимого печенья в шоколаде - организм после всех смертоубийств требовал глюкозы. Закинув в рот пару штук, она откинулась спиной на свой рюкзак. Сладкое тепло растеклось по телу. Веки мгновенно отяжелели. Она отключилась прямо посреди разговора с парнями, всхрипнув под их смешки. И спала бы дальше, если бы нарисовавшийся Док не испортил всю малину.

— Так, лоб подставь, милочка, — бодро скомандовал он, прицелившись в неё электронным термометром в форме пистолета. — Тридцать восемь и четыре.

Следом появился карманный дозиметр.

— Один миллизиверт в час. Жить будешь. У Эльбы, для сравнения, фонит на все три. Ну, как самочувствие, гражданочка?

— Тошнит, голова раскалывается, сухость во рту... И, прости, в туалет бегаю каждые пятнадцать минут, — вяло отозвалась она, глядя в стену.

— Да уж, радиации хапанули мы знатно. Но иммунные от такой дозы не умирают, только грустнеют. Значит, план лечения такой: две таблетки йодида калия примешь прямо сейчас. Запиваешь живчиком, миллилитров сто, не больше. Потом марш в душ. Надо тщательно помыться и сменить одежду. Чистую возьмешь у зама, в 332 палате. Пей много жидкости. Завтра полегчает. Наш симбионт, конечно, повозмущается, но всю радиоактивную дрянь выведет.

Лега содрогнулась. В душ? В такой холодрыге? Она же синяя оттуда выйдет! Но спорить с Доком - себе дороже. Да и знахарь фигни не посоветует.

— А ты сам-то как?

— Как и все. — Он развёл руками.

— А Эльбрус?

— А как он может быть? Держится. Температура под сорок четыре. Для кваза это, конечно, привычное дело, но вот диарея второй час бьёт все рекорды.

Легавая фыркнула и не сдержала смешка.

— Только не вздумай ему сказать, что я проболтался, — подмигнул Док. — Ему же перед личным составом лицо держать надо.

Улыбка Легавой дрогнула, сменившись уколом совести.

— Док... ты прости, что я тебя так подставила...

— Проехали. Главное - больше так не делай.

Он развернулся, собираясь уйти.

— Слушай, — замялась она, — я тебя сильно задержу?

— Вообще-то, я собирался перекусить, — вздохнул знахарь.

— Пойдём вместе? Я паёк взяла, а поесть толком не успела.

— Только после душа. Помоешься, переоденешься, тогда поедем и поговорим. И мне, если честно, нужны хотя бы пять минут тишины.

— Поняла, извиняй...

— Всё в порядке. Мы все сейчас на пределе.

Спустя час свежeweымытая, но продрогшая до самых костей Легавая вернулась в холл.

За столом уже собрались Док, Мориган и Буча. Воздух наполнился запахом специй и мясной каши, исходящим от вскрытых фольгированных пакетов с пайками.

— Как же офигенно быть чистой, — протянула Мориган, блаженно прикрыв глаза и подставляя лицо тёплому воздуху от горячих свечей. — Не офигенно только то, что вода ледяная, да и состояние... херовастенькое. Чувствую себя хлебным мякишем.

— Та же херня. Башка трещит, — Буча закинул в рот ложку риса с фасолью и, не прожевав, выдал: — Кстати о бОшках! Видели, какая у той твари была репа? Как три мои! — Он широко развел руки, наглядно показывая габариты задницы бегемота. Изо рта прямо на столешницу вылетела одинокая рисинка.

— Фу, Буча! — Мориган брезгливо сморщила нос. — Мы вообще-то едим!

— А шо я такова сказал-то? — невозмутимо прошамкал тот, продолжая орудовать ложкой.

— Слушай, — Легавая решила озвучить вопрос, который не давал ей покоя с самого боя. — А почему этот заражённый выглядел так странно? Ты ведь назвал его рад-заражённым?

— Ага, — кивнул здоровяк, согласно причмокнув. — Это твари, которые в радиоактивной зоне паслись. У них теперь внутри рад-потроха. Ну, там, рад-спораны, рад-жемчуг...

— И в чём отличие от обычных? — не унималась она.

— Док, давай ты, — Буча отмахнулся. — Ты у нас спец по всякой заумной херне.

Знахарь устало отодвинул миску с гречкой и потер переносицу.

— Ну, смотри. Что такое обычный жемчуг? Это симбиотический плод. Он содержит животные и грибные компоненты - эдакий уникальный биохимический коктейль: белки, каротиноиды, модифицированный гемоглобин, бета-глюканы, микотоксины, споровый сахар - конечно же...

— Док... — жалобно застонала Мориган, хватаясь за голову. — Можно по-человечески? Я вообще ни хрена не поняла.

Буча соорудил максимально солидарную гримасу, а Легавая, напротив, замерла, ловя каждое слово. Биология Уля её завораживала.

— Господи, — Док закатил глаза, сдаваясь под натиском аудитории. — По-простому: рад-потроха - это те ж самые потроха только более усиленные. Концентрация полезных веществ выше, а из-за радиации они активнее. Кстати, именно по этой причине атомиты и охотятся на рад-заражённых. Их грибочек мутировал - перешёл на радиотрофное питание. Обычной органики ему уже мало, нужна радиация как катализатор. Если атомит попадёт на чистый кластер, у него начнётся ломка. А вот если обычный иммунный, вроде нас с вами, сожрёт рад-жемчуг, то получит ускоренную регенерацию, мощный апгрейд дара и временное сопротивление к радиации. Доходчиво?

— Да. — Легавая задумчиво ковырнула дно тарелки. — А атомиты... кто это вообще?

— Иммунные, которые пережили жёсткое облучение и мутировали, — встрял Буча, щедро намазывая галету персиковым джемом. — Теперь они вынуждены жить на фонащих кластерах. На чистых им хреновато.

— Они сильно от нас отличаются?

— Атомит атомиту рознь. — Буча откусил галету, засыпав штаны крошками. — Мы с Эльбой как-то навалились на отбитых. Те ваще вели себя как маньяки из дурки. Но за Радмаршем, говорят, есть поселение вроде как адекватных атомитов. Живут закрытым сообществом, ни к кому не лезут и к себе никого не пускают.

— А внешне? Они в темноте светятся? — лукаво прищурилась Мориган, явно представляя себе ядовито-зеленого гомункула.

— Ага, и по стенам ползают, как Пидор-Паркеры, — заржал Буча на весь холл, едва не подавившись. Прокашлявшись, добавил: — Светящихся не видел. Но все лысые. Даже бабы. У одного мужика был здоровенный зуб, как у индюка. У другого когти - хрен пойми, то ли он в кваза превращался, то ли просто мутант такой.

— Я слышал, — Док достал сигарету, но прикуривать не стал, просто вдохнул запах табака, — в Изотопе - это та самая коммуна за Радмаршем, про которую Буча говорит, у их лидера глаза в темноте светятся жёлтым. А еще говорят про клыки и хвосты среди их населения. Но это всё слухи. Сам не видел.

— Ясно... — протянула Легавая. — Кстати, а как там Птаха?

— Отдыхает. Сегодня из него ни звука не вытянешь. Может, к завтрашнему дню хоть сипеть начнёт, — Док потёр покрасневшие от недосыпа глаза.

— А что у него за дар? Я такое первый раз видела.

Её любопытство было почти детским, но удержаться она не могла. Док, едва заметно вздохнув с ангельским терпением, снова перешёл в режим учителя:

— Свистун. Издаёт низкочастотный звук, который вызывает у жертв дезориентацию, паралич и паническую атаку. Эффект держится от пяти секунд до минуты, зависит от силы выброса. Птаха - сильный Свистун, он тварей держал на максимуме.

— Странно. Я не слышала свиста, — нахмурилась Легавая, вспоминая бой в подвале. — Был только какой-то глухой писк.

— Потому что ты стояла у него за спиной, — усмехнулся знахарь. — Была бы спереди - прочувствовала бы весь спектр эмоций, так сказать... Потом ходила бы глухая несколько часов или вовсе дней.

Он покрутил сигарету в пальцах, устраиваясь поудобнее на мягком диване.

— Обычный голос расходится во все стороны сферически. А у Свистуна мутирует гортань. Она работает как акустический рупор: собирает звук в узкий фронт, как мегафон или турбина. Те, кто стоит сбоку, слышат просто вибрацию. Но если попадешь под прямой удар... — Док постучал пальцем по виску. — Птаха выдаёт частоту, которая перебивает электрические ритмы мозга. Грубо говоря, создаёт короткое замыкание в нервных узлах. Тварь хочет атаковать, но мозг физически не может отправить сигнал мышцам. У заражённых и иммунных этот свист запускает мгновенный припадок: судороги, пена изо рта, полная потеря координации.

— Обалдеть... — завороченно выдохнула Легавая.

— Сильный дар, — кивнул Док. — Но и побочка страшная. Звук буквально рвёт связки. Ткани отекают, лопаются капилляры, вот отсюда и кровь из носа и рта. Если часто использовать, то дойдёт аж до некроза слизистых. Можно потерять голос на дни.

— Да уж, не очень весело, — сдулась блондинка, растеряв весь энтузиазм.

— Как-то так. — Док поднялся, потянулся всем затекшим телом и сгрёб со стола свой мусор. — Я спать. Будить только в самых крайних случаях.

— Спокойной ночи, Док.

Сразу после ужина Лега пошла к Эльбрусу. Тревога за командира зудела и не давала покоя. У дверей бывшей больничной палаты, ставшей штабом, скалой застыл Бульба.

— Привет. Пустишь? — спросила она.

— Не положено. Генерал отдыхает, — буркнул охранник, даже не шевельнувшись.

— Впусти, — донёсся из-за двери знакомый бас.

Створка послушно приоткрылась. Легавая шагнула внутрь и едва не задохнулась: воздух оказался настолько влажным и горячим, словно она зашла в парную. В просторной комнате стояли две аккуратные койки, но самого Эльбруса на них не было.

Командир лежал прямо на полу, стандартная медицинская мебель не уместала его объёмную тушку. Специально для него бойцы соорудили настил из двух толстенных матрасов, накрыв их простынями и парой шерстяных одеял. Сам гигант был абсолютно голый, прикрытый лишь тонкой бязью, которая не скрывала ни одной бугристой линии его мощного, деформированного мутацией тела. Вены на обеих руках были глубоко вдеты иглы систем капельниц, а прозрачные пластиковые трубки тянулись к штативам, откуда мерно капал физраствор.

— Привет... — Легавая замялась, застигнутая врасплох столь непривычным и пугающим зрелищем.

— Привет, — кивнул он, с трудом повернув массивную голову. — Долго здесь тебе быть не стоит. Чего хотела?

Его глаза сейчас выглядели странно, белки сделались насыщенно-жёлтыми, почти лимонными, и это явное проявление радиационного поражения печени вызывало сильную тревогу.

— Просто хотела проверить, как ты. Тебе что-то нужно?

— Всё в порядке. Через час буду как новенький.

Легавая осторожно присела рядом на корточки и, подавшись вперёд, взглянула на него внимательнее.

— Не стоит тебе так близко сидеть, — пробормотал Эльбрус, прикрывая веки.

Она робко провела прохладной ладонью по его шершавой щеке и тут же отдернула руку, так как кожа кваза оказалась обжигающе горячей, словно нагретый кусок железа.

— Ты пылаешь, как костёр. Тебе ведь реально хреново, да?

— Ты меня не слышишь, что ли? Сказал же: всё в норме! — его голос стал чуть резче, однако былой командной силы в нём не угадывалось, на полноценную злость у измученного организма сейчас явно не хватало ресурсов.

— Слушай... — она неловко поёрзала на месте. — Хотела спросить. Если мы не будем помогать свежакам... Это ведь как-то неправильно? Разве Улей не... не накажет за такое?

Эльбрус хрипло, вымученно засмеялся, отчего катетеры в его предплечьях задёргались.

— Успокойся. Это просто суеверия. Мы же не вредим им, не убиваем. Просто не общаемся. Сейчас не до них.

— Может... хотя бы буклет оставим? И живца немного?

— Чтобы что? — его глаза снова приоткрылись, и в глубине помутневших зрачков сквозила безмерная усталость. — Дать им ложную надежду, что они тут выживут? Что смогут выбраться из этого городишки? В лучшем случае они прочтут буклет и, может быть, хоть частично поверят в то, что там написано. В худшем — покрутят у виска и сдохнут от спорового голодания. Или же суециднутся. В любом случае — это не наша проблема, Легавая.

— Разреши оставить живца и по буклету... — голос её сделался совсем мягким, вкрадчивым и умоляющим.

Эльбрус страдальчески закатил жёлтые глаза, издав рокоочущий вздох.

— Ну вот что мне с тобой делать, а? Ладно. Иди.

Она наклонилась и нежно чмокнула его в лоб.

— Поправляйся, — с этими словами она быстро поднялась и бодро выскользнула из душевой палаты наружу, изо всех сил стараясь не показать ему и суровому носу-картошке (Бульбе), насколько тревожно у неё сейчас было на душе из-за состояния командира.

После того как Легавая приняла живец, щедро сдобренный йодом, её брэнному телу сделалось слегка полегче. Температура опустилась до отметки тридцать семь и пять, однако внутри всё равно сохранялось ощущение, что её кипятит. И если ей самой при столь скромном бусте было так паршиво, то оставалось лишь искренне посочувствовать Эльбрусу, чьи масштабы внутренних спецэффектов было даже страшно вообразить. Командир, разумеется, изо всех сил пытался держать фасон перед подчинёнными, но было и так понятно, что гиганту невыносимо.

Чуть позже, снова скооперировавшись с Мориган, Легавая разнесла по лестничным проходам гуманитарную помощь: у каждого узла они оставили по два литра живца, по десятке ИРП и по одному ознакомительному буклету. В самой глубине души девушка, вопреки здравому смыслу, всё-таки лелеяла хрупкую надежду, что этот жест доброй воли не пропадёт даром, и кто-нибудь из местных обитателей снизойдёт до чтения, уверует в написанное и в конечном итоге умудрится выжить.

С тех пор незаметно пролетело пять часов. Лега уже морально настраивалась заступить на очередное дежурство. Она немного прикорнула, но полноценный отдых обошёл её стороной. Ну как тут отдохнёшь, когда все мышцы гудят и навязчивые мысли в голове сволочливо не позволяют отключить голову? В гулком коридоре была относительная тишина, пока со стороны лестничных маршей, вдруг не донёсся подозрительный шорох, звон сигнальной растяжки, мужские матюки, а затем шёпот и крайне неуверенные, приближающиеся шаги. Понятно... Соседи сверху, видимо, созрели для контакта, которого избегал генерал.

Едва Легавая успела уловить этот писк на лестнице, динамик рации хрипло кашлянул.

— Перо на связи. У двери нарисовались трое гражданских с верхних этажей, слёзно просят побазарить. Жду приказа.

— Легавая, просканируй, — немедленно отозвался Эльбрус.

Девушка мысленно потянулась к чужому присутствию, пробивая щупом преграду в виде запертой двери. Чужие мысли за стеной метались в панике и хаотично цеплялись друг за друга, словно перепуганные тараканы в банке. Судя по ментальному отпечатку, один из визитёров разменял уже шестой десяток, тогда как двое других оказались значительно моложе. Их чертовски волновало, кто засел на этаже, что за странную макулатуру им подкинули, и по какой такой причине подозрительная вонючая самогонка вдруг поставила их на ноги в разы быстрее любого аптечного набора.

— Трое свежих иммунных. Прямой агрессии нет, однако один из них, либо профессиональный охранник, либо бывший полицейский. И он вооружён, — доложила она, уставившись в одну точку на дверном полотне синхронно с замершим рядом Пером.

— Легавая, держи их в поле внимания, скан не прерывай. Перо, дверь пока не открывать. Начни диалог: выясни, кто они, сколько их там всего окопалось, и имеется ли оружие у остальных. Док, будь наготове, если всё-таки впустим, сразу их осмотришь. Остальным ждать команды, — Эльбрус отдавал распоряжения уже на ходу, продвигаясь к выходу на удивление бодро, будто это не он буквально пару часов назад беспомощно валялся на полу под гроздьёю капельниц.

— Кто вы такие, сколько вас, и есть ли при себе оружие? — максимально жёстко выплюнул вопросы Перо.

— Ребята... Мы... мы из дежурного персонала этого госпиталя. Нас тут только трое, но наверху ещё шестеро... Из оружия - у нашего охранника есть шокер, ну и у нас со сменщиком ещё пара скальпелей имеется, — отозвался из-за двери старик, чья речь заметно дрожала и то и дело срывалась на жалобный подвыв.

Да уж. Дедулька не успел растерять доверие к людям - взял и чистосердечно разболтал, кто ещё у них там остался. А если бы вместо отряда Эльбы тут были муры? Хотя, ему-то откуда об этом знать?..

— Помимо шокера есть ещё травмат, — негромко прокомментировала Легавая окружающей команде.

— Чо по травмату? — с нажимом переспросил Перо, великодушно ожидая, когда до дураков за дверью дойдёт простая мысль, что врать парням с автоматами опасно.

Внушительная пауза за дверью изрядно затянулась, и только после этого оттуда донёсся усталый и почти обречённый выдох:

— Табельное есть...

— Эльба... — начал было Перо, намереваясь уточнить план действий, но вовремя осёкся, поскольку командир уже стоял у него за спиной, будучи полностью экипированным.

— Я слышал.

На лестничной площадке тут же послышался едва различимый, испуганный шёпот, так как визитёры за преградой тоже уловили его реплику. Что уж там скрывать, этот утробный, рокошующий бас даже сквозь толстую стену умудрялся звучать как урчание монстра. Бедолаги там похоже трухнули, что на них Цербера спустят.

— Думаю, генерал, тебе стоит хотя бы немного отойти от прохода... Увидят и испугаются же, — Легавая иронично взглянула на возвышающуюся фигуру Эльбруса.

— Пусть с ходу привыкают к суровым реалиям новой жизни, — сухо отрезал он, даже не подумав сдвинуться с места. — Скажи, чтобы разрядили пушку и заходили строго по одному, с поднятыми руками.

Командир требовательно кивнул на запертый створ, и Перо тут же зычно подхватил команду:

— Быстро разрядить оружие! Пушку просунуть в щель и толкнуть по полу сюда, шевелитесь! И без глупых фокусов, у нас с чувством юмора сейчас напряжёнка. Заходить по одному, ладони держать над головой!

В этот момент Легавая, Мориган, Буча и Док уже слаженно распределились по ключевым позициям, оперативно взяв дверной проём в плотный перекрёстный прицел. Перо щёлкнул замком и слегка приоткрыл дверь, однако с той стороны никто почему-то не спешил, из-за чего неловкая пауза снова начала затягиваться.

— Так и будете там на пороге переминаясь? Пушку сдаём, живо! — раздражённо прикрикнул дозорный, теряя остатки терпения.

Из-за двери наконец донеслось характерное металлическое лязганье, после чего послышалось шпорканье по полу: пистолет и отсоединенная обойма медленно проползли внутрь холла, противно царапая кафельное покрытие. Оружие по инерции ударилось о противоположную стену и затихло.

— По одному, руки вверх, заходим-заходим! — скомандовал Перо, ни на мгновение не сводя мушки автомата с тёмного проёма.

Первым внутрь нерешительно ступил седовласый, невысокий мужчина, облачённый в измятый, несвежий зелёный костюм хирурга, поверх которого была натянута гражданская зимняя парка, на голове - вязаная шапка и на руках - перчатки. Всё его лицо было покрыто шелушащимися пятнами - раздражением от мороза. Когда его блуждающий взгляд на секунду наткнулся на гигантский силуэт Эльбруса, физиономия старика вытянулась от ужаса, и он буквально окаменел прямо в проходе.

Легавая подхватила опешившего эскулапа под локоть и мягко, но вполне настойчиво оттащила в сторону, дабы освободить путь для остальных "пришеленцев".

Вслед за доктором внутрь робко протиснулся парень лет тридцати с испытанным лицом (видать - забухал от стресса) и дрожащими руками, которые непрерывно теребили рукава

куртки. Последним в холл неуклюже ввалился охранник, и вот этот персонаж, судя по всему, перепугался сильнее всех присутствующих. И без того бледная рожа секьюрити в секунду побелела ещё пуще, глаза лихорадочно запрыгали по сторонам, и в следующее мгновение он от дикого перепуга совершил самую глупую вещь в своей жизни: выдернул из кобуры пистолет-шокер, целясь напрямиком в Эльбруса.

Всё произошло настолько молниеносно, что никто из ветеранов не успел даже выдать сочный матерный загиб. Охранник нажал на спуск, но попал он, конечно же, вовсе не в гигантского кваза... К слову, в которого было сложно не попасть. Ему на пути попалась многострадальная и патологически "везучая" блондинка. Хотя кваз и успел оттолкнуть её немного, но всё равно это её не уберегло.

А потом говорят, мол сторожилы куда ловчее и быстрее свежаков. Нервный мужик уделал всех.

Получить полноценный разряд от электрошокера - ощущение незабываемое. Первое, что девушка успела почувствовать, это то, как два жала впиваются в её походную форму. Армейскую одежду они, к чести изготовителя, не пробили, однако толку от этой маленькой победы оказалось прискорбно мало. В следующую же долю секунды лютая, парализующая боль вонзилась сразу в две точки на теле и между этими контактами с бешеной скоростью побежал ток.

Мышцы, оказавшиеся зажатыми между двумя злосчастными гарпунами, мгновенно и одновременно сжались в один чудовищный спазм. В такой пикантной ситуации ни вскрикнуть от неожиданности, ни даже банально зажмуриться невозможно, мышцы лица и шеи каменеют в ту же секунду, превращая тебя в живое, наскоро зацементированное изваяние.

А следом к этому увлекательному аттракциону подключилась и диафрагма, выдав серию резких, мучительных содроганий, из-за которых Легавая испугалась, что задыхается и начала рвано ловить ртом воздух. Ощущение было такое, что она дышит через туго затянутую на горле петлю. Ноги у неё, разумеется, тут же подкосились, и девушка рухнула, до кучи приложившись затылком о холодный кафельный пол. Весь окружающий мир перед глазами мелко и противно задрожал, а тело начало выгибать дугой. Эти несчастные десять секунд непрерывной подачи тока тянулись для неё как целая бесконечная и изуверская жизнь.

Когда разряд наконец иссяк, блондинка осталась неподвижно лежать на полу в состоянии прострации. Перебздевшего охранника к тому моменту, разумеется, уже скрутили, причём сделали это, по авторитетному мнению Бучи, как-то чересчур нежно. И пока несчастная Лега на ощупь пыталась сообразить, где у неё теперь верх, а где низ, всю троицу перепуганных до усрачки мужиков уже всюю допрашивали, демонстративно не спуская их с прицелов четырёх автоматных стволов.

Как выяснилось, эти люди действительно являлись персоналом госпиталя. Свою медсестру они благоразумно оставили на четвёртом этаже на всякий случай, а вот с жителями пятого у них, мягко говоря, случился разлад - тупо не поделили ресурсы. Там окопалась пара пациентов и ещё немного сотрудников.

К слову, остальные соседи сверху тоже в конечном итоге решили спуститься на огонёк, однако делали они это с максимальной осторожностью. Сначала долго слушали шорохи под дверью, панически шептались, а потом испуганно убегали наверх, когда отряд переговаривался между собой. В общей сложности они сделали три или четыре таких робких подхода, пока наконец не дошли до крайней точки отчаяния и всё-таки не постучали.

Впустили их ровно так же, как и предыдущих визитёров. Эльбрус, пребывая в своем стандартном стиле «всё под контролем, кроме моего терпения», сначала с ними неприветливо побеседовал, а затем распорядился поделиться с прибывшими пайками. Само собой, те были в шоке. Нет, не просто «в шоке», а именно в глубоком ужасе от вида угрюмого громилы.

И всё же, вопреки страху, несчастные тянулись к бойцам. Потому как присутствие типа в разгрузочном жилете и с автоматом наперевес давало хоть какое-то ощущение защиты от "зомбей".

Эльбрус брать с собой кого-либо из гражданских не собирался, и поступал вполне логично. Необходимую помощь они оказали, базовые правила выживания объяснили, однако боевой отряд - это не гуманитарный автобус.

Хотя одна дама с пятого этажа всё же попыталась напоследок надавить на жалость. Тучная, с измученным лицом и глазами, в которых перманентно крутился бесконечный сериал «Я ЖЕНЩИНА, ЯЖМАТЬ, А ЗНАЧИТ МНЕ ОБЯЗАНЫ», она ловко вынырнула из-за спины своей группы. Гражданка намертво вцепилась умоляющим взглядом в Мориган и со скорбной, душещипательной интонацией выдала:

— Ну вы же женщина! У вас же есть сердце! У меня ребёнок! Что же с ним будет? Да будьте же вы людьми, ну довезите нас до ближайшего убежища!

Мориган посмотрела на просительницу так, будто та предложила ей съесть тухлое яйцо, однако сдержалась и промолчала. А вот Буча, судя по хищному оскалу, в этот момент уже мысленно прикидывал, насколько далеко и глубоко её можно послать.

— Значит так, — пророкотал Эльбрус. Соседи от этого звука моментально съёжились и постарались занять позиции подальше от его тяжёлого взгляда. — Взять вас с собой мы не можем. У нас военная задача, а на хвосте гражданским не место. ИРП выданы каждой группе, ещё и с запасом. Я даю по технику на каждую, чтобы смогли найти или привести в чувство хоть какую-нибудь машину и выехать из города. Немного оружия получите тоже. Это максимум, который мы можем себе позволить. И за это, между прочим, вы должны быть благодарны. Никто вам ничем не обязан. Вы здесь - сами по себе. Скажите спасибо, что не оказались восточнее. Там бы вас уже давно перехватили и пустили на органы. А мы, между прочим, благодушно отрываем от себя стратегически важные ресурсы! — Он метнул короткий взгляд на своих. — Око, Перо, помогите с техникой, чтобы они могли отчалить. Мориган, Буча - прикрывайте техников. Шевелитесь, буря спала. Через два часа выдвигаемся.

— Эльбрус... командир... — затянул с надеждой в голосе Владимир Эдуардович, пожилой хирург - из первой тройки пришельцев. — Ну скажите, разве не можем мы, действительно, к вам на хвост упасть? Насколько я понял, вы ведь тоже в какое-то убежище направляетесь. Так, может быть... может, и нас там приютят хоть на какое-то время? Обещаю, мы не создадим проблем... Опекать нас не нужно...

— Да как это не нужно?! — Возмутилась полнушка. — Мы за что налоги платим?!

— Твою ма-а-ать! — Бульба покачал головой.

— Армия должна нас сопроводить! В целости и сохранности!

— Мы. Не. Армия. — Просветил её Док.

— Я обозначил для вас самые безопасные стабы. Маршрут - на карте. А тот, куда идём мы, - это военная база. Житьё там, скажем так, совсем не мягкое. Не санаторий. Вам там не понравится. И да не нужны вы там. Максимум кого оставят - это медиков. Так что, следуйте плану. Удачи вам, и пусть Улей будет к вам благосклонен.

На этих словах огромный кваз развернулся и размашистым шагом пошёл к себе в комнату. Полнушка никак не унималась и начала вновь канючить, но это громили мало волновало.

Легавая встала с банкетки, бережно распрямляя пострадавшее тело. Плечи до сих пор ощутимо ломило, а суставы мелко звенели от последствий недавнего удара шокером. Она молча смотрела вслед уходящим растерянными людям, отмечая их опущенные головы, сдавленные губы и тоскливые глаза. Постояв секунду, девушка пошла за Эльбрусом. Моника в свою очередь провожала её тяжелым, словно немой укор, но при этом совершенно бессильным взором. С тех пор как бывшая фаворитка позорно проиграла негласный бой за сердце кваза, она больше предпочитала не отвечивать.

Эльбрус активно собирался в своей комнате. Легавая вошла без стука, но командир даже не поднял на неё глаз, продолжая проверять снаряжение.

— Как самочувствие после шока? — спросил он, сосредоточенно роясь в недрах вещмешка.

— Уже лучше. Хотя плечи всё ещё болят. — Она аккуратно потёрла место под формой, где коварный ожог до сих пор отзывался пульсирующей болью. — А твоё как?

— Как я и говорил, всё в норме.

Кажись не врёт. Выглядит он действительно бодро.

Лега подтащила белый пластиковый стул и забралась на него, однако даже эта хитрость не помогла сравняться с командиром. Теперь её макушка едва доставала до его подбородка. Девушка осторожно обвила руками его торс и доверчиво прильнула к широкой груди, уткнувшись носом в шею. Сквозь плотную ткань формы и жёсткие пластины бронежилета это было неудобно. Рельеф тактической экипировки слегка царапнул нежную кожу лица, но это было неглавное.

— Рядовой женщина, отставить нежности! — командным тоном бросил он, однако сам отстраняться не спешил.

— Погладь меня по спине, — попросила она. Ей было тепло, и от кожи Эльбруса пахло чем-то очень родным, умиротворяющим. Она вдохнула этот запах глубоко, стремясь запомнить его.

— Не забудь надеть бронежилет, — сказал он уже заметно мягче, и наконец неторопливо провёл огромной ладонью по её спине. Его грубые, покрытые мозолями пальцы плавно скользнули выше, случайно запутались в волосах, и коготь, мать его, застрял в светлой пряди.

— Ай! — поморщилась она, резко отдёргнувшись в сторону. — Ты чего, хочешь сделать меня такой же лысой, как ты?

— Тебе не пойдёт, — оскалился он в улыбке, обнажив крупные зубы.

— Ты молодец, что помог им. Без нас они бы точно не протянули.

— Не факт, что и с нашей помощью протянут, — недовольно прогудел он, возвращаясь к прерванному занятию. — Опыта у них с гулькиным носом. Пайков мало. До стаба, может, и дотянут. А может, и нет.

— Всё равно это лучше, чем без ничего бросить их здесь. — Она слегка отстранилась, внимательно вглядываясь в его суровое лицо, после чего ласково взяла его за щеки ладонями. Пальцы мягко скользнули по его угловатой челюсти.

— Кхе-кхе... — просипел мужской хриплый голос в дверях.

Блондинка, словно обожжённая, мгновенно отпустила лицо генерала и растерянно обернулась на Дока, который пришёл к главному потолковать по какому-то срочному делу. Знахарь замер на пороге, явно чувствуя себя лишним.

— Прошу прощения, — выдавил медик, неловко переступая с ноги на ногу.

— Ой... Пойду собираться, — невпопад пробормотала Легавая и торопливо соскочила со стула, пытаясь вернуть себе деловой вид.

— Стой-ка... — Знахарь неожиданно перехватил её за предплечье.

Его пальцы сжались на руке девушки удивительно крепко. В ту же секунду Док странно замер, а его зрачки неестественно расширились, почти полностью затопив радужку. Он уставился куда-то в пустоту мимо неё, словно прямо в воздухе перед ним развернулся невидимый для остальных холст, а затем медленно перевёл этот остекленевший, пугающий взор на Эльбу. Кваз с Легой в полном недоумении переглянулись, не понимая, что за странная пантомима сейчас происходит.

Внезапно Знахарь тепло, как-то по-отцовски улыбнулся и понимающе покивал огромному командиру, чем окончательно смутил двух взрослых людей. Однако уже через мгновение благодушная маска сползла с его лица. Док сделался серьёзным, кожа его заметно побледнела,

а лоб покрылся мелкой испариной, будто от резкого скачка давления. Напряжённое молчание затянулось, и не прошло и десяти секунд, как он, сглотнув, вдруг выдал замогильным тоном:

— Вы знаете... а слоны ведь... очень злопамятные животные...

Легавая с Эльбрусом вновь обменялись быстрыми взглядами, поглядывая на застывшего медика уже как на натурального шизика, у которого окончательно поехала крыша.

— Лега, мне надо с нашим командором переговорить... Иди.. иди... — Док наконец отпустил руку девушки, возвращаясь в действительность, и деревянным шагом направился прямо к генералу.

Блондинка покидала комнату в полном замешательстве. Эти знахари - такие чудики! Вечно они в своем репертуаре! Любят нагнать таинственности, тумана в глаза напустить, а ты потом ходи, ломай голову и расшифровывай их бредни. Девушка раздражённо фыркнула про себя: она ведь ещё от той зловещей "опасной воды" не отошла, а тут уже какие-то слоны нарисовались!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.